

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Запорожская Спешка.

ПѢСНИ И ДУМЫ

○

**ЛѢЦАХЪ И СОБЫТІАХЪ ДО БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКАГО.**

Степановскій, Дмитрій Ивановичъ

**ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИЦА.**

ЧАСТЬ I.

Głucho wszędzie, ciemno wszędzie!

Mickiewicz.

Такъ вѣчной памяти бывало

У насъ въ Гешманьщинѣ колѣсь.

Котляревскій.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1833.

1056-243658

DK

35.3

577

1833a

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

св. вѣдѣнъ, что бы по означеннымъ предостав-
ленъ были св. Цензурный Комитетъ пять
экземпляровъ. Москва, Мал 19 дня 1833.
Цензоръ Дашубскій.

52098W

Издавая въ свѣтъ мое собра-
нiе Запорожскихъ пѣсень и думъ,
я имѣю въ виду оказать услугу,
хотя и маловажную, не однимъ
любителямъ народной поэзи, но
преимущественно любопытствующимъ
знать старину Запорож-
скую, — бытъ, нравы, обычаи, под-
виги этого народа воиновъ, кото-
рый своею храбростію и смѣло-
стію, своимъ вліяніемъ на весь юго-
востокъ Европы и даже малую
Азію особенно въ XVII столѣтіи,
своимъ страннымъ составомъ, и
образомъ жизни, и характеромъ,

Часть I. (5)

1

будучи отличенъ отъ всего, его
окужавшаго, заслужилъ мѣсто въ
памяти потомства. Лѣтописи
Украинскія повѣствуютъ только
о подвигахъ сего народа, касаясь
очень рѣдко до внутренней жизни
его, и самыя даже подвиги описы-
ваютъ иногда кратко, иногда не-
вѣрно, сбивчиво, часто противорѣ-
ча одна другой. Еще менѣе заслу-
живаютъ вниманія лѣтописи Поль-
скія; еще менѣе — лѣтописи Мол-
давскія, наконецъ Русскія лѣтопи-
си почти ничего не говорятъ о За-
порожцахъ. Эта бѣдность исто-
ріи Запорожцевъ въ источникахъ
письменныхъ, заставляетъ наблю-
дателя искать другихъ источни-
ковъ, — и онъ находитъ для своихъ

исслѣдованій богатый, неистощимый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

Сии преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во все ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья сшарины глубокой.

И досель на Украинѣ есть
какъ - бы особенный цѣхъ стари-

ковъ, кои то, подъ названіемъ и ремесломъ цыццъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село, и пѣшати народъ своей иврою на бандурь, (*) своими печальными капѣвами пѣсень и думъ старинныхъ, своими рассказами про бывшее.

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ летописей. Хотя

(*) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 28 струнахъ. *Негасевъ* упоминаетъ о пандурь, похожемъ на цытру и употребляемомъ Горцами. См. Поляр. Звѣзду на 1825, стр. 235.

преданія о старинѣ, ими рассказы-
ваемые, и подлежатъ строгой кри-
тикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необ-
ходимы для всякаго, кто желаетъ
знать исторію Запорожцевъ и да-
же остальной Украины. Что ка-
сается до событій, до внѣшней
исторіи народа, какъ называютъ
Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ мо-
гутъ быть ошибки въ мелочахъ, —
въ именахъ собственныхъ, въ по-
слѣдовательности происшествій.
Этого рода преданія можно повѣ-
рить летописями, еще лучше свѣ-
рить ихъ между собою; ибо ни
ложь ни ошибка не можетъ быть
общей, одинъ бандуристъ скажетъ
такъ, другой иначе; критика по-
можетъ отличить истину отъ вы-

мысла. Другой родъ преданій бандуристовъ—о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанию, и по обширности.—Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, — старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго слад-

коелася, ни изнѣженности чувствъ,
ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ
нихъ все дико, подобно дубровамъ
и степямъ, принявшимъ ихъ на
лоно свое при рожденіи, — все по-
рывисто подобно полету урагана
степного, подъ глухіа завыванья
котораго онѣ взлелѣяны, — все бур-
но, подобно минувшей жизни Запо-
рожья. Нѣжное чувство нерѣдко
пробивается сквозь грубую обо-
лочку оныхъ, но какъ кипучая вол-
на Ненасытенской пугины Пекла
среди холода зимняго сквозь про-
зрачную кору льда, ее покрываю-
щую, — пробивается, и застыва-
етъ на оной. То пѣсни юноши, ко-
его сердце, погорстѣвши для у-
милнаго чувства любви, суровое,

непреклонное, радуется одною радостію победы и добычи, — пытается однимъ желаніемъ битвѣ, — юноши, который, равнодушно взирая на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчужденіемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пьески дышатъ отвагой, самонадпьянностію.—

То думы старца: убитенная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли будто дымъ сновидѣній; но его душа осталась еще одна улада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбужда-

юице; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва слышимый, оживляется, мучается, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнилась ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго.—Въ пѣняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи Запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холодный эпизмъ.

Такое общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора — беллетристика, важны для историка и этнографа. Подлинныя музыка, будучи вытверждаемы слово въ слово, или почти такъ, оны подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: оны суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что

доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думмахъ говорится о повѣстуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Цертелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, т. е. не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайнаго слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себя пѣсни и думы, собственно историческія, т. е. имѣ-

юща предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія, — думы нравоучительныя, религіозныя, и пр. Первый родъ важенъ преимущественно для внешней исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ я и въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣ-

сень и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пьсьню, Максимовичъ — около двадцати пьсень; всего не больше 40 пьсень, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоцвѣтность памятниковъ поэзи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользу оныхъ для исторіи Запорожцевъ — побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, потившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пьсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною;

большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее, — наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были всѣ пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь нѣтъ и половины, и того болѣе; покрайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что

енювъ соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсень и думъ, и варианты. Не прилагаю словаря, надѣясь современемъ издать полный словарь Украинско-Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ, — я употребилъ для пѣсней и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія онаго.

До сего времени появилось очень много мнѣній и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличались или любовію къ гумацкой грубости выговора, или зпор-

ностію и многообразієм своихъ правилъ. Больше другихъ любопытны мнѣніа Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію Малороссійскихъ пѣсень. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ неполно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общаго употребленія, — и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологию. Я кароче пересматри-

всѣхъ вѣхъ лѣтописи, бумази, писемъ, — словомъ все, что попадалось мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюсь на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть—а чего не можетъ быть?—Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ да-

же гораздо приятнее будетъ встрѣ-
титьъ противниковъ съ доказа-
тельствами неосновательности и не-
правильности моихъ мнѣній, нежели
защитниковъ съ похвалами:
только отъ первыхъ могу ожидать
истиннаго сужденія. И такъ:

1. Согласныя буквы я пишу
всегда слѣдуя выговору народному,
исключая буквъ ф и хв: Украинцы
выговариваютъ ф какъ хв, а хв
какъ ф.

2. Полугласныя буквы также
пишутся по выговору, исключая
однихъ случаевъ, когда должно пока-
зать корень, напр. въ словѣ вѣйсько
(войско) ѣ не выговаривается, но
его должно писать, ибо не видно бу-
детъ происхожденія слова; ѣ въ семѣ

слово хотя и не нуждается по происхождению, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: а, е, и, ы, о, у.

Мяккія: я, ё, љ, ѝ, ѱ, ё, ю.

Твердыя: а, о, у, — выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; е, употреблялась также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское э, или Французское è; и, ы, — употребляются тамъ же едь и по Русски, но выговариваются иначе, объ какъ Польское или Богемское у, т. е. не много мягче Русскаго

ы, имѣя срединный звукъ между Русскимъ ы и в.

Мякія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная ъ; напр: люди — какъ люди; ѣхать, по Укр. ѣхати, выговар. ьхати. Буквы: я, е, ю, — употребляются тамъ-же, едѣ по Русски; буквы: ё ѓ, — тамъ едѣ твердыя е, и — выговариваются мяко; і, ѓ, — едѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мякаго и.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: е, і, и, ы — выговариваются мяко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нуж-

*нымъ объяснить предварительно мо-
имъ читателямъ.*

*Предаю на судъ благосклонно-
сти трудъ мой, и не премину вос-
пользоваться советами, если толь-
ко буду ими удостоенъ.*

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1833 года Апрѣля 2.

П Ъ С Н И.

1.

Надеробнал пльсь Свирговскому.

I.

Ой у городі у Черкасі
Сурьмы засурьмили;
Якъ ші Лашьски Комиссары
До Гешьмана приходили.

II.

Ой у городі у Черкасі
Бубны заорали,
Якъ ші Лашьски Комиссары
До Гешьмана прибували.

III.

Ой, Пань пышный, Пань Свирговскій,
А ще другій, Пань Зборовскій,

(27)

IV.

А ще ирешій, Морозенко,
А чешвершній, Павъ Горленко.

V.

Що изъ Волохами Турокъ дерешься,
А изъ Ташарами Волохъ бьешься.

VI.

Та Волошськи земли руйнують,
Плиндрують, ще й не милують.

VII.

Ой, зайржали кони, кони,
Та пидъ гору идучи;
Заголосили бусурманы
Та до Киїи идучи.

VIII.

Опшъ якъ Павъ Свирговській
До Киїи прибувавъ,
Усїхъ Козакївъ собиравъ,
Та на Радї прохавъ.

IX.

Снизить орликомъ лишавъ,
Яворонькомъ гнувся:
Де-сь шо я, мон милй брашья,
Та й сподѣнуся.

X.

Сподѣнувся Панъ Свирговськй
У сырйй могилй,
Якъ Козаки бѣля ёго
Та загомонили.

XI.

Плакала спара баба Грыциха
Мовь перепелиха, мовь перепелиха;

XII.

Молода сеспра сонь-справу првала,
Спарую пышала, спарую пышала:

XIII.

—Чи шой сонь-справа Козацькая сла?
Чи шой сонь-справа Козацька могла?

XIV.

— Ой, шой сонъ-шрава, голубонько,
Зросшився у полі,
Та піймала шу шраву недоля,
Та дала моїй доні.

XV.

Ой, доня-жъ, доня, моя доня,
Годі сумовати;
Що нашого молодого Йвана
У могилі шукаши,

XVI.

У глібокій у могилі,
Біля города, біля Киліи.

XVII.

Не шо башенько сына прощавъ,
Шаблю ша зброю дававъ;

XVIII.

А шо маши сына выпровожала,
Що слізьми опрощенье давала,

XIX.

Що сльзьми опрощенье давала,
Що на горе собі ёго выговдала.

2.

*Вторая надробная пльскъ Сви-
говскому.*

I.

Якъ шого Пана Йвана,
Що Свиловського Гешьмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали,

III.

Ой голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вишали.

IV.

Та у сурьмы вийгравали,
Зъ ёго гламовали.

V.

А нъзъ ннзу хмара снѣгала,
Що вороннѣзъ ключа набнѣгала,

VI.

По Украиннн шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Он Украинна сумовала,
Свого Гешьмана оплакала.

VIII.

Тодн бунны вншры завывали.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана споднвали?

IX.

Тодн кречешы налншали.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана жалковали?

X.

Тодн орлы загомонили.
— Де-жъ вы нашого Гешьмана вхоронили?

XI.

Тоді жаворонки повналися.

— Де-жъ вы нзъ нашимъ Гешьмакомъ
просидилися.

XII.

— У глѣбокѣй, умогилѣ,
Бѣля города бѣля Килѣи,
На Турецькѣй линѣи.

3.

Убіеніе Серпаги.

I.

Ой у городѣ у Львовѣ
Зашумѣли вербы.
Козакъ бурлакъ вбишый лежиць
Серпага ша мершвий.

II.

Ой у городѣ у Львовѣ
Задзвонили дзвонны.

(33)

**Козакъ бурлакъ вбишый лежишь.
Правляшь похорономъ.**

III.

**А у городѣ у Каневѣ
Та й заголосили,
Що Серпягу у могилу
Тихо положили.**

IV.

**Ой Серпягу положили,
Та и заховали;
Та поминь ша по Украинѣ
Поминь видправляли.**

4.

Надеробная пѣснь Серпягъ.

I.

**Ой и сила, сила, сила
Силу подолѣла,**

Серпягові ша у Львові
Споділа могила.

II.

Споділа могила,
Якъ Волохамъ любо,
Пришнали ша Серпягу
До сухого дуба.

III.

Ой Волохи, ой Волохи!
Зъ чёго-жь ёго звали?
Що Козакамъ Запорожицамъ
Та израду дали.

IV.

Та израду дали
Господарю своему.
Ой Гешьману Серпягові
Добро було й дома.

V.

Поминайше-жь лихомъ
Господаря свого.

Чи вѣтъ добрый, чи вѣтъ злюка,
Ой, що вамъ до шого.

VI.

Хоть вѣтъ добрый, хочъ и злюка,
Абы не падлюка.
Пришляйше ша Серпягу
До сухого сука.

VII.

Що Серпяга шо Серпяга
Браша Жаха мае,
Та вѣтъ браша, ша вѣтъ Жаха
Поминь сподѣлае.

5.

Сожженіе Магилеса.

I.

Ой у городѣ Могилевѣ
Дымомъ полягнуло,

(36)

Якъ шо вѣйсько Запорожське
Зъ гармашъ ша ревнуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та спалося пушно,
Якъ повѣяли Козаки
Зъ самопалѣвъ гусно.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы ша гадюки ;
Ляшськимъ шѣломъ годуюшься,
Ляшську шѣлу радуюшься.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни ша колоды ;
Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшськѣй породѣ.

V.

Не шакоє йще-бъ лихо,
Якъ шає позора,

Що ходишь ша по білу овину
Зъ двора ша до двора.

VI.

Не такъ шая позора,
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину шажуючи,
Дяхамъ далась зрада.

VII.

Далась Дяхамъ зрада
Изъ самого рана
Видъ Гетьмана Наливайка;
Шановного Пана.

6.

Убіеніє Наливайка:

I.

Славна спаша ша Кравчина
Якъ на Польщу спаша,

Вовкулакамъ Капшолікамъ
Мешючи зраду здала.

II.

Тую зраду, пую зраду,
Що въ мурі въ шемниці
Зъ Наливайка позычала
Якъ зъ бідной вдовицы.

III.

Вдовинъ сыну, вдовинъ сыну!
Еще въ шебе брашья;
А въ брашівъ своихъ Козаківъ
Богацько завзяшья.

IV.

Сходилися вси Козаки,
Раду положили,
Та на Раді на Поляківъ
Походъ присудили.

V.

Росходилися Козаки
Изъ своей Рады,

Выбирали съ нѣдъ каминьѣвъ
Великин клады.

VI.

Клады продавали;
Самопалы куповали;
Куповали самопалы,
Въ походѣ выспунали.

VII.

А по переду всѣхъ Голый
Соколомъ лѣшае;
На конику вороному
Жахомъ выгравает.

VIII.

Привершали Козаченьки
По равну до Слуцк,
Та зъ гармашы густовали
Кашоликѣвъ звучи.

IX.

А Дяхи ѣ почувли
Увъ опвишь ревнули.

Бодай-же имъ шажко й важко
Що вони ревноли.

X.

Що вони ревноли,
Биду провищали;
А Козаки Гайдомаки
Думали й гадали.

XI.

Думали, й гадали;
Думали й гадали;
Тяжко, важко за Гопшманомъ
Своимъ шумовалъ.

XII.

А въ Варшаві ша на Раді
Та судьи судили;
Та въ волю спалиши
Наливайка присудили.

XIII.

Присудили Наливайка
Та Ляхи спалиши,

**Присудили Коваченьки
Ляхамъ видомощини.**

7.

Отступникъ Тетеренко.

I:

Ой по горѣ вѣшеръ вме,
Вме, завывае;
А въ долині храбре вѣсько
Въ походъ вышпуае.

II.

Въ походъ вышпуае
Та на бусурмана;
Коней знаяе,
Молишь Ашамана:

III.

Паке Ашамане,
Хоробрый Тешерю!

(42)

рмака! —
ь пошеря.

ря,
ь подрашья:

Каневымъ
осшавашья. —

е,
кенцѣ жлушь;
гу
шь.

чѣго.
и хмельный,
ый!

чѣго:

)

Везути
Сын

— Ванько м
Що-жъ
— Вже-жъ не
Везути

А въ Варшавѣ
Судьи с
Привезути на
У лму

У лму засада
Хиѣнца
Воды не даду
Винца

А дадушь нам

Йжъ, Google

Везушь изъ Тешерею

Сына молодого.

VIII.

— Башько мій опармй ,

Що-жь шо буде зъ нами ?

— Вже-жь не шо, шо Ляхи .

Везушь до Варшавы .

IX.

А въ Варшавѣ ша на Радѣ

Судьи собѣ рядяшь ;

Привезушь насъ до Варшавы

У яму засадышь .

X.

У яму засадышь ;

Хлѣбця не дадушь ,

Воды не дадушь ,

Винця не дадушь .

XI.

А дадушь намъ сыру землю :

Ижь, хочъ подавися ;

Тільки на свіпшъ Божій
Дивись, не дивися. —

XII.

Ой по горі вѣперъ вѣе;
А все поле — гуць, гуць.

А Тешерю ша изъ сыномъ
У Варшаву везушь.

XIII.

А на річкѣ на Вислянкѣ
Судяшь, рядяшь ша, Полки:
Чи Тешерю вбиши,
Чи у яму засадиши.

XIV.

Засадили Тешерю
Изъ сыномъ у яму;
Та й зрядились ша продаши
Їго бусурману.

XV.

Ой по горі вѣперъ вѣе,
А въ Бендерахъ дымно;

Тамъ Тешеря ша нъ сыномъ
Въ Полякнѣ дивно.

XVI.

Ой по горѣ вѣшеръ вѣ,
Вѣ до Керману;
Тамъ Тешеря ша нъ сыномъ
Въ вжѣ ѣ бусурмана.

XVII.

Ой по горѣ вѣшеръ вѣ,
А все поле — чкъвъ, чкъвъ;
Тамъ Тешеря ша нъ сыномъ
Часпуе Ляхнѣ.

XVIII.

Часпуе, часпуе,
Та ѣ не начаспуе;
Во Тешеря вжѣ ѣ безъ сына
Ходишь, ша сумуе.

XIX.

Сумуе, сумуе,
Та ѣ не перешаме:

— Прощай сынку, сердце мое,
Сердечко кохане. —

XX.

А рыбалка по бережку
Якъ ласпінка вьешься;
А башенько ша по сынку
Тяжко, шяжко рвешься.

XXI.

Плачь, плачь, Тешерю,
По коханімъ сынку!
— Вже изъ Польщи, изъ Варшавы,
Не вернешся, сынку!

XXII.

Ой не дай-же, Боже;
У Польщѣ умерши!
Никшо не посумуе
О швой смерти.

XXIII.

Тыльки-жь ворожь, ворожь
Прилетишь до шебе,

Та й сланишь на шебе,
Та поклое шебе.

XXIV.

Ой поклое шебе,
Та й перешпане.
Прилешнишь зозуленька
Та плакаши спане.

XXV.

Тільки жь воронь ша зозула
Й будушь шебе знаши;
Тільки жь одна зозуленька
Й буде сумоваши.

XXVI.

Жаль, жаль шебе, сынку,
Коханий жовниру,
Що проминавъ свою віру
На чужую віру.

8.

Убієніє Тетеренка.

I.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська-Рада ;
Що всіей Украині
Далася порада.

II.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська сїча ;
Що побито Каполиківъ
Зъ Подолья, зъ Поріччя.

III.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська хмара ;
Що Кравчина Каполикамъ
Похмїлье задала.

IV.

Не шакого похмілья ,
Якъ Козакамъ звесмля ;
Не шакои порады
Якъ Полякамъ примирья.

V.

Тїльки шо й горе, що Тешеренко
Зъ Ляхами здружився ;
Руйновали церкву Божу
Та й не успыднися.

VI.

Спали глумы , спали глумы ,
Спали й поговори :
То Козаки ша зходились
У Раду по волї.

VII.

А у Радї присудили
Тешеренка ськаши ,
А пїймавши Тешеренковї
Голову здїймаши.

VIII.

Якъ на шею обѣзавася
Случай тій мопорный,
Каже: — я ёго пѣймаю,
Голову зрубаю.

IX.

Та й усѣхъ васъ, Гайдамакинъ,
Просишися мушу;
Подаруйше Случаевѣ
Шельмованьца душу. —

X.

Пѣйшовъ Случай ша блукаши,
Тешеренка шукаши;
Ось и спавъ винъ до Варшавы
Конемъ привершаши.

XI.

Опъ якъ спавъ винъ до Варшавы
Конемъ привершаши,
Спавъ зъ Ляхами Тешеренко
Зъ лѣса выхожаши.

XII.

— Здоровъ, здоровъ, Тешеренко!

Якъ чци маешъ жиши?

Приказали Гайдомаки

Тебе изловиши. —

XIII.

Тодѣ спали на Случай

Ляхи насшупаши,

А Случай спавъ Гайдомакивъ.

Биши ша рубаши.

XIV.

Усѣхъ побивъ, усѣхъ зрубивъ;

Тешеренка повязавъ,

До коняки привязавъ,

Та ѣ заполовавъ.

XV.

Случай, Случай половуе;

А Тешеренко бьешься,

Молишь, молишь Случаевѣ..

— Ляхо — ка — минешься. —

XVI.

Минулося лихо,
Якъ спелы минули;
Та до Січѣ до великон
Хушко привернули.

.....

9.

Подесиш Лободы.

I.

Ой у городі у Башурині
Дзвонны задзвонили:
То Козакн Гайдомакн
У Раді радили.

II.

Ой у Раді ша радили,
Якъ на Польщу спашти,
Та на Раді присудили
Вкраину ёднати.

Часть I. (53)

5

III.

Опть и вийшли Гайдомаки,
Хочь шысляча й двійспій,
Та богацько та за ними
Зведешься корыспи!

IV.

А по переду Пань Сулима
Ашамань Кошовій.
Чёго-жь жаху завдаваши,
Що вийъ чёрнобровій?

V.

Пань Сулима, Пань Сулима
Козаківъ збирае,
Та й усимъ тимъ Гайдомакамъ
Опть шакъ промовляе:

VI.

— Товарици Гайдомаки,
Чинишь мою волю!
Що намъ шреба відплашиши
Вкраинську недолю.

VII.

Хочъ насъ, Паны Гайдомаки,
И шмысята й двіспіи;
Та богацько ша за нами
Зведешься корыспи.

VIII.

Ой богацько ша корыспи
Зведешься за нами,
Коди схочеше побисься
Бучно изъ Лхами. —

IX.

Якъ на шеє обізвавсь
Лободівській Чура;
До Козаківъ укланяє,
Ошъ такъ промовляє:

X.

— Ой Панове Гайдомаки,
Добро себе майше,
Що за мого Пана Йвана
Лхамъ відомщайше.

XI.

Ой мій Пано, Пано Йване,
Де-сь по шм zobгався,
Що на Ляхиъ спавъ завперше,
Та й не сподівався.

XII.

Ой мій Пано, Пано Йване;
Наливайкиъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, ша й байдуже.

XIII.

Ой мій Пано, Пано Йване,
Де-сь по шм сподівся,
Що у мурі у шемниці
Ляхамъ знадобився.

XIV.

Ой Панове Гайдомаки
Пана Йвана вспоминише,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ відомспише.

XV.

Коли хочеше Украйну
До себе ёднаши,
То вамъ треба Пана Йвана
Добромъ поминаши.

XVI.

Якъ Вкрайну шїи Ляхи
До себе ёдали;
Тодї наши зъ Паномъ Йваномъ
Въ походъ выснували.

XVII.

Якъ Вкрайну шїи Ляхи
До себе ёдали,
Тодї наши зъ Паномъ Йваномъ
Ляхівъ воёвали.

XVIII.

Ой и Ляхівъ воёвали,
Якъ по Бугу спали;
Та Гешмана Попоцькаго
Двїчи загандали.

XIX.

Ой в Ляхівъ воєвали,
Якъ по Прушу спали;
Того було що й Цоцору
Добре пнидровали.

XX.

Добро було, добро було,
Та спалася й зрада.
Що забило Пана Йвана
У неділю зрана. . . .

10.

Походъ Сагайдачного.

I.

Ой на горі ша женці жнушь,
А по пидъ горою,
По пидъ зеленою
Козаки йдушь.

II.

По переду Дорошенко
Веде свое вѣйсько,
Веде Запорожське
Хорошенько.

III.

По серединѣ Пань Хорунжій.
Підъ нимъ кониченько,
Підъ нимъ вороненькій,
Сильный ѣ дужій.

IV.

А по заду Сагайдачний,
Що промѣнявъ жѣнку
На шюпюнь ша люльку
Необачный.

V.

— Ой вернися, Сагайдачний;
Возьми свой жѣнку,
Покни мою люльку,
Необачный. —

VI.

— Милій зъ жинкою не возишься;
А прощомъ ша люлька
У дорозі Козакові
Знадобишься.

VII.

Гей, хто въ лісі, озовися,
Та викрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися!

11.

Подсиги Савы Чалаго.

I.

Ой бувъ у Січѣ старый Козакъ,
Прозваніемъ Чалый.
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

(60)

II.

Ой не схопѣвъ ша Пашъ Сава
Козакамъ служивши:
Вѣтъ пѣйшовъ до Ляшнѣкѣвъ
Славы залучивши.

III.

Вѣтъ пѣйшовъ до Ляшнѣкѣвъ
Службы вѣдправлявши,
Изъ Ляхами православку
Церковъ руйновавши.

IV.

Ой и бувъ Сава, ша ѣвъ сало
Та все палницѣ;
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчанъ;
Та все малодицѣ.

V.

Не кохавъ Сава Пашѣвъ Козакѣвъ
Та все Каподолики.
Загубивъ Сава, пропесавъ Сава
Свою вѣру на вѣки.

VI.

Опъ и збиралися Запорожьцѣ ;
Всѣ у Раду схожали ;
За походы шуды-сюды
Про мѣжъ себе рахували.

VII.

Усѣ прійшли, усѣ прійшли ;
Одного нема.
— Ой чѣмъ-же шебе, башьку Чалмѣ,
У Радѣ нема? —

VIII.

— Ой, чѣго-жъ ша минѣ, Пакове,
У Раду ходиши?
Що хочеше мого сына Саву
На вѣки згубиши.

IX.

Хочъ вѣнъ спавъ собѣ до Ляхивъ ,
Та вже-жъ, сынку милмѣ ,
Чѣмъ пы спавъ ша до насъ
Такій спавъ спесивій? —

X.

— Ой, спесивій, не спесивій —

Пань кажушь — Сава;

Та не добра, зурівочна:

Сшала ёго слава.

XI.

Що не шійько що Пань Сава

Церковь на руйнує:

Изъ бѣсами спавъ за право

И барзо знахорює.

XII.

Якъ на те обѣзвешься Голмій,

Каже: — добре знаю;

Я шого Пана Саву

У руки піймаю.

XIII.

Опть и спали на Панове,

Раду розсучили;

Коней посѣддали,

Въ походъ вышупали.

XIV.

Ой ще Сава із Немирові
Въ Ляхівъ на обіді,
Та й не думає й не віда
О своїй горьковій біді.

XV.

Ой ще Сава, й гуляє,
Ляхомъ вырубає;
А до ёго що до Савы
Гонецъ прійзжає.

XVI.

— А що вы шупъ, Хомку?
Чи все гараздъ дома? —
— Прошопшана, Пане, сшежка
До вашого двору.

XVII.

Та все гараздъ, ша все гараздъ,
Усе хорошенько:
Споглядають Гайдомаки
Зъ за горы часненько. —

XVIII.

— Опъ-шо лихо ! выглядуюшь !

Я-жъ ихъ не боюся.

Хиба-жъ нема въ мене вѣйска ?

Я не забарюся.

XIX.

Подай хлопку, подай, Хомку,

Свого вороного ;

Собѣ сѣдлай, собѣ чухрай

Сшарого гнѣдого. —

XХ.

Пойхавъ Сава зъ Немирова

На воронѣмъ коню ;

А, прѣхавши, гадае

Та про свою долю.

XХI.

— Ой, пы-жъ, доле — каже Сава —

Щербашая доле ! —

Пышаешься челдоньки:

— Чи все гараздъ дома ? —

XXII.

— Гараздъ, гараздъ, Пана Сава;
Ще лучше зъ шобою,
Якъ шебе ша побачимо
Та на воронѣмъ коню.

XXIII.

Гараздъ, гараздъ, Пана Сава,
Усе хорошенько.
Выглядаюшь изъ за горы
Козаки часпенько. —

XXIV.

Ой сѣвъ Сава въ концѣ ошода,
Все лиспонецки пише;
А Савиха молодая
Дѣшину колыше.

XXV.

Сава лиспы пише,
Сава думку дбае.
— Ошъ вже Сава, ша Пакъ Сава
Гадку замышляе. —

XXVI.

— Та пі́йди, хлопку, до пивниці́

Та вшочи горі́лки.

Нехай-же ми напьемося

За здорові́ жінки.

XXVII.

Та пі́йди, хлопку, до пивниці́,

Та й ушочи пива.

Нехай-же ми напьемося

За здорові́ сына.

XXVIII.

Та пі́йди, хлопку, до пивниці́,

Та й ушочи меду. . .

Чѣму-сь мнй̂ шрудно, нудно. . .

Головки но звезду. —

XXIX.

Сидишь Сава въ конці́ шпола,

Все листы́ чишае;

А Савиха молодая

Все дума й гадае.

XXX.

Сидишь Сава въ концѣ сшода,
Хлопца вымывае;

А Савиха молодая

Плаче, ша рыдае.

XXXI.

Та й не вспиѣтъ-же хлопцеъ

Зъ спиины ключи зяши;

Сшавъ Йгнашь Голый съ Кравчиною

Ворошы ломаша.

XXXII.

Якъ видсуне ша Панъ Сава

Вѣконьце вѣдъ рѣнку;

А вже шѣи Гайдомаки

Блукають по сѣнку.

XXXIII.

— Та здоровъ, здоровъ; Пана Сава,

Якъ шы себе маешъ?

Що зъ далека госпей маешъ

Чѣмъ ихъ привѣщаешъ?

XXXIV.

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ,
Чи горілкою?

Та прощайся-жъ зъ своимъ сыномъ
Та изъ жінкою. —

XXXV.

— Ой и чимъ мині васъ, Пакове,
Чимъ васъ привішати?
Даровавъ мині Господь сына,
Буду въ кумы браши. —

XXXVI.

— Ой мы не шого до тебе прийшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы зъ шого до тебе прийшли,
Що-бъ тебе розсчишати.

XXXVII.

Ой веди-жъ насъ, Пане Саво,
У нову комору;
Та опдавай намъ, Пане Саво,
Козацькую зброю.

Часть I. (69)

6

XXXVIII.

Та опдавай намъ, Пане Саво,
Сукни, ёдамашки,
Що ты наживъ, вражій сыгу,
Зъ Козацькон ласки.

XXXIX.

Ой мы не того до тебе прийшли,
Що-бъ въ тебе кумовати;
А мы въ того до тебе прийшли,
Що-бъ головку изняти.

XL.

Ой було-бъ шоби, Пане Саво,
Гардъ не руйновати,
Коли ты хопивъ Запорожьцївъ
У кумы собі браши. —

XLI.

Ой кинувсь ша Пань Саво
За свою лсну зброю;
Та підняли при Гайдомаки
На при списы въ гору.

XLII.

Шанаешься, монаешься,
Изъ жѣлкою прощаешься.

XLIII.

— Ой и дайне-жъ мнѣ, Панове,
Изъ жѣлкою попрошанься;
Ой дайне-жъ мнѣ, Панове,
Изъ силою собранься. —

XLIV.

Ой не вснѣзь же на Пань Сава
На коника власнѣ:
У кайданы заковали,
Спнали на вѣзь класнѣ.

XLV.

— Ой, Панове Запорожцѣ,
Хѣба-жъ шо вамъ слава,
Що въ кайданы на залннѣ
Лежнѣ у васъ Сава?

XLVI.

Якъ бы вы ёго объ волю
Зъ кайданѣвъ пуспили,
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Ошъ - снмъ залучили.

XLVII.

Якъ бы вы ёго объ волю
Мѣжъ себе приняли;
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Ошъ + снмъ даровали. —

XLVIII.

Шашаешься, мотаешься,
Изъ жѣнкою прощаешься,
На всѣ чѣтыре стороны
Панамъ поклоняешься.

XVIX.

Ой и дали волю Савѣ
Въ походъ вышупали,
Та богатырю Савѣ
Барзо дьяковали.

L.

Що не вспійвъ-же ша Панъ Сава
Свого конника страсни,
Та й спавъ Ляхівъ, ша й спавъ Ляхівъ,
Якъ снопки класни.

LI.

Ой не вспійвъ-же ша Панъ Сава
На коника сісши;
Було Ляхівъ сорокъ шысяць —
Зоспалося двістї.

LII.

Ой якъ гляне ша Панъ Сава
На правую руку:
— Ой выскочи, коню, коню,
Та зъ Ляхського шрупу!

LIII.

Ой якъ гляне ша Панъ Сава
На правое плече, —
Позадъ ёго, попередъ ёго
Кровавая рїчка пече.

12.

Надеробная пѣснь Чураю.

I.

Орлику, снэй орлику,
Молодой Чураю!
Ой заблѣжъ себе Ляхи
Та у своймъ краю.

II.

Що заблѣи себе Ляхи
Изъ швоимъ Гепьманомъ,
Изъ швоимъ Гепьманомъ,
Що Паномъ Спефаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орливъ бративъ маешь.
Що старыи й молодыи —
Самъ ихъ добре знаешь —

(74)

IV.

Що спарыи й молодии
Всї въ шебе вдался,
Вїдомсїиши ша за шебе
Усї поклялися.

V.

Що спарыи й молодии
Усї голїннии;
А въ ихъ конї вороныи —
Швыдкїи, быспрыи;

VI.

Швыдкїи, быспрыи,
Якъ орлы лишаюшь,
На Дяшськїи города
Хмарой набїгаюшь.

VII.

А въ ихъ списы булашїи
Зь довгими кїицїи,
Всї госпрї якъ голочки,
Зь довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ шабли булашныи,
На обидвы боки,
Дыхамъ граду сыпляшь
По всѣмъ вичнѣмъ рокамъ.

ДУМЫ.

1.

Дары Баторіа. Смерть Богданка.

То не вишеръ буйный по степяхъ
вме, завывае; шо не Ханъ Ташарсь-
кій на Украину військо свое насылае,
що-бъ воно Украину, рідну мами на-
шу, безневинно плидровало, жінокъ
ша дівокъ ша добро наше у полонъ
брало й забирало; коней ша овецъ; усю
Божюю скошину у свои джерела зага-
яло, Козацькі холиви розбивало й
роззоряло; — шо голинній Богданко
усіхъ Козаківъ у Громаду созывае, у
сіхъ Козаківъ, и служивыхъ и прос-

ныхъ, и сосѣднѣхъ, и пѣдсосѣдкѣхъ, и Хоружнѣхъ и прочѣхъ нѣхъ сшаршихъ, усѣхъ хоробрыхъ Сошникѣхъ и Полковникѣхъ у купу сзывае, скликае, до Громады зобирае; а самъ по серединѣ выхожае, шаблюкою блискае, свяшымъ мѣшамъ шри поклоны покладае, а на чѣшыре спороны по одному поклону, ша Козакамъ однѣхъ поклонъ, ша ще Сошникамъ ша Полковникамъ поклонъ; до Бога молишву чишае, а до Козакѣхъ до всѣи Громады шакъ промовлае :

— То не вѣсперъ буйный по спешахъ вые, завывае; по не Ханъ Татарскѣй на Украинну вѣйсько свое насыллае, що-бъ воно Украинну, рѣдну маши нашу, безневинно плиндровало, жѣнокъ ша дѣвокъ ша добро наше у полонъ брало забирало, коней ша овецъ,

ую Волюю скопину у свои джерела
загажало, Козацькі холмы розбивало й
роззоряло; що Король Польщи намъ и
вамъ подарокъ высылає великій даръ
дарує, насъ и васъ шануючи и поважа-
ючи. Хоче вѣнъ, що-бъ вы, брашця, хо-
робрыи Козаки шоварищи, за ёго, Ко-
роля Польщи, Бога молили; ша ёму,
Королю Польщи, якъ Богови, що живе
высоко на небѣ, по вѣрѣ й по правдѣ
служили, Дяхивъ бы не били, а зъ ними
якъ зъ рѣдними брапами жили, на Мо-
скаливъ бы нападали, Ташаривъ-бы по-
бивали й воєвали; а за сее вашему
Гешьмапови, голинному Богданкови,
ша и вамъ изъ нимъ великій даръ да-
рує, а шой великій подарокъ даръ: бу-
лава золоша, ша хоругва зъ спрѣбла,
ша бунчукъ зъ жеребця. Та йще шой
Король Польщи пише, приписує:—Хай-

же, ка, швон Козаки шоварищи служаць мнѣ вѣрою й правдою, якъ великому шому Богови, що живе високо на небѣ; а якъ не будуць служиць мнѣ вѣрою й правдою, шо я имъ шодѣ другий подарокъ подарую: хоробою ихъ пораду, хоробою шяжкою ша важкою.—

А Козаки шое й зачували, до свого Ашамана шакъ промовляли:

— Опъ-се-жъ намъ Король Польщи великій подарокъ — даръ даруе, а не послужимъ мы ёму вѣрою й правдою, шо й хоробою, бачъ, якою-сь насъ порадуе. Якою-жъ бы шо хоробою? Чи не слободою? Та якъ-бы вже опъ-шою хоробою шо слободою, шо усимъ-бы намъ, шоварищамъ Козакамъ, иншихъ даривъ и не шреба. Служили-бъ ёму, Королю Польщи, по вѣри й по правдѣ, якъ Богови, що живе високо

на небі; и Ляхивъ бы не били, и зъ
ними якъ зъ рідными братами жали,
на Москалівъ-бы нападали, и Ташарву-
бы воёвали; и во віки-бъ вічными не
зломъ а добромъ ша молишвою свого
Пана великого, Короля Польщи име-
нишого, якъ Бога-бъ шановали. —

Опъ-сее казавши, ша й замовчали.
Тоді Гешманъ голниій Богданко до
Писаря свого Хомы Безродного, ша до
Куріинныхъ прохаючи підспуае; и од-
ного й другого барзо выпышуе, спові-
дуе; й ше й друге, шакъ и шакъ вы-
кладуе; походъ пидъ Турка Козакамъ
обіщуе, ша велику здобыченьку на по-
ході великому.

Такъ и шакъ. Козаки Громаду роз-
кладали, велику порадую мали, у походъ
выспупали; Турка рубали, плидрова-
ли; ша шупъ-же й Гешмана свого на

нолі вѣдъ горою, вѣдъ густою раки-
шною, убишого знахожали, глѣбоку мо-
гилу копали, на могилѣ курганъ насы-
пали, бѣля кургана-могилы коня Турець-
кого Гешьманьского зошавляли, похо-
ронъ Гешьмановѣ правили, отправля-
ли. Тушъ ёму и во вѣкъ лежати. До-
бычу свою побравши, до дому верша-
лись, Боговѣ молились, Спасишелоу хре-
стидлись, добромъ дѣлились.

Воли добромъ, — а мы чаронькой.

2.

Татарскій походъ Серплеи.

Ой по Чѣрному та по глѣбокому
моречку, по широкому та далекому
Дунаечку, злая буря выхожае, вышту-

нае, Козакѣвъ до земли чуждой провож-
дае; а изъ низу буйный вѣсперъ вѣе, по-
вѣвае; а по Чѣрному моречку супро-
тивная вѣла ушлавае, та по Чѣрному
морю волкомъ сѣроманьцемъ лае й гукае.

Собралися Козаки товарищи всѣ
хоробрыи Запорожьцѣ про шую бурю
мирковаши, шихон погодоньки по вѣдъ
синимъ моремъ Дунаемъ пѣджидали.
Одну годину пѣджидали, другу пѣджи-
дали; а злая буря все бѣльшъ высну-
пала, та й ни шрошке по Чѣрному мо-
рю глѣбокому, по Дунаечку далекому
та широкому шая буря не унимала, а
все злѣйшъ громомъ по небу шарахпа-
ла, а блиськавка мѣжъ хмарами лиска-
ла. Опѣ-шодѣ Гешьманъ Ивасенько
Серпяга Козакѣвъ товарищѣвъ до себе
пѣдзываетъ, до Козакѣвъ товарищѣвъ шакъ
и шакъ промовляе :

— Ой вы, Панове, рідни мои брати-ца, хоробри мои шоварици, Козаки Запорожьці! Слухомъ николи не слухано, ша й видомъ николи не видано, що-бъ така буря злая на Козаківъ шакъ мѣцно выступала й ушавала, що-бъ такимъ громомъ блиськавкою шарахнала й лыкала, ша що-бъ вы, Панове Козаки шоварици, ось-такъ довго довгенько сполли, шихон погодоньки бѣля моря Дуная пѣждали.

А Козаки шое й зачували, ша й усѣ мовчки замовчали. . .

— Коли-жъ мы шон бусурманьцины лякалися? Коли-жъ шаки мы вѣдь не де-не-бушь ховалися? А шеперечка не шо що-бъ бусурманьцины, а шо не шо бури излякалися, шихон погодоньки пѣждаючи, ша на злую й лихую бурю жалуючи, изо всѣмъ надѣрвалися.

А Козаки шое й зачували, ша й усї мовчки замовчали; барзо, барзо раховали, ничёго не промовляли, одмиъ одного споглядали, въ походъ выступали.

Опть-се-жь идушъ вони день, не день, не два й не три й не чёшыре; а злая буря лихая ша по Чёрному моречку, по далекому Дунаечку, барзо унимали; ша й супрошывная филя у свои домовины, у ковбанюги бїжала, ша й шамъ пропадала. А Козаки Богови молишвы посылали, по три поклоны покладали, вїдпочинье мали. А пїсля всї Козаки въ походъ выступали, изъ своимъ хоробрымъ Гельманомъ, Серпягою Ивановомъ, пляжко не-Христа розбивали; думали й гадали. Тай й пїдъ городомъ Керманомъ изъ бусурманськимъ Салпаномъ примирье мали; у ёго худобу усю вїшнимали, усїхъ Ташарь буря-

кнѣзь розбивали, ѣ панидровали. Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой до дому привершали.

3.

Битва Чишинская.

Ой у нашій у славній Украинѣ бывали коли-сь пресстрашныи злыгоди, бездолюнї годины; бывали ѣ моры ѣ вїйськовї чвары. Нихпо Украинцѣвъ не рашовавъ; нихпо за нихъ Боговї молишь не посывавъ; пїлькѣ свѣпшї Богъ нашихъ не забувавъ, на велики зусывѣ на вїшповїшь державъ. Тїлькѣ Богъ свѣпшї зывавъ, що вїнь думавъ, гадавъ, замыцывавъ, якъ невзгодны на Украинську землю посывавъ. Ощъ-же ѣ пройшли, изойшли звыи не-

годиниы же мае никого, що-бъ насъ
подолѣли. Тѣлькѣ Богъ свѣшый знавъ,
що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ.

Не день и не два Ляхи Украинку
пшидровали, ни на часиночку вѣдно-
чилья же мали, коней на взаводахъ день
и нѣчь держали, до Гешьмана Наливай-
ка дорогу верспали. А Гешьманъ хо-
робрый Наливайко, що вѣнъ думаетъ, га-
дае? Що вѣнъ за долю шоварищѣвъ сво-
ихъ замышляе? Тѣлькѣ Богъ свѣшый
знае, що ёму на помѣшь помогае.

Изъ за горы хмара вышупае, вы-
спупае, выхожае, до Чигрика громомъ
выгрѣмлае, на Украинську землю блись-
каницею лыскае. То Поляки черезъ
шри рѣки шри переходы мали, ша й
бѣля шретьѣго перехода спаномъ спа-
ли, пустили коней на попасанье, сами
собѣ дали на шри години опочиванье.

А що Гешманъ Наливайко думае, гадае? Що вѣнъ на невзгоду Ляхѣвъ замышляе? Тѣлькѣ Богъ шо свяшый знае, шо ёму на помѣчь помогае.—То не хмары по небу громомъ свяшымъ выгрѣмляюшь, шо не свяшыхъ вои до Бога провожаюшь; — шо Лахи у бубны вдаряюшь, усе вѣйсько свое до купы у Громаду скликаюшь, шо-бы йшли усѣ до Громады на послушанье, слухаши Гешмана Жолковського опповѣданье. Опъ-шо й прѣйшли усѣ, рядомъ спали; усѣ рядомъ спали, ша й замовчали, Гешманьську опповѣдь слухаши зачали; а, послухавши, коней сѣдлали, черезъ бѣлу рѣку переходъ великѣй мали: мосты мостили, гребли гапили, коли забивали, горзину ша дрянцю клали, черезъ бѣлу рѣку переходъ великѣй мали. А, перешедши, огороды ша шанці

робили, увъ окрѣпъ гармашы спановили, а по передъ гармашами при хресты у землю вколошили. А що первый хрестъ, шо Сомино висишь; Сомино висишь, барзо голосишь; — а що другій хрестъ, шо Богунъ висишь; Богунъ висишь, шаблюкой лепошишь; — а що шрешій хрестъ, шо порожній сшонишь; усѣхъ няшихъ Козакѣвъ до себе пѣдждае, Козакѣвъ оглдае. Хшо первый пѣдойде, шого гармаша убье; хшо другій добѣжишь, шого самопаль цапне; хшо шрешій пѣдскочишь, шой хрестнишься буде, ѣ молишься спане; шо хрестъ зъ осоки, шо ёго надбане. А Козаки глядѣли, увъ очи вбачали, промѣжъ себе бурковали; при хоругвы на забачелье Ляхамъ спановили, на хоругвахъ уговоръ-рядну писали:

— Вірному православному Хрещанству миромъ миръ; а Ляхамъ порогамъ пекельный пиръ. Кого хрещь, на того й хрещь. —

Опль-се-жь и пійшли Ляхи на чёштыре поля, що на чёштыре поля, а на пляше на Подолье; а Козаки Ляхівъ на всій сторони, по всімъ хрещамъ колодили; Ляхи опрощенья просили, ша не допросились. Не шаковськи Козаки, що-бъ напасшь забули.

Не шаковськи й Ляхи, що-бъ прощенья дали.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала. Що вона ковала, шо вона проміжъ свяшыхъ чувала; що вона ковала шому були й шпаши, якъ спанушь бійсы правыхъ й неправыхъ ёднаши, души забираши, у пекло до купы складаши.

Відъ шого й сѣго Боже намъ по-
може. Про те вѣнъ и знае, що вѣнъ
думае, гадае; що Павловѣ Наливайковѣ
ша на помѣчь помогае. Не намъ за шее
раховати. Наше дѣло Боговѣ молиш-
ся, Спасителю хрестинься.

Исусе Христе, сыне Божій, поми-
луй насъ, помилуй насъ, помилуй насъ!

Миромъ миръ міру Хрестьянсько-
му, а намъ усѣмъ души й шѣла здравіе
и спасеніе. Аминь.

4.

Смерть Федора Безроднаго.

По надъ Сагою Днѣпровою, моло-
дмѣ Козакъ обѣдъ обѣдае; не думае, не
гадае, що на ёго молодого, ще й на Чу-
ру малого бѣда насшигае.

То не вербы луговин зашумѣли,
якъ безбожнѣ Ушкалы жалѣшѣли, Фе-
дора Безрѣдного, Ашамана Курѣнжого,
поспѣлѣли, порубали, шѣлькѣ Чуры
не пѣмали. То малый Чура до Коза-
ка прибуває, раны ёму глубокѣи про-
мыває. То Козакъ ёму промовляє:

— Чуро мій, Чуро, вѣрний слуго!
Пѣйди ты шепомъ по надъ Днѣпромъ;
послухай ты, Чуро, — чи що гуси кри-
чають, чи лебеди ячають, чи Ушкалы гу-
душъ, чи, може, Козаки Днѣпромъ и-
душъ. Коли гуси кричають, або лебеди
ячають, що ты зжени, коли Ушкалы
гудушъ, мене схорони; коли-жъ Козаки
ѣдушъ, що объяви: нехай вони чѣвны
до берега привершають, мене Козака
Федора Безрѣдного навѣщають. —

То Чура малый по берегу пробѣ-

газъ, Козакѣвъ зобачавъ, шапкою махавъ, словами промовлявъ:

— Пакове, молодці, добре вы дбайше, чѣвми привершайше, до Ашамана Курѣннаго поспѣшайше. —

То Козаки шее зачували, до берега привершали, Ашамана навѣщали. Тодѣ Козакъ Чуру выхваляе, словами промовляе:

— Чуро мій, Чуро, вѣрный слуго! Коли ты будешъ вѣрно пробувати, будешь шебе Козаки поважати. —

То шее промовлявъ, опрощенье со всѣми бравъ, милосердному Богу душу ошдавъ. Тодѣ Козаки шаблями суходѣль копали, шапками, приполами нерспъ выймали, Федора Безрѣдного ховали, въ семипяднѣ пищали гремали, у суремки жалобно выгвалли.

То ще добре Козацька голова знала; що безъ війська Козацького не вмирала.

.....

Б.

Поблѣзъ трехъ братьевъ изъ Азова.

.

Ой шоді шо не сиві шуманы вставали, шо зъ города Азова при браша зъ шажкою неволи Турецькою вшѣкали. То брашы спаршій рідні, обѣдва кінні, а найменьшій братъ пішій піхощою за кінними брашами уганле, на сырї корінья, на білі камінья нѣжки свои Козацькіи посѣвае, кровью слѣды заливае, до кінныхъ брашівъ уганле, за стремена хвашае, дрѣбными слезами обливае; словами промовляе:

— Брашмы мой спаршій, рідненькій !
Прошу я васъ; хоть прійшке надомди-
ше, коні свои Козацькіи поласише, ме-
не, найменьшого брата мійж себе на
коні возмише, до города Хреспьяльсь-
кого хочь мало підвезише, не хай-же я
буду знаши, куды въ города Хреспья-
льськи до опца до мапки дохожаше !
Прошу я васъ, брашмы мой спаршій,
хоча мене на коней возмише, хочь ми-
нї зъ плечь голову здіймише, въ чис-
шому полі шїло Козацьке схоронише,
пшыці й звїрю на пошалу не пуешише.

То спаршій братъ шое зачуває,
до найменьшого брата словами при-
мовляє :

— Брате нашъ, найменьшій, ріднень-
кій ! Рука наша не здіймешся, сердце
не зосмілишся. Булашна шабля не йме
шебе, найменьшого брата рубашы, лут-

не будемо, браше, шернами та байраками гуляши, будемо шобі́ верхові́шья у шерні́въ спинаши, будемо шобі́ на признаки на шляху покидаши. —

То бігли ші́ брапы не день, не два, не три й не чёшыре, а найменьшого пійшого брата на Азовському ошепу покидали; а якъ спали съ шерні́въ, зъ байракі́въ выбі́гаша, и шого й сёго найменьшому брапу на признаки покидаши. То середульшій брапъ спаршому брапу словами промовляе:

— Браше мій спаршій, рідненькій, прошу я тебе: шупъ правы зелені́, воды здорові́, очерешы удобні́! Спанымо хочъ мало не много коні́ свои понасі́мо, свого пійшого брата хочъ проше наждожді́мо, на коней возьмі́мо, зъ города Хреспляньски хочъ мало надрезі́мо. Нехай-же нашъ найменьшій

братъ буде знаши, куды въ городы
Хреснѣянскыи до ошца до машки до-
кожашы.

То старшій братъ до середульшо-
го брата словами промовяе :

— Брате мій середульшій ріднень-
кій! якъ будемо свого брата пѣшого
наджидашы, шо буде за нами зъ города
Азова велика погонь уганяши, буде насъ
кѣнныхъ братиѣвъ доганяли, буде насъ
на при шшуки рубашы; або буде насъ
въ гѣршу неволю живѣемъ завершаши,
а нашего жайменьшого пѣшого брата
буде въ шерпахъ, въ байракахъ на спо-
чникахъ минаши, — шо мы свого брата
пѣшого незвеземо, и сами зъ Азовскою
Турецькою неволи не вшечемо. —

Тошой середульшій братъ добре
дбае, одинъ на собѣ кашанъ мае, ша
зъ пѣдъ шого жовтѣи ша чѣрнѣи кышы

выдирае, своему найменьшому брашови по шляху покидае. Тоді бигъшой найменьшій брашъ не день, не два, не три й не чёшыре, — спавъ зъ шерниъ, зъ байракiвъ выбiгаша, спавъ жовшi па чёрнi кишциъ зъ иидъ каптана знахожаша. Въ руки хвапае, дрибными слезами обливае, словами промовляе:

— Ой не дурно моихъ брашiвъ кишциъ по шляху валяюшься! Певно, моихъ брашiвъ обоихъ на свiшi не мае! Певно, за ними зъ города Азова погонь уганяла, моихъ кiвныхъ брашiвъ доганяла, на три шшуки рубала; або iхъ ще въ гiршу неволю живьемъ завершала; а мене пiшого у шернахъ па байракахъ на спочинку минала. Коли-бъ мнi Богъ помiгъ хоча iхъ шiло не живое у степу знахожаша, могъ-бы я iхъ шiло Козацьке у степу поховаша,

пшицѣ ѿ звѣрю на пошалу не подаши.
Ой, годн-жь мнѣ за кѣнными брашамн
уганаши; часъ мнѣ Козацькнмъ жогамъ
пильгу даши. —

Що одно безводье, а друге без-
хлѣбье, а прешье буйный вѣсперь въ
полѣ повѣвае, бѣдного Козака зъ ногъ
валяе. Сшавъ шодѣ найменьшій брашъ
пѣшій свою Козацьку голову сконча-
ши! Спали шодѣ сизокрылѣ орлы на-
лѣшаши, на чѣрныи кудри наспупаши,
зъ лоба очи выдираши. То вѣвъ добре
дбае, до сизокрылѣхъ орлѣвъ словами
промовлае:

— Ой вы, орлѣ сизокрылѣ, вы, гос-
пи не любѣ ѿ не милѣ! Изождише хочъ
мало не много; якъ буде душа зъ шѣ-
ломъ разлучашися, шодѣ будеше налѣ-
шаши, зъ лоба очи выдираши. —

Тоді ще й дрібна птиця налішала, коло жовшон коспи шіло обдира-ла. Ще й воли налішали, у головахъ сїдали, якъ рідні сестри жуковали, Ще й вовки сіроманні находжали, жов-шу косць по балкахъ, по шерняхъ розношали, жалобненько квилили, про-квляли. То-жъ вони усї Козацькій по-хоронъ одправляли.

Спали кінні брашы до городівъ Хрещьянськихъ дохожали, спала къ нїхъ сердцямъ велика пуга налягали. То середульшій брашь до спаршого браша словами промовле :

— Брашику мій спаршій ріднень-кій! Не дурно къ нашимъ сердцямъ велика пуга налягає: певно нашого браша меньшого на свїши не має. Якъ будемо, браше до свого опця й до ма-тери дохожали; якъ будуть вони наст

пышати, шо що, браше рідний, скажемо казаши?

То старшій братъ до середульшого промовляе :

— Скажемо: мы не въ одного Пама въ неволі бували, ночной поры въ неволи впікали, ёго сонного будили, не збудили; ша шамъ ёго у неволі й зошавили.

То середульшій братъ шое зачувае, до старшого брата словами промовляе :

— Якъ не будемъ ошцю й мапери правды казаши: шо буде насъ ошцевська й машеринська молишва караши. —

Тоді старші браты у лісы Самарські зайзжали, по надъ річкою Самарью опочивку собі мали, коней попасали. Въ той часъ безбожники бурсурманы набігали, ша й шіхъ двухъ

брашнівъ піймали, у кайдаки заковали,
на сшену розвїзжали; а пїсля шїло
Козацьке карбовали, у чисшому полї
роскидали, головы на сабли вздїймали,
ша глумовали.

Опш-же шо, Панове, хоча й легли,
полегли головы прехъ брашнівъ; ша
слава їхъ не помре мїжъ Царями, мїжъ
Панами, мїжъ православними Хресція-
нами.

Дай, Боже, міру Царському, міру
Хресцьянському, всїмъ здоровіє на мно-
га лїша. Аминь.

6.

Походъ на Полковъ.

Ой пїшли Козаки на чєшпуре по-
ля, що на чєшпуре поля, а на пїше на

подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ Самко Мушкець, а за Пяномъ Жеружимъ мало мало не при штысячи, усї хоробрыи поварищи Запорожьці. На коникахъ выгравуюшь, шабельками блискаюшь, у бубны вдаряюшь, Боговіи молитвы посылаюшь, хресты покладаюшь. А Самко Мушкець по вінъ на коню ша й не выгравает, коня удержуе, до себе пришыгуе; думае, гадае. Та що-бъ спо чортїиъ лихомъ вбили шу ёго думу, що гаданье. Самко Мушкець думае, словами промовляе:

— А що якъ наше Козачество мовъ у пеклі Ляхи спаять, ша зъ нашихъ косей Козацькихъ молодецькихъ пирь собї на похмїлье зварянь. А що якъ наши головы Козацькї молодецькї по сшепу полю полягушь, ша ще й рїдною кровїю вмыюшься, цоцерерасколо-

шыми шаблями покруюсья. Пропадє
мовь порошина зъ дула шая Козацькая
слава, що по всѣму свѣшу дьбомъ спа-
ла, що по всѣму свѣшу сшепомъ роз-
ляглась, просшыглась, ша по всѣму свѣ-
шу луговымъ гоминюмъ роздалась, Ту-
речини ша Ташарцини добромъ лихомъ
знаши далась, ша й Лихамъ ворогамъ
на свись виддалась.

Закряче воронъ сшепомъ липючи;
Заплаче зозуля сшепомъ скачучи;
Закуркують кречешы сизѣ,
Загадаюшься орлики хижѣ,
Та все усе по своихъ брашахъ
По буйныхъ шоварищахъ Козакахъ.

Чи шо ихъ сгарбомъ занесло, чи шо
ихъ у Пекли попомуло, що не видко
чубашыхъ не шо й по сшепахъ, не шо й
по лугахъ, не шо й по Ташарськихъ

земляхъ, не по й по Турецкихъ го-
рахъ, не по й по Чорнихъ моряхъ, не
по й по Днѣпськихъ поляхъ. Закряче
воронъ, загруе, зашумуе, ша й поле-
шишь у чужу землю. Ахъ ба! Кіспки
лежашъ, шаблюки спорчашъ; кіспки
хрустяшъ, шаблюки поперерасколони
бражчашъ. А чѣрна, сива сорока зоска-
лилась ша й басуе. А що головы Ко-
зацьки, шо мовъ швецъ Семень шкуру
загубивъ а що чубы, мовъ чѣрпяка
джгушы поробивъ. У крови усї ша пс-
засыхали. Опъ шо й славы набрали. —

Ой пійшли Козаки на чѣпыре шля-
хи, шо на чѣпыре шляхи, а на паше
на Подолье. Що однимъ полемъ ша пій-
шовъ Самко Мушкепъ, а другимъ по-
лемъ Сіпецько Кукуруза. Сизою гулуб-
кою голову свою буйную до долу за-
кинувъ. А за нимъ йдушъ мало мало не

Три тисячі, усі хоробрі товарищи
Запорожці, на коникахъ выгравують,
шабельками блискають, у бубни ада-
ряють, Богові молишвы посылають,
хресты покладають, до Сшецька Ку-
курузы ось такъ промовляють.

— Чи ты живъ, чи здоровъ Пана
Сшефана? Чи ты вмеръ, що свою го-
ловохку дубомъ до долу пришибло?
Рахуванье не въ поминанье. Коли-жъ
не-бушь треба та по насъ поминки
робиши. Що по насъ, Пана, старі ба-
бы спануть у полі свистіши; а по
нобі, Пана, молоді дівчата зачнуть
голосіши. Та ще все однако, що Акимъ
що Яківъ. Ось якъ пристанемо до пя-
шого яра, що хочъ и середь ліпечка
зашумишь, загуде не-дай-свійша-чвара.
Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ко-
вала, сшепомъ скачучи, лугомъ лішючи;

що вона ковала, що правду казала. Наліпшайсь орлы хижін, спанушъ жалковаши; а вороны наліпшайсь, ша й спанушъ здобычи ждаши й підждаши. Токъ наліпшайсь опть. ші́ зозули, — шо насъ не забули. Що Жидъ, а що дідъ, а що й Запорожській Козакъ. —

Ой пішли Козакъ на чѣпыре шляхи, що на чѣпыре шляхи, а на пяпе на Подолье. Що однимъ полемъ пішовъ, шо пішовъ Самко Мушкепъ; а другимъ полемъ, шо пішовъ Спецько Кукуруза, а шрешнімъ полемъ шо пішовъ Карпо Пішора-Кожуха; на конику выгравае, пісьню співае. А за нимъ йдушъ мало мало же шри шысячи, усї хоробрыи поварици Запорожцї, на коникахъ выгравяюшъ, шабельками блиськаюшъ, у бубны вдаряюшъ, Божї молишву посылаюшъ. А Карпо Панъ

Гешманъ на конику выгравае, шісьню
співае:

Пресучая ша журьба!

Вона мене изсушила.

Вона мене молодого

Изъ кiгъ извадила.

А я шій журьбi

Та й не пiддаюся.

Ой пiйду я до шинкарки

Горiлки капьюся.

Ой хто хоче меду пипи

Ходiмъ до Жидiвки,

А въ Жидiвки чiрнi брiвки,

Высоки пiдкiвки,

Й юпочка рлбенька,

Й сама молоденька;

Та яка-жь хорошая,

Яка чопорненька.

Шинкарочка моя

Насыпь мий меду й вина,

(108)

Та щобъ моя головонька
Веселенька була.
— Коли ты жёнапый,
То нды до дому;
А якъ не жёнапый,
То ночуй зо мною. —
Ой ё въ мене й жѣнка
Й дѣшочокъ двое,
Та же пригорщаюшья,
Серденько мое. —

ЗАМѢТКИ.

(I)

Къ Пѣснямъ.

1.

Доспавлена мнѣ въ неполномъ спискѣ Н. В. Росковшенковой. Списокъ, по которому сія пѣсня здѣсь напечатана, сдѣлана мною самимъ со словъ Бандуриса. Въ первомъ спискѣ не доспавало куплетовъ: I, VII, VIII, IX, XI и XII.

Эта пѣсня замѣчательна разнообразіемъ размѣровъ, что меня и заспавляетъ предполагать, что она состоитъ изъ отрывковъ различныхъ пѣсней. Кроме размѣровъ доказательствомъ сему

(110)

предположенію можетъ быть и различіе голосовъ, на кошорые она поешся; именно — куплеты: I, II, VII, VIII, IX, X, XIV, XV, — поюцца однимъ голосомъ; куплеты: III, IV, V, VI, XVII, XVIII, XVIII, XIX, — другимъ голосомъ; наконецъ XI, XII, XIII — шрешьнимъ.

Въ Украинскихъ пѣсняхъ употребительны пять главныхъ размѣровъ. Каждый куплетъ въ пѣсняхъ перваго размѣра состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ коихъ 2-й и 4-й рифмуются. Стихъ сего рода пѣсень имѣетъ всегда два ударенія, и никогда болѣе двухъ. Образъ расположенія удареній чрезвычайно разнообразенъ, и, кажется, не подлежитъ ни какимъ правиламъ.

Примръ :

Сизѣмъ брликкомъ лѣтавъ,

Яворонькомъ гну́вся:

(111)

— Де-сь по я', мой милі брѣшья,
Та ѣ сподѣнуся.

Куплешы вшораго размѣра пѣсень, каждаѣ сощоншѣ изъ двухъ рѣмующихся стиховъ, и всякій стихъ имѣешѣ не менѣе двухъ и не болѣе трехъ удареній.

Примѣръ :

А ще шрѣшій, Морозѣнко

А чешвершій, Панъ Горлѣнко.

Син два рода пѣсенныхъ размѣровъ сушь самыя употребительнѣйшія на Украинѣ. — Пѣсни шрѣшьяго размѣра шакже раздѣлены на двуспишныя куплешы; но въ каждомъ стихѣ по чешыре ударенія.

Примѣръ :

Молодѣ сеспрѣ сонъ-праву шрѣвала

Штарую пышала, старую пышала.

Въ пѣсняхъ четвершаго размѣра куп-
лешы также какъ и въ пѣсняхъ пер-
ваго размѣра состоятъ изъ четырехъ
стиховъ съ шюю разницею, что здѣсь
рифмуется въ каждомъ стихѣ: 1-й и
4й, а иногда и 2-й и 3-й. Первый стихъ
имѣетъ два ударенія, а 2-й, 3-й и 4-й
по одному.

Примѣръ :

Гей, хшо въ лѣсѣ, озовіся,
Та выкрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися.

Пѣсни пяшаго размѣра не раздѣляюш-
ся на куплешы: каждый стихъ повто-
ряется два или три раза, и рѣдко
рифмуется съ другимъ стихомъ. Поч-
ти всегда послѣ каждаго стиха слѣду-
етъ припѣвъ, кошорый иногда съ нимъ
рифмуется.

Примръ :

Чи ты не чуешь, моя галочко, (2)

(Прилъетъ) Ой моя галочко.

О сихъ размѣрахъ будешь подробнѣе сказано въ собраніи женскихъ Украинскихъ пѣсень, которое я приготовляю къ печати. Замѣчу мимоходомъ, что Украинскіе размѣры пѣсенныя принадлежатъ не однимъ Украинцамъ, но и многимъ другимъ Славянскимъ племенамъ: укажу на Поляковъ, Богемцевъ и Словаковъ; и особенно скажешь что можно о первомъ размѣрѣ, на который сложена большая часть Украинскихъ пѣсень, почти половина извѣстныхъ свѣшу Богемскихъ, и почти всѣ Словацкія. См. Словацкія пѣсни моего изданія. Харьковъ. 1832. Малороссійскія пѣсни изданія Максимовича.

2.

Списана со словъ Бандурисша. Другихъ списковъ не имѣю.

3.

Имѣю два списка сей пѣсни. Оба сдѣланы мною со словъ Бандурисшовъ. По другому списку пѣсня сія начинаешся такъ:

I.

Ойъ зъ города изъ Полшавы
Выѣзжали Козаки.
Усѣхъ було при шаборы,
Та всѣ при ѣдаки:

III.

У первому шаборѣ
Усѣ лейспровыи,
У другому шаборѣ
Усѣ Хоруижи;
У третьему шаборѣ
Усѣ курѣиыи.

(115)

III.

Ой ѡхали жь три дни

И три ночи покушы,

Ой на прешью ша у раницѣ

Треба въ Мержѣ буши,

А у городѣ у Львовѣ — и пр.

Нѣкоторыя чашащеллы покажутся, можешь бышь, сираннымъ, что второю куплетъ сего списка соспоишь изъ шессти стиховъ. Надобно замѣшшь, что при пѣннн пѣсень перваго размѣра два послѣднихъ стиха каждаго куплета повшоряются обыкновенно два раза. Въ нѣкоторыхъ пѣсляхъ прибавляющся два лишнихъ стиха, кон поющся вмѣсто повшоренія двухъ предъидущихъ. Прибавленія шакого рода бывающъ шогда когда смыслъ предположенный не умѣщаешся въ чешырехъ стихахъ куплета.

4.

Списокъ здѣсь помѣщенный здѣлакъ мною самимъ со словъ Бандурисша. Другой списокъ, полученный мною отъ Г. Дьячкова, состоитъ только изъ двухъ куплетовъ: V и VI. Въсшо *Серплага* состоитъ въ семь спискъ *Серплагина*.

5. 6.

Списаны мною самимъ со словъ Бандурисшова. Я не отмѣчаю разницы, находящейся между списками сихъ пѣсень, находящимися въ моемъ собраніи; ибо сія разница касается только до выраженій, и еще чаще до словъ, а не до самаго дѣла или смысла.

7.

Доставлена И. Лисавицкимъ. Я выпустилъ первый куплетъ, поному

Часть I. (117) 10

что онъ принадлежитъ совершенно
другой пѣснѣ:

Ой на свѣшій жиши лихо,
Такий свѣшть удався;
Що не долі Козачина
Де-сь шо сподобався.

Максимовичъ замѣнилъ мнѣ, что
конецъ сей пѣсни, ш: е. куплеты XXII—
XXVI, имѣеть сходство съ концемъ
пѣсни помѣщенной въ его собраніи
Малорос. пѣснь, подъ N XII, стр. 17.

8.

Списана мною со словъ Бандурища.
Во второмъ куплетѣ вмѣсто: *Политья*,
какъ сказалъ мнѣ Бандурищъ, я упо-
требилъ: *Поритья*; ибо первое слово
кажется не имѣеть никакого значенія,
а вѣроятно употреблено по ошибкѣ.

9.

Списана со словъ Бандурисша.

10.

Выписана изъ Собранія Малорос-
скихъ пѣсень Максимовича. смр.
18 — 19.

11.

Имѣю подъ руками чешыре списка
сей пѣсни: одинъ досхавленъ Ф. С.
Евецкимъ; другой помѣщенъ въ Собра-
нїи Малороссїйскихъ пѣсень Г. Макси-
мовича, смр. 33 — 37; два послед-
нихъ сдѣланы мною со словъ Банду-
рисшовъ. Всякой изъ нихъ былъ не
полонъ, и пошому я рѣшился совоку-
пить сіи списки во едино. Думаю, что
не погрѣшилъ прошиву истины.

Списокъ, досхавленный Г. Евец-
кимъ состоишь изъ куплешовъ: IV,
XIV, XXIV, XXIX, XVI, XVII, XVIII,

**XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV,
XXXVI, XL; XLII, XLVI, XLVII,
XLVIII, XIX, L, LI, LIII, LIV.**

**Списокъ Максимовича: XIX, XIX,
XX — XXI, XXII, XXIII, XXIV,
XXVI, XXVII, XXVIII; даље следу-
ють :**

**Тѣлькѣ-жѣ шая челдонька
На порогъ ступае:
Ажъ Микишка Пану Савѣ
Чѣломъ опдавае.**

Пошомъ: XXXIII, XXX; за эшимъ:

**— Ой давъ-бы вамъ меду й вина,
Не хочете пиши;
Ой вы мене молодого,
Хочете згубиши.**

Пошомъ: XXXVII, XXXVIII; наконецъ:

**Ой вынешься ша Панъ Сава
До лсного меча. —
Его взяли на при списы**

Изъ правого плеча.
Ой кинувся ша Памъ Сава
До яснои зброи. . .
Его владя ша пидиали,
На три списы въ горѣ.
Ошъ-се-жъ тобѣ, Паме Сава,
Сухий, бѣдамашки,
Що ты наживъ, вражий сыну,
Зъ Козацьком ласки.
А Савиха молодая
Въ вѣкно ушѣкала,
На молоду челядоньку
Сильна поглядала.
Хапай, хапай, челядонько,
Малую дѣшину;
Будешъ жиши й пановани,
Коли я не згну.
Не боишься Козаченько
Ни грому, ни шучи:

**Хорошенцько въ кобзу грає
До Савихи йдучи.**

**Сихъ послѣднихъ пяни куплешовъ не
находящся въ прочихъ шрехъ спискахъ.**

**Третій списокъ сосшонить изъ ку-
плешовъ : I, II, III, V, XIV, XV, XVI,
XVII, XIX, XXIV, XXIX, XXX, XXXII,
XXXVIII, XXXVIII, XXXVIII, XL,
XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII,
XLVIII, XLIX.**

**Четвертый списокъ: I, II, VI, VII,
VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV,
XVI, XVII, XVIII, XX, XXI, XXIV,
XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXIII,
XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII,
XXXIX, XL, XLII, XLIV, XLV,
XLIII, XLIX, L, LI.**

12.

**Доспавлена И. В. Росковшенко-
(122)**

вымъ въ спискѣ неполномъ; я добавилъ
его другимъ спискомъ.

(II)

Къ Думамъ.

1.

Списана мною со словъ Бандурисша.

2.

Имѣю два списка сей Думы: оба
сдѣланы самимъ мною со словъ Банду-
рисша. Оба разнятся между собою
только въ словахъ, исключая только
одно мѣсто, которое находится въ
одномъ изъ списковъ, а въ другомъ вы-
пущено:

— Се вже справъ жіноцькій Коза-
ківъ подолівъ. Хшо-жь ёго мѣжь насъ
выгодовавъ? Хшо-жь его намъ передавъ?
Якъ мы изъ Сулимою пѣдъ Бакирь хо-
дили, шо й шодѣ хмары ша чвары насъ

до Турка водили; водили ша й до самого Турка провождали. То ни одинъ изъ насъ про хмару ша чвару не раховавъ, усякъ на Бога живишъ свій покладавъ; не за хмару ша чвару Богу молившы пославъ; — Турка побити моливъ, Турка піймаша прохавъ, — у Турка добычу взяши добыченьку Бога моливъ, ша за сее по шри поклоны кожному свяшому покладавъ, Машери Божіей ша Хрисшу Ісусу Спасителю по девяти поклонивъ. Оптъ поді наши й воёвали, на увесь свішъ Божій свою славу розсыдали, Ляхамъ себе увъ обиду не давали; шілько Липвянамъ свои шаблюки казали, шо Липвяны не мижучи вшійкали. Оптъ поді наши й воёвали. Якъ вовки сіроманьці по балкахъ ша по байракахъ блукали, зъ городищъ Ташаръ мовъ курчашъ изъ хле-

вовъ выгнали; ша ни про що ѣ не дба-
ли. Опть-шодѣ наши ѣ воѣвали. Якъ бу-
ли наши пѣдъ Сосницею, або пѣдъ Ми-
кшиною, ша якъ зъ самопалѣвъ одинъ
разъ зевнули, шо Ляхи якъ быки рев-
нули; а якъ двѣчи пустили, шо въ
рѣкахъ ша въ озерцяхъ шопили. Тамъ
вони, кашолики, на вѣкъ и вшопали.
Опть-шодѣ наши ѣ воѣвали. —

Я пропустилъ здѣсь ешо мѣсто
попому, что оно находится въ другой
думѣ, кошорая будетъ помѣщена въ
четвершой книжкѣ: шамъ мѣсто сіе
имѣетъ связь съ предъидущимъ, и по-
шому, какъ мнѣ кажется, должно о-
сшашься за шою думою. Въ думѣ-жъ о
Серпягѣ прибавляется оно, вѣроятно,
по ошибкѣ.

3.

Списала мною со словъ Вандурисца.

Часть I. (125). 11

4.

Выписана безъ измѣненія изъ Собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней, Князя Цершелева. С. П. Б. 1818. 48 — 50.

5.

Выписана изъ Украинскаго Альмаха. 1831. стр: 124 — 131. Списокъ сообщенъ мнѣ А. Г. Шангоцкимъ; я предпочелъ его другому, находящемуся въ Собраніи Стар. Мал. пѣсней Князя Цершелева. 21 — 25. Впрочемъ различіе между обоими списками очень незначительно.

6.

Списана мною самимъ со словъ Бандурисша. Для меня замѣчательна сія дума съшепеніемъ рифмованной прозы, которая обыкновенно употребляется въ Запорожскихъ думахъ, съ пѣсенными

стихами, во все не приличными важной думѣ, по мнѣнію Бандурисшова. Это дума предшавляетъ мнѣ почти единственный примѣръ подобнаго смѣшенія; впрочемъ, можешь быть, стихи, въ ней заключающіяся, всшавлены въ послѣдствіи. Пѣсня, кошорою дума оканчивається, поешся и одпѣльно. Имѣю при списка сей пѣсни: одинъ досшавлень Г. Хиждеу, другой О. Ст. Евецкимъ, шретій Ив. Вас. Росковшенковымъ.

Причина, — почему я пишу думы не стихами, какъ это сдѣлали Максимовичъ и К. Цершелевъ, а прозою, — будешь для всякаго понятна, кшо вникнешь въ сосшавъ слога думѣ. Дума — не пѣсня, хошя и поешся подобно пѣснѣ, подъ звуки бандуры; рифмы въ думѣ не сосшавляють необходимости,

а суть только роскошь, служащая къ большому украшенію выраженій, и придающая слогу болѣе плавности и благозвучія. Чѣмъ болѣе рифмы, чѣмъ чаще рифмы, тѣмъ лучше слогъ думы: таково требованіе вкуса народнаго, таково правило народной пѣсники. Не такъ въ пѣснѣ, гдѣ и самыя рифмы подчинены правиламъ размѣра и употребленія, гдѣ рифмы необходимы. — Впрочемъ думы не произошли ли отъ пѣсенъ? Кто пѣлъ какуюнибудь пѣсню, не зная оной твердо, — пошь по необходимости прибавлялъ къ оной свои собственныя слова и выраженія, подъ ладъ своихъ словъ и выраженій измѣнялъ голосъ; пѣсенная правильность мало по малу шедьлась, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Не могли-ли такимъ образомъ появиться думы? — Время и

обычай могли утвердить самобытность этого рода поэтических произведений народной Пoesii Украинской.

NB. Большая часть списков песен и думъ, здѣсь помѣщенныхъ, собраны мною въ Павлоградскомъ уездѣ Екатеринославской Губернии, при помощи шамошней помѣщицы Екатерины Романовны Подольской, урожденной Шидловской, копорой за ревностное участіе, ею принятое въ трудъ мой, приношу мою глубочайшую благодарность. Очень многимъ обязанъ и Федору Степановичу Евецкому, копорый, превосходно зная Украинскій языкъ, по дружбѣ ко мнѣ, изъяснялъ мнѣ многія непонятныя выраженія, и снабжалъ мѣстными преданіями.

The text on this page is extremely faint and illegible due to the quality of the scan. It appears to be a multi-paragraph document, but the specific words and sentences cannot be discerned.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе 4

П Ъ С Н И:

1. Надгробная пѣсь Свирговскому 27

2. Вшорая надгробная пѣсь Свир-
говскому 31

3. Убіеніе Серняги 33

4. Надгробная пѣсь Сернягѣ 34

5. Сожженіе Могилева 36

6. Убіеніе Налывайка 38

7. Ошступникъ Тешеренко 42

8. Убіеніе Тешережка 49

9. Подвиги Лободы 53

10. Походъ Сагайдачнаго 58

11. Подвиги Савы Чалаго 60

12. Надгробная пѣсь Чураю 74

Д У М Ы:

1. Дары Башорія. Смерть Богданка 77

2. Ташарскій походъ Серияги	82
3. Битва Чигринская	86
4. Смерть Федора Безроднаго	91
5. Побѣгъ прехъ брашьевъ изъ Азова	94
6. Походъ на Полковъ	102
ЗАМѢТКИ:	
(I) Къ пѣснямъ	110
(II) Къ Думамъ	125
IV.	129

**ЗАПОРОВСКАЯ
ОТДѢЛЕНІЯ.**

ЧАСТЬ I.

— II —

**ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1833.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, что бы по отпечатаннъ представ-
ленъ были въ Цензурный Комитетъ пять
экземплярствъ, Москва, Августа 28 дня 1833.
Цензоръ Деиубскій.**

ЗАПОРОВСКАЯ СПАРЖКА.

СЛАЗАНІЯ ЛЯТОНЦЕЦЕВЪ

И

ПРЕДАНІЯ

О ЛЮДЯХЪ И СОБЫТІЯХЪ, ВЫШЕДШЕХЪ

ВЪ УКРАИНѢ И ЗАПОРОВЬ

ДО СМЕРТИ

СТЕФАНА БАТОРИА,

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

PHILOSOPHY 101

LECTURE NOTES

BY [Name]

DATE

CHAPTER 1

Исторія України бѣдна ис-
точниками Лѣтописными; однако
сія бѣдность заключається не въ
маломъ количествѣ и не въ крат-
кости Лѣтописей, но въ качествѣ
оныхъ.

Пусть тотъ, который имѣетъ
порядочный запасъ Украинскихъ
Лѣтописей разсмотритъ прилежно
Исторію Малой Россіи, составлен-
ную Бантышемъ - Каменскимъ, —
пусть сравнитъ онъ сказанія сего
перваго Историка Украины со ска-
заніями Лѣтописей, — и онъ вѣрно
останется пораженнымъ отъ изум-
ленія. — Почему Историкъ пользо-

вался лѣтописями такъ самопроизвольно; почему вѣрилъ имъ, когда хотѣлъ, — не довѣрялъ, когда хотѣлъ; почему предпочиталъ одну другой, и между тѣмъ болѣе или менѣе пользовался вѣстими? — Подобные вопросы невольно предстанутъ уму его; и трудъ Бантыша-Каменскаго, неоцѣнимый, незабвенный, достойный благодарности соотечественниковъ, можетъ подвергнуться порицанію. Но справедливо ли будетъ оно? — Никогда. Если историкъ встрѣчаетъ противорѣчія или не сообразности въ матеріалахъ, коими пользуется, — не долженъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли онъ слѣдовать законамъ вѣро-ятностей? вѣрить тому, что до-

стойно вѣри, и не вѣрить, если покажется невѣроятнымъ, и следовательно предпочитать одно сказаніе другому, и между тѣмъ больше или меньше пользоваться вѣсми? Бактыицъ - Каменскій вписывалъ въ свою Исторію все, что находилъ достойнымъ вѣри, — опускалъ, что казалось несообразнымъ, и не могъ поступить иначе! Такого качество Лѣтописей Украинскихъ. Ихъ много; между ними есть и пространныя; но если выбросить изъ вѣсхъ все противурѣчія и несообразности, коихъ объяснить не возможно ни какимъ трудомъ, ни съ какими познаніями, — то останется очень не большое количество сказаній. Вотъ почему

я назвалъ Исторію Украины бѣдною относительно источниковъ лѣтописныхъ.

Вотъ почему предпочелъ многимъ пространнѣйшимъ небольшую Лѣтопись, здѣсь помѣщенную. За неподложность оной можно ручаться: она блуждаетъ по Украинѣ въ безчисленныхъ спискахъ. Я выбралъ изъ нихъ тотъ, который казался мнѣ лучше. Не представляю вариантовъ; ибо они заняли бы слишкомъ много мѣста, и едва ли къ чему и кому были годны.

За Лѣтописью слѣдуютъ Замѣчанія, думаю, что онѣ будутъ любопытны, хотя нѣкоторымъ читателямъ. Прошу извиненія въ краткости и недомолвкахъ: всего

въ одной книжкѣ помѣстити было невозможно; что не объяснено здѣсь, объяснится при удобныхъ случаяхъ въ послѣдующихъ книжкахъ.

Источники, коими пользовался я при составленіи Замѣчаній суть:

I. Печатныя книги:

— *Исторія Малої Россіи Баттыша-Каменскаго (И. М. Р.); второе изданіе.*

— *Краткая Лѣтопись, изданная Рубаномъ.*

— *Исторія Государства Россійскаго; (И. Г. Р.) второе изданіе.*

— *Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Успенскаго: второе изданіе.*

— *Описаніе Украины, Боплана; Русскій переводъ. (О. У.)*

— *Исторія Государства Польскаго, Бантке; Русскій переводъ.*

— *Historia narodu Polskiego, przez Naruszewicza. (H. N. P.)*

— *Geschichte der Ukraine — Энгелла. (G. d. U.)*

— *Geschichte der Moldau und Walachey — его же (G. d. M.)*

II. Рукописи:

— *Исторія Руссовъ, Георія Комисскаго.*

— *Краткій Лѣтописецъ Малої Россіи Роголевскаго.*

— *Пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Гетмана Хмельницкаго.*

— *Записки Шафонскаго.*

— *Лѣтопись о проименованіи Козаковъ и дѣлахъ ихъ.*

— Меморіалъ о Запорожскихъ
Гетманахъ.

— Топографическое описаніе
Харьковскаго Намѣстничества.

III. Преданія — частію соби-
ралъ самъ отъ Банѣуритовъ и
простаго народа, также отъ о-
ставшихся въ живыхъ Запорож-
цевъ; частію получалъ отъ дру-
гихъ. Долгомъ почитаю въ семъ слу-
чѣ свѣдѣтельствовать мою бла-
годарность Екатерины Романовны
Подольской (урожденной Шидлов-
ской), Оресту Степановичу Евецко-
му и Федору Степановичу Евецкому.
Ручаюсь за справедливость всѣхъ;
ибо онѣ почти всѣ повѣрены мною
на мѣсть. Впрочемъ желаю, что-
бы мною повѣренное было повѣре-

но и еще къмъ нибудь: критика въ семъ случаѣ важнѣе нежели едѣ гнѣть.

Я исчислилъ только главныя источники; прочихъ книгъ и рукописей, коими пользовался рѣдко, или послугаю выписками, а не вполнѣ, я не отмѣчалъ, впрочемъ онѣ означены въ самыхъ Замячаніяхъ.

Въ концѣ книжки помѣщено начало Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ.

Всю сію книжку прошу покорно щитать не болѣе, какъ примѣчаніями къ No 1 Запорожской Старины, т. е. къ Пѣснямъ и Думаемъ, тамъ помѣщеннымъ, — и въ особенноти къ двумъ пѣснямъ о Свир-

говскомъ, двумъ пьсьмамъ о Серп-
лѣ, и двумъ Думахъ о Богданкѣ и
Серплѣ (см. въ Но 1—1, 2, 3, 4,
13 и 14).

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ
1833, Юня 2.

Сказанія, откуду Козаки Запорожане, и чьмъ слави.

I.

Не шребе ештъ много глаголаши, ошкуду раздѣленіе Царствъ и Домовъ наденіе, яже глаголешъ Апостоль, яко ошъ похосей бывають брани, и ошъ сихъ раздѣляюшся Царства, и превращаюшся Дома. Всякое же раздѣлившееся Царство запусчешъ чесому избытіе видимъ.

Егда Монарха и Самодержецъ всея Русскія земли, спрахъ многимъ Царствамъ, Равноапостольный Князь Владимиръ, временное Царство остави, и къ вѣчному поиде, раздѣлившеся Цар-

снво его на дванадесять Княженій ;
погда зависшю врага челоувко-убійцы
искои Владиміровъ сынове брашію
суще возспали на себе, хошяще единъ
другого Княженіемъ обладаши, изгна-
ше собъ чуждін по роду на многое вре-
мя: сего ради вскоръ понущеніемъ Бо-
жінмъ на Русскую землю Башый най-
де; и плвннвъ ю, и церкви Божін и
красошу ихъ опроверже, и соравни со
землею, яко по разваленнымъ спѣнамъ
древіе возрастше, и сущъ жишіе гадомъ
и звѣромъ. Но не довѣло сего за грѣ-
хи Россійскому роду.

Возспа еще Гедеминъ Вишенесо-
вичъ Великій Князь Лишовскій, Седь-
мисыновець; и пришедь на Кіевъ, по-
бди Князей Русскихъ; и прилуча Кі-
евъ своей обласни, посшави намѣспни-
ка своего Князя Гольшанскаго. И ошъ

шого времени Лишва Россійскимъ за-
обладша престоломъ (1) даже до у-
мершвїа благовѣрнаго Князя Симеона,
иже по раззоренїи Башыевомъ пущу
лѣшъ двѣсти и тридцать споящу
свяшую небеси подобную церковь Пе-
черскую обнови великимъ иждивенїемъ
имѣнїа своего.

А по его смерти року 1471 Ко-
роль Польскій Казимиръ четшвертый
Княженіе Кіевское во Воеводство пре-
мѣни. Тако Богу ради грѣхъ человѣче-
скихъ попустившу, яко во уничиженіе
прїнде Россійскій скипетръ, и ошъ
Царства во Княженіе, и ошъ Княже-
нїа во Воеводство премѣнїся.

II.

Прїемше убо во обласшь свою По-
ляки Кіевъ и всю Украинскую спрану
изволи въ работъ имѣни живущихъ

Часть I. (17)

2

людей; а иже блху ошъ снхъ воинского
чина во бранныхъ дѣлѣхъ упражняхуся,
а же рабошнымъ промысломъ живя-
ще (2) около рѣки Дѣвпра иже поро-
говъ во пущныхъ мѣстахъ и въ дикихъ
лугахъ и рѣчными рыбными и звѣри-
ными ловы (3). А нарицахуся Козака-
ми, яко глаголяшъ, ошъ древнего рода
своего Козарска. Аще убо Веснасіанъ
Коховскій и ошъ козъ дикихъ Коза-
ковъ нарицаешъ, яко шѣмъ скоростию
добранъ соравняются, и ловомъ шѣхъ
упражняхуся найпаче; но не прилично
ошъ козъ Козаковъ нарицати. Прилич-
нѣ Стриковскій нарицаешъ Козаковъ
ошъ древнего и славного ихъ Вождя
Козака. Александеръ же Гванинъ ошъ
свободы нарицаешъ Козаками, занеже
яко предкове ихъ же ошъ нужды коей,
же по доброй волѣ, охошнѣ, и безъ

найму на брань хождаху (4), яко и
ныи Козаки храбрости своей не со-
крывающе, ко брани охочи, видашь бо
вся на око, яко Нѣмцы, Поляки и Тур-
ки берутъ наемъ многій и между со-
бою шолько біющеса показують хра-
брость, спрошивнымъ же скоро да-
ють преци; и мужество ихъ вси ви-
дають, ибо сподъ Лядского ига малою
силою опъемльшися, на многихъ бра-
нѣхъ Ляховъ побѣдиша, и Лядскую (5)
всю землю повоєваша.

III.

Въ року 1516, егда Сигизмундъ пер-
вый того имени Король Польскій про-
иде бранію на Велика Царя Московска-
го, Ханъ Ташарскій Менделирей усмо-
трѣвши время не хранючи ушвержден-
ного собѣ со Поляки мира, насла свою
силу въ Русскую землю, гдѣ огнемъ и

мечемъ повоова грады и вѣси и много
плѣна вземъ , въ Перекопъ возираши-
ся (6). Тогда Король видѣвъ шой смѣхъ
и поношеніе охотного воинства ошъ
Козаковъ и Поляковъ собравъ , посла
ихъ подъ Бѣлогородъ , гдѣ они множе-
ство корысти вземше , возвращахуся
въ Русскую землю ; но Турки и Таша-
ры ихъ нападаша ; обаче брани сверша
премогоша Христіанскіи вон.

И ошъ того времени Козакомъ
нарицашеса , аще кто и Полякъ бѣше ,
сіе есть свободное воинство , яко безъ
наѣму своею волею хождаху на Таша-
ре , и многокрашными браньми ходяще
на Ташары вельми въ храбросшь и си-
лу возрасташа .

Гладу же и жаждѣ и мразу и злою
и всякимъ воздушнымъ нахожденіямъ
вельми поносни .

Пища же ихъ жишное шѣсно ква-
шено рѣдце и сварено, и шѣмъ сунъ
довольни; а иногда случишся съ рыбою,
яко козаки глаголяшъ щербою, шо за
найпрекраснѣйшую господскую шране-
зу имѣюшъ (7).

Живушъ же въ коливахъ сіе ешъ
въ куреняхъ по пшдесяшъ, по сно
и болѣе, и вси пицу вышерѣчешую
имушъ едину (8).

И одного же спарѣйшого въ ку-
ренѣ имушъ, въ воинскихъ искусного
дѣлахъ, и шого почишаюшъ, и повину-
юшся ему, аки найвысшему началу по
Кошевомъ Апшаманѣ. Но и спарѣйшныи
ихъ живушъ съ ними со опасшвомъ,
аще бо бы чѣмъ нибудъ оскорбилъ надъ
право, шо абіе бѣдней предаюшъ смер-
ши (9. 10. 11).

Ташьба же и блудъ опшюдь не бывають между ими; и за едино бо пушо или плъшь общають на дравъ (12).

Одежда ихъ одна или двъ и мжжае и прежде бльше. По семъ когда земъ Турскую и Тапарскую пововаша, обогатишася зъло, и сущъ богатшсва всякого довольно исполнени (13. 14).

Оружје имущъ: самопалы, шабли, обухи, луки, спрълы и списы; и сущъ мнози шому оружю шако искусни, яко и наилучшй Польскй усаринъ и Нѣмецкй рейшаринъ быши шамо примѣромъ не могушь.

Вонислва же Козацкогo нхшо вчесши не можеть: сколько бо конныхъ, сполько и пѣшихъ, и сколько на Украинѣ въ Малороссiи людей, сполько и Козаковъ. Речешъ шолько на охошника региментъ держащй, абiе

скільки треба виходити зібратися. Не треба нуждою собирати, як по інших чужеземних справах швояриш; не треба великого хайму обіщавати: речеш старшій слово, аби войска числом як права будеш. И добре хтось рекъ Турского Царя на вопросъ о количности Козацкого войска. Въ насъ — рече — Турській Царю, що коза, то Козакъ; а де кракъ або байракъ, то по сімо и по двисти Козакивъ. Тако и вси шии зълю храбри (15).

Во миру же живи никогда не хочущи; но егда въ земль ихъ миръ оглашенъ будешъ, то самовольно идушь на помощь нимъ, и малы ради корысти великую нужду подымушь, море преплаваши дерзаюшь, и многожды души своя погубляюшь, яко не имъюшь сего

обычая, дабы со собою священниковъ смершныя нужды ради имѣли.

IV.

Въ року 1574 за Генриха Француза, Короля Польскаго, упрошеніемъ Іоанна Господаря Молдавскаго, Козаки, собравшеса съ Гейманомъ Свѣрговскимъ тысяча чешыреста, прійдоша въ Молдавскую землю, и шамо при Господарѣ чешыренадесяти крошъ брань съ Турки сведше, силу ихъ великую поганьскую поразиша, наконецъ же ошъ множества Турковъ умроша (16).

Но вскорѣ Козаки Туркамъ за сіе месць положиша; ибо въ року 1575 посланы бывше ошъ Кіевскаго Воеводы зъ Черкассъ, зъ Канева, челнами Днѣпромъ на Орду нападоша и много побивше и въ плѣнъ вземше, возвращашася къ своимъ съ корышти.

Обаче Ташаре себравшеся съ шромъ Салпакы да бодьмъ сыновъ Перекопскаго Хама со множествомъ Орды кайдоша Подолье, много людей плыниша, и сожгоша огнемъ грады и селы.

Воскорѣ же Козаки воздали имъ за сѣе, огда вшедше за Перекопъ съ Вождемъ Богданкомъ шакожде землю Ташарскую огнемъ и мечемъ повоеваша. (17)

V.

Въ лѣто 1576, за Стефана Башыря, Короля Польскаго, Козаки въ лучшій еще спрой учинены. Той бо Король видя въ Козакахъ мужество великое съ Ташары на бранѣхъ, пославши имъ Гепмана, присла ему хоругвь, бунчукъ и булаву (18) и армашъ, и всякихъ воинскихъ припасовъ; и сами много замки Турецки воююще набраша. И учинивъ имъ Стефанъ спрой (19) и

начала по Гешманъ: Обозныи, Судьи, Асаулы, Полковники, Сошники, и Ашаманы; повелъ имъ были на спражь оиъ Ташаръ около пороговъ; и всегда оиъ Король Польщи о храбрости Козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: — Будешъ — рече — когдася оиъ тѣхъ юнаковъ рѣчь посполишая вольная. — Еже и собысться. Послѣди той же Король Бапырь даде Козакамъ во приспанище Трехшемировъ, дабы шамо во время зимы всегда пребывали. И симъ Королемъ Козаки блху на долзе довольни. И съ того времени многія брани имѣяху Козаки со Ташары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побѣждаху ихъ. И въ шо время Азію Козаки нападше на тысячу миль повоеваша, Трапезонъ взяша, и изсѣкоша, Синопъ до основанія опревращиша,

и подъ Кокошаншинополемъ многія взя-
ша корысти. Опшолъ болѣе въ силу
Козаки роспяху. Еже видѣвъ Король
Стефанъ смущашеся зѣло вкупуъ, и бо-
яшеся, да некако укрѣпившеся Козаки
шляжци Ляхомъ будушь; и хошъ, яко
же глаголяшъ, внизу около Дивпра жи-
вущихъ всѣхъ побити, но Козаки ра-
зумѣвше Королевскій замыселъ пойдо-
ша опъ логовищъ своихъ къ Донскимъ
Козакамъ. И опсюда еще въ большій
спрахъ Ляхи прійдоша, обаче Сте-
фанъ до времени осшави Козаковъ ша-
ко пребывати. Они же паки зъ Дону
возвращшася въ Луга Дивировскіе, ме-
чемъ и бранію на Ташаре упражняхуся.

VI.

За шого же Короля Стефана Ба-
пшыри, въ року 1577 бѣ у Козаковъ
Ашаманъ Козакъ славный именемъ Под-

началы по Гешманъ: Обозныи, Судьи, Асаулы, Полковники, Сошники, и Ашаманы; повелѣ имъ были на спражѣ ошъ Ташаръ около пороговъ; и всегда ошъ Король Польщи о храбрости Козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше:— Будешъ — рече — когдася ошъ шѣхъ юнаковъ рѣчь цосполишя зольная. — Еже и собысѣся. Послѣди шой же Король Башыръ даде Козакамъ во приспанище Трехшенировъ, дабы шамо во время зныи всегда пребывали. И симъ Королемъ Козаки бяху на долже довольни. И съ шого времени многія брани имѣяху Козаки со Ташары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побѣждаху ихъ. И въ шо время Азію Козаки нападше на тысячю миль повоеваша, Трапезонъ взяша, и изсѣкоша, Синопъ до основанія превратиша,

и подъ Константинополемъ многія взя-
ша корысти . Отшолъ болѣе въ силу
Козаки росляху . Еже видѣвъ Король
Сшефанъ смущашеся зѣло вкупѣ, и бо-
лшеся, да некако укрѣпившеся Козаки
шляци Ляхомъ будушь; и хошѣ, яко
же глаголяшѣ, винау около Дѣвпра жи-
вущихъ всѣхъ побити, но Козаки ра-
зумѣвше Королевскій замысль пойдо-
ша опть договищѣ своихъ къ Донскимъ
Козакамъ . И отсюда еще въ большій
спрахъ Ляхи прійдоша, обаче Сше-
фанъ до времени остави Козаковъ ша-
ко пребывати . Они же пакы зъ Дону
возвращшася въ Луга Дѣпрровскіе, ме-
чемъ и бранію на Ташаре упражняхуся .

VI.

За шого же Короля Сшефана Ба-
пшыри, въ року 1577 бѣ у Козаковъ
Ашаманъ Козакъ славный именемъ Под-

кова (20), его же храбрости ради на Государство Молдавское призываху Молдованя. Съ шемъ Подковою Шахъ Гешманъ Запорожскій и съ Козаками пришедь въ Волоскую землю ошъ Государства Молдавскаго изгна вооводу Пешра, посади на Государство Подкову. Тогдѣ Воевода Пешро собра Турецкого войска много, на Подкову ополчился; но Козаки побѣдиша Турецкую силу. По времени же паки Пешро Молдавскій Воевода со многими Турецкими силами на Подкову бранію прійде; но Подкова прошиву него изыде и быешъ брань велия; обаче Козаки Турковъ побѣдиша, яко едва Пешро Воевода убѣже съ малыми людьми. Видѣвъ же Подкова, яко на Государствѣ Молдавскомъ не укрѣпился, оспави, на Подолье возвратися. Тогда его

Ляхи лесцію емше, до Короля ошлася, который повелъ ошъщи Подковъ главу во Львовѣ. Тѣло же его Козаки вземше въ Каневѣ у монастырѣ погребоша. Посла же Король и до низовыхъ Козаковъ, дабы ихъ смирили, Комиссаровъ своихъ, но приняли же ихъ Козаки не якоже Ляхи хопъша, гиввающеся за Подкову, его же ради многожды на Молдавскую землю находяще, великія пакости шворяху, яко храбрымъ юнакомъ бѣ свойспвенно; а найпаче Ташарамъ вельми блху шяжци и крѣпци яко спѣна.

VII.

Егда змій лукавый ошпорже шрепшою частъ звѣздъ изъ церкви Православныхъ, аки зъ шверди небесней, и восхопъ вринуши во адову пропасшъ шогда ему шіи шькіи Архіереи въ Ли-

шовскої справі не боїся Бога, яде
дрождія суєтныя славы жившася, ни
ошкуду не имущія нужды образомъ
благочестія хошмще ошрещися, пра-
вославныя апостольскія Каеодическія
вѣры, соборъ собраша во Врестію Ли-
шовскомъ; и на томъ соборъ бѣ Ми-
широполишъ Михайль Рогоза, Инапій
Прошотроній Епископъ Владимірскій
и Врестскій, Кирилль Терлецкій Ек-
сархъ Епископъ Луцкій и Острожскій,
Ермогенъ Епископъ Полоцкій и Ви-
шебскій, Іоаннъ Гоголь Епископъ По-
чайскій и Туровскій, Діонисій Епис-
копъ Холмскій и Белзскій; и на томъ
соборъ оставя аще благословеніе пер-
воначальнаго Архипастыря своего Кон-
станшинопольскаго Пашріарха, посла-
ша послы въ Римъ къ Папѣ Клементу
восьмому, ошдающе себе въ соединеніе

Западному Коспелю. Тогда видѣвши
благочесїя сїю новоявльшую
химеру, ужасохуся и ошдалиша себе
ошъ едностїи шѣхъ наемниковъ; а не
ношнїиныхъ пастырей. И ошсюду раз-
драся облюбеницы Христовой едино-
благочесїная рїза; и смушїся смущенїемъ
неушнїинымъ православная цер-
ковь: бѣ бо видѣши на ней одѣяїе раз-
драїно, и душою болюще зѣло, ако
сїю ея вшедше въ черпоги вну-
шрениїа завѣса умроша. Змїй же облю-
бїиый ихъ начашъ облюбеницу Хри-
стову Церковь Православную Греко-
Русскую гонїши; обаче дано бѣ жентѣ
двѣ криль орла небесного.

Тогда же ревностїю благочесїїа
разжегся явкшо Гешманъ Запорожско-
го войска Наливайко въ року 1591 со-
бравъ ошъ низовыхъ Козаковъ войско,

прійде на Дніву, и шамо много мечомъ побн шляхшы, ненавидяй керовальшеюся тогда Уніи. На него же Надвайка Гешманъ Коронный Жолкерскій съ войскомъ Польскимъ пришедеъ на Украину подъ Дубнями мѣспомъ на урочищъ Солоницъ войско Козацкое побн, и самага Гешмана емши завезъ до Варшавы, иде же на мѣдномъ валу его сожгоша Ляхи и ошъ шол вини война Козацкая съ Ляхами начася.

И вельми спалась пляжка брань оная. И многія души погибоша. Церковъ Божую православную споважающе и поражающе православныхъ ея сподвижниковъ. Явися въ оное время межъ Козаками мужъ умомъ возвышенный и любовью къ опчизнѣ вельми изукрашенный зѣло, Зиновій Хмельницкій, ему же и прозваніе ошъ православнаго

народа дако Богдана, Богомъ данного
во утѣшеніе сиротствующей Церкви
Православной. И шакъ отъ нга Ляд-
ского Руссы въ око время ошпадоша.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

О взятіи Кіева Гедемикомъ.

Сказанія о взятіи Кіева и покореніи Украины Гедемикомъ, помѣщенные въ Украинскихъ лѣтописяхъ всѣ вообще сходны болѣе или менѣе съ повѣствованіемъ Польскаго Историка XVI столѣтія Стриковскаго, которое сокращенно вписано въ И. Г. Р. IV, 203 — 209. Карамзинъ сомнѣвается въ справедливости онаго, говоря, что оно едва-ли утверждено на современныхъ свидѣтельстввахъ, и полагаетъ, что Украина покорена не Гедемикомъ, но Ольгердомъ, его сыномъ. Баншышъ-Каменскій принимаетъ сіе мнѣніе (И. М. Р. 26 — 27).

Одно изъ важнѣйшихъ доказа-
тельствъ Карамзина есть свидѣтель-
ство Русскихъ Лѣтописей, что Вас-
таки Ханскіе и Князья Русскіе до са-
мого 1331 года находились въ Кіевѣ.
Но Карамзинъ а вслѣдъ за нимъ и Баи-
шынъ-Каменскій не вѣрили и шому
сказанію Сприковскаго, что Гедеминъ
умеръ въ 1328 году, а напрошивъ ош-
носа на смерть Гедемина, сообразно
съ показаніемъ нѣкоторыхъ Лѣтопи-
сей Русскихъ, въ 1341 году. . . Если
Сприковскій ошибся въ годъ смерти
Гедемина, то не могъ-ли такъ же оши-
биться, означивши покореніе Кіева Ге-
деминою подъ 1320 годомъ. Обчестъся
въ лѣтосчисленіи легче, нежели пере-
пушашъ происшествія, и дасть имъ
порядокъ по волѣ воображенія. Мо-
жетъ быть здѣсь должно только по-
править число: вмѣсто 1320 разумѣшь
1330; такъ точно какъ Нарушевичъ
годъ смерти Гедемина по Сприковско-
му и Двисбургу 1328 поправилъ въ 1338

(Ніз. Н. Р. V. 436). Сприковскій могъ ошибаться, общипываться, могъ дополнять, какъ выражаешь Карамзинъ о Длугонъ, Польскомъ Историкъ XVII столѣтій; но какая была ему снать искажать ходъ происшествій? Пришомъ Лѣтопись Сприковскаго не могла-ли бытъ подвержена прихоти переписчиковъ!

Гораздо значительнѣе доказательство Баншыша-Каменскаго:

И Длугонъ и Сприковскій, и Лѣтописцы Русскіе почти одинаково обозначаютъ удѣлы, данные Гедеминомъ сыновьямъ своимъ. Въ числѣ ихъ о Кіевѣ и городахъ Сѣверскихъ не упоминаю; — слѣдовательно — говоришь Баншышъ-Каменскій — сіи города еще не принадлежали тогда Липовцамъ.

Но Баншышъ-Каменскій признаешь справедливымъ выводъ Карамзина, что — держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, Гедеминъ не изгонялъ Князей изъ земель, завоеван-

ныхъ его оружіемъ; довольствовался ихъ покорностію, оспавлялъ имъ удѣлы наслѣдственныя (И. Г. Р, VI: 213. И. М. О. I. 27). Почему-же не допустить, что Гедиминъ употребилъ это правило своей политики къ Князьямъ Кіевскимъ, если онъ покорилъ Кіевъ прежде 1331 года, или въ отношеніи къ Миндовгу, Намѣстнику, коего Гедиминъ оспавилъ въ Кіевѣ, по сказанію Сприжовскаго, если Кіевъ подпалъ его власти послѣ 1330 года?

Еще одинъ вопросъ: на какомъ достоверномъ свидѣтельствѣ, на сказаніи какого Лѣтописца или Историка утверждено мнѣніе, что Кіевъ покоренъ Ольгердомъ? Не догадка-ли это, и не болѣе? — Должно думать — говорить Баншышъ-Каменскій; а почему? умалчиваешь.

Любопытно, что скажетъ по этому предмету Полевой въ своей Исторіи Русскаго народа, какъ развяжешь

онъ эпошъ узелъ, кошорый Карамзинъ шодьно что болѣе запушанъ.

Примѣчаніе. Окшавра 3. 1833. Полевой (И. Р. Н. IV: 347 — 348) придерживался мѣнія Нарушевича о смерти Гедемина, во всемъ прочемъ согласенъ съ Карамзинымъ.

Ксташи о Кіевъ. Подъ именемъ Кіева Украинскіе Лѣтописцы часшо разумѣли не одинъ городъ, или городъ съ округомъ, но всю Украину, и Русскую, и Польскую, и Нѣмецкую, именно какъ сказано въ одной старой рукописи: Обласъ Галицкую и Владимирскую, и Волынь, и Подоль, и обласъ Кіевскую, и Черниговскую, и Сѣверскую, и Слободскія земли, и степь Ташарскую. — То-же разумѣють и подъ именемъ Княженія Кіевскаго. Иначе понималъ слово Кіевъ нашъ Лѣтописецъ; ибо онъ непрерывно перемѣялъ кругъ значенія сего слова. Въ-

рошино, оъ хощѣхъ разумѣшь подѣ
Кіевомъ шолько сполнцу, главный го-
родъ обласни: Княженіе Кіевское не
все преобразовалось въ одно Воевод-
ство Кіевское, а распалось на многія
части. См. о семъ И. М. Р. I. Гл. VII
и VIII.

Тамъ-же см. и о покореніи сихъ
областей Казимиромъ IV. Ср. Карам-
зина И. Г. Р, V и VI. въ разныхъ мѣ-
стахъ. Баншке, И. Г. II. II. 42 — 63.

— О состояніи Кіева въ XVII вѣкѣ
см. О. У. 1 — 4. 12 — 13,

2.

Разборъ Бопланова сказанія.

Нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что
Украинцы, иже бяху вонискаго чина,
не работнымъ промысломъ живяще . . .
и совершенно справедливо: шожо го-
рять и другія Лѣтописи, шожо и на-

родное преданіе; только слѣдующее сказаніе Боплана какъ будто прошепортишишь сему:

— Въ справѣ Запорожской вы найдеша людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройкы домовъ и лодокъ, шельжацковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, поршнихъ и ш. д. Козаки весьма искусны въ добываніи селистры, копорою изобилуеша Украина, и въ пригошовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядушъ ленъ и волну, шкушъ для своего употребленія полошна и сукна. Всѣ Козаки умѣюшъ пахашъ, сѣяшъ, жашъ, косишъ, печь хлѣбы, пригошовляшъ ясхва, варишъ пиво, медъ и брагу, гнашъ водку и пр. (О. У. 6).

Читая сіе описаніе Боплана, невольно подумаешъ, что Козаки составляли народъ образованный, равный по

образованію по крайней мѣрѣ Французамъ современникамъ Боплана, — а справку Запорожскую почтешь Государствомъ благоустроеннымъ. Ужели Бопланъ ошибся, или и того хуже — солгалъ? быть не можешь. Или онъ выразился нѣсколько безощепливо? — Что хотѣлъ онъ разумѣть подъ именемъ Запорожской страны? Конечно не степи и луга, по берегамъ Днѣпра ниже пороговъ, гдѣ Козаки имѣли свои лѣшныя сшойбища; а всю Украину. Это покажется страннымъ; но какъ же иначе? Какіе могли быть въ собственно Запорожской странѣ дома, откуда могли проявиться шамъ женщины? Запорожцы жили въ шалашахъ и землянкахъ; Запорожцы вели шамъ жизнь холостую, строго наказывали прелюбодѣланіе. Очень не мудроно, что Козаки умѣли пахать, сѣять и жать, но въ степяхъ вспимъ не занимались; тоже можно сказать и о косьбѣ сѣна, пивовареньи, и пр. На это предшав-

ялешъ доказательство самъ-же Бо-
планъ, говоря, что Козаки жиаушъ
одною добычею; ибо возвращаясь на ро-
дину, ни чѣмъ не занимающся, а умѣ-
юшъ только пишь и бражничашъ съ
друзьями (О. У. 69). Печь хлѣбы и при-
готовляшъ явшава опашъ не было дѣ-
ломъ воиновъ Запорожскихъ: на это
были у нихъ особенные люди, прихо-
дившіе въ Запорожье изъ Украины, и
называвшіеся кашеварами. — И пакъ
Бопланъ хотѣлъ разумѣшь подъ име-
немъ страны Запорожской, вѣроятно,
Украину, а подъ общимъ названіемъ
Козаковъ не собственно Запорожскихъ
воиновъ, бывшихъ на службѣ; а семей-
ства Козаковъ охочекомонныхъ, кои
были расселены еще при Башоріи по
всей Украинѣ слободами. Моя догадка
справовилася еще правдоподобнѣе, ког-
да припомнимъ, что Бопланъ говоритъ
вслѣдъ за симъ о плодородіи земли и
богашствѣ Козаковъ въ хлѣбѣ, кошо-
раго, по словамъ Боплана, имѣли они

столько, что не знали куда дѣвать; ибо — продолжаешь Бопланъ — кромѣ Днѣпра ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украинѣ не впадаетъ въ море: самый Днѣпръ на 50 миль ниже Кіева загражденъ порогами (О. У. 6). Изъ этого выраженія явственно видно, что Бопланъ смѣшивалъ справку Запорожскую съ Украиной, не находилъ между ними никакой разницы.

Заключаю: Бопланъ сказалъ нѣсколько безоспечливо, смѣшавши Запорожскую справку съ Украиной, — а Козаковъ служивыхъ съ Козаками охочкомонными; или правильнѣе, смѣшавъ и шѣхъ и другихъ Козаковъ подъ общимъ названіемъ Козаковъ. — Исправивъ сію безоспечливость, и сказаніе Боплана ни мало не будешь противорѣчишь вышеприведеннымъ словамъ нашего Лѣтописца, коихъ справедливость можетъ быть оправдана многими выраженіями самаго Боплана. Но какъ могла произойти такого рода

Безопшечливостъ въ сказаніи Боплана? Вѣрно, она имѣла основаніе: — Бопланъ, неопшечая Запорожья отъ Украины, во все не опшечаетъ и Козаковъ Запорожскихъ отъ Украинскихъ какъ это сдѣлали Карамзинъ, Бантышъ-Каменскій и другіе. Кію изъ нихъ справедливѣе? Я думаю, Бопланъ; ибо опшечія между Козаками Запорожскими и Украинскими не находишь и Лыповицы Украинскіе почти всѣ за исключеніемъ очень немногихъ подобныхъ Конискому и пр. — Козаки рееспровые, собственно Запорожскіе воины, дѣйствительно не работнымъ промысломъ живяху, а одной добычей, и возвратившись на родину, очень могли, по словамъ, Боплана пишь и бражничать. — См. Зам. 14.

3.

Лука. Гайдомаки. Лугари.

Вся вообще Украинцы подъ именемъ луговъ разумѣють лѣса, распуціе на низменныхъ мѣстахъ. Собственно же Лугомъ или Лугами называешся лѣвый берегъ Днѣпра съ того мѣста гдѣ въ рѣку сію впадаетъ Конка или Конская рѣка (Конка-вода какъ называешъ Боплакъ) внизъ къ морю. Сей берегъ заливается почти каждою весною; на немъ росшешъ лоза, осокорь; есть прекрасныя сѣножаши, ручьи, озера, цѣлыя лѣса непроходимаго просѣинку. Преданіе народное, согласно съ Лѣтописями, повѣствуетъ, что сіи Лука были первоначальнымъ лѣпнымъ спойбищемъ Козаковъ, что и дало имъ названіе Запорожцевъ. Въ послѣдствіи времени, когда Козаки подлинулись къ сѣверу, а со временемъ начали разсе-

лишсь по Украинѣ, Луга сія доспа-
лись въ удалѣ Гайдомакъ; ш. е. лѣо-
ныхъ разбойниковъ, собствѣнно: лѣо-
ныхъ жильцевъ. Имя Гайдомакъ носили
и Запорожцы шѣ, кои жили въ лѣсахъ
по лѣвому берегу Днѣпра около поро-
говъ; однако не долго, не даѣе какъ
до Хмельницкаго. Разбойники Гайдомаки
существовали до конца прошлаго спо-
лѣтія, переселившись по большей ча-
сти на Самарь, Пселъ и другія рѣки,
впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ
Лугахъ стали извѣстны подѣ именемъ
Лугарей, и производили ужасныя гра-
бежи. Говорятъ, что между предводи-
телями сихъ разбойниковъ бывали и
дворяне; впрочемъ это сомнительно.
Развѣ подѣ именемъ дворянъ понимаешь
дробную шляхшу, и ш. п. Но, что
важнѣе, многіе смѣшивали Лугарей съ
Запорожцами, давали имъ названіе За-
порожцевъ, и такимъ образомъ часто
вредили доброй славѣ сихъ послѣднихъ.
Разысканіе и собраніе свѣденій о Гай-

домакахъ и Лугаряхъ было бы очень любопытно и вмѣстѣ важно для Истории Украины; но гдѣ же источникъ подобныхъ свидѣній? Однихъ преданій не достаточно. Можешь бышь архивы уголовныхъ Палатъ. Въ № 5 или 6 [Запорожской Спшрины будешъ помѣщено собраніе анекдотовъ о пѣхъ и другихъ. Нѣсколько анекдотовъ о Гаркушѣ помѣстилъ О. С. Евецкій въ Украинскомъ Альманахѣ на 1831. Гаркуша одинъ изъ знаменитѣйшихъ Гайдомакъ прошлаго столѣтія. Кто не читалъ отрывковъ изъ Повѣсти Сомова о Гайдомакахъ? Кто не плѣнился ими? Жаль, что воображеніе Писателя не дозволяло испинѣ разыгрывать должную роль если не всегда, шо по крайней мѣрѣ довольно часшо.

4.

Происхожденіе слова: Козакъ. Миллія различныхъ.

Очень немногія изъ названій народовъ, подвергавшихся изслѣдованіямъ криптиковъ историческихъ, были изслѣяемы сподъ разнообразно и сподъ зашѣливо, какъ названіе Козаковъ.

Чешыре мѣнїя о семь предметѣ предсхавилъ нашъ Лѣтописецъ. Предсхавлю еще нѣсколько.

— У насъ есть — пишешъ Карамзинъ — рукописное сочиненіе о Козакахъ Запорожскихъ, гдѣ сказано, что онѣ уже сущесшвовали въ 948 году, что какой-шо Семень вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, доннѣ именуемой Семеновымъ рогомъ, и приманилъ шуда болѣе спа человекъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ козыхъ шкуръ, назва-

лись Козаками, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя Козаковъ, и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ (И, Г. Р. V. пр. 416).

Чего милѣе! однако я, признаюсь, ни какъ не могу повѣрить, что-бы Карамзинъ не ошибся, назвавъ сію басню изобрѣщеніемъ одного изъ ученыхъ Запорожцевъ: до сихъ поръ мнѣ не случилось видѣть ни одного памятникъ сшарны Запорожской, въ кошоромъ бы умъ и ученость изобрѣщенія и выраженія проявлялись въ подобномъ размѣрѣ. — О сей баснѣ говоритъ и Болтинъ (II. на И. Р. Леклерка. I. 363—365).

Конисскій въ Истории Руссовъ говоритъ слѣдующее:

— О названіи Козаковъ въ кошорые Историки спрашно повѣствуютъ, и производящъ ихъ то изъ Скиѣи или отъ Ташаръ, то изъ Кабарды Черкес-

ской; а другіе утверждаютъ, будто-бы они суть ошашки иноплеменнаго народа Козарскаго. Польскіе Испорикки показываютъ еще, будто они набрались изъ разной вольницы или сволочи, и поселены опъ ихъ Королей на пущыхъ земляхъ близъ рѣки Днѣпра и Буга. Но шаковыя нелпыя мнѣнія значашъ болѣе, нежели ошибки Испориковъ. Не приводя другихъ исиниъ, опровергаешъ ихъ самый разумокъ; ибо всякій народъ имѣешъ свое войско, и даешъ ему названіе по виду или достоинству. Такимъ образомъ и Русскіе воины назывались Козаками конные, а Спрѣльцами и Сердюками пѣшіе. И сіи названія суть собственно Русскія; на пр: Спрѣльцы по спрѣльбъ, Сердюки по сердцу или запальчивости, а Козаки или Козаре по легкости ихъ конной, уподобляющейсѣ козьему скоку. —

И шакъ и Конисскій не могъ избавишъся опъ козь говоря о Козакахъ. Къ сему же порядку принадлежащъ:

Пясецкій, Гаршкнохъ, Лакомбъ, Шевалье, и пр. и пр. и пр. Гербиній производитъ слово Козакъ отъ косы, якобы нѣкошорая часшь Козаковъ была вооружена косами: извѣстно, что Украинцы людей, конъ косящъ сѣно, называющъ косарями. О другихъ мнѣніяхъ см. И. Г. Р. V. и И. М. Р. Гл. IX. и пр. 73. Любопышно также мнѣніе Левшина, въ спашьѣ о Киргизъ-Кайсакахъ, помещенной въ Московскомъ Вѣспникѣ на 1827.

5.

Ляхи.

Симъ именемъ называли Поляковъ Украинцы, а можешъ бышь и Русскіе. Вѣрояшно — говоритъ Баншке — что Поляки сами себя нѣкогда называли Ляхами (И. Г. II, I. 20). Однако имя сіе въ Лѣтописяхъ Польскихъ, кажешся, нигдѣ

не встрѣчаешся. Вицецшій Кадлубекъ, одинъ изъ первыхъ Лѣтописцевъ Польскихъ, а за нимъ и другіе называли Лехишами (Lecytae). Ваншке говоритъ далѣ:—Иные утверждаютъ, будто бы сіе названіе (Ляхи) произошло отъ Ляцкаго или Лашинскаго вѣроисповѣданія, что однако-жъ подвержено сомнѣнію. — Въ Лѣтописяхъ Украинскихъ Польскій народъ часто называется Ляцкимъ, Лядскимъ и ш. п. И въ Русскихъ Лѣтописяхъ также. Въ Лѣтописи Воекресенской упоминается о Ляпскихъ воровтѣхъ и пр. Эпи-же воровы въ Лѣтописи, изданной Даниловичемъ, названы Ледяцкими. Сія послѣдняя предшавляетъ много подобныхъ примѣровъ.

6.

*Первый Козацкій походъ противъ
Крымцевъ.*

Ханъ Ташарскій названный нашимъ Лъщописцемъ Менделиреемъ естъ вѣроятно Махмешъ-Гирей, старшій сынъ и наследникъ знаменишаго Менгли-Гирея, умершаго весною 1515 года. Махмешъ-Гирей, по сказанію Карамзина, не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану любилъ пить до чрезмѣрности; рабѣтислывалъ женамъ; не зналъ добродѣтелей Государственныхъ, — зналъ одну прелестъ корысти; былъ истиннымъ Ашаманомъ разбойниковъ (И. Г. Р. VII. 73 — 78). Сей Ханъ, во время мирныхъ переговоровъ съ Царемъ Русскимъ Васиіемъ, послалъ сына своего Богашыря въ набѣгъ на области Русскія; Богашырь успремился съ своими полна-

ми, голодными, какъ выражаешься Ка-
рамзинъ, и опустошили села Менцер-
скія и Рязанскія. И всѣмъ за симъ, по-
лучивши золото отъ Сигизмунда, Ко-
роля Польскаго, послалъ 40,000 всад-
никовъ раззорять его южныя владѣнія.
Крымцы вшорглись въ спрану сію —
пишешъ Баншышъ-Каменскій — слѣдую
Бигелю — ограбили спрану сію, въ осо-
бенности владѣнія Князя Вишневецка-
го, гдѣ оказано имъ сопрошвленіе: мла-
денцы, жены, спарики, больные были
безчеловѣчно умерщвлены варварами;
нѣсколько тысячъ жилищей взяты въ
пльть, и, подобно большому стаду,
погнаны въ улусы. — Вшорая половина
сей выписки годится для речисашива
при описаніи всякаго набѣга Ташаръ
по порядку. — Въ это время предводи-
телями Запорожцевъ былъ — кто? А
якого-сь вамъ преба? говоришь Жидъ
въ ошвѣшъ Украинцу, отъ котораго
надѣешься получить свои выгоды. Эшотъ
ошвѣшый вопросъ упошребилъ здѣсь

очень кшаши. Почти вся Лѣтописи Украинскія единогласно именуютъ Гешмана Ружинскаго; Баншишь-Камескій запрошивъ, давши Ружинскому мѣсто при Башоріи, сообразно съ показаніемъ Миллера, ошдаешъ начальство надъ Запорожцами въ сіе время Предиславу Ланцкоронскому и Дашковичу (И. М. Р. I. 113 — 114). Не правда-ли, что якого-сь вамъ треба? . . .

Конисскій описываетъ походъ Козаковъ противу Хана Крымскаго въ опмищеніе за его нападентіе на Украину слвдующимъ образомъ:

— Въ 1518 году Махметъ - Гирей Крымскій Ханъ по союзу съ Княземъ Московскимъ Василіемъ Іоанковичемъ шель войною на Польшу и Малоросію. Тогда Гешманъ Ружинскій съ войсками Малороссійскими и Польскими пошелъ на всрѣчу Ташарамъ на границу Малоросіи. Надъ рѣкою Донцемъ при городѣ Бѣлгородѣ далъ себя ашаковать Ташарамъ, въ продолженіи цѣ-

лаго для оборонялся, не дала сама никакихъ нападеній; но когда на ночлегъ Ташары удалились, и не имѣя обыкновенія привязывашь лошадей къ конюшнямъ, распустили по лугу; но Гешманъ на самой зарѣ съ своимъ войскомъ на нихъ выступилъ, а впередъ послалъ отрядъ конницы съ пригошовленными заблаговременно ракетами, кои перескакивая съ мѣста на мѣсто дѣлали съ шумомъ. Сии ракеты были зажжены и пущены между лошадей. Это привело весь спанъ въ шревогу. Гешманъ съ войскомъ напалъ на смѣшаннаго Хана, разбилъ его на голову, — и спанъ со всемъ багажемъ достигъ побѣдишелямъ. Возвращалъ Ружинскій отъ Бѣлгорода Русскаго, встрѣченъ былъ Турками и Ташарами, выступившими изъ Бѣлгорода Ташарскаго или Акермана, что въ Бессарабін, кошорые узнавши о побѣдѣ надъ Крымскимъ Ханомъ и о пошеряніи всего спана съ великимъ богашспвомъ предприняли

ошлянь оныя богатства у Ружнискаго, напавши на него нечаянно въ рас-
пдохъ почти обыкновенный у войскъ
возвращающихся съ удачею. Но Ру-
жнискій не былъ такъ безпеченъ какъ
они полагали. Свѣдавъ онъ погранич-
ныхъ развѣдовъ, что Татары Бѣлго-
родскіе съ гарнизонными Турками вы-
спушили на Очаковскую степь, Гещ-
манъ шопть часъ удалилъ шлжесши
свои въ Уманьщину, а самъ съ вой-
сками переправясь чрезъ Бугъ засѣлъ
въ очересахъ и байракахъ, при рѣкѣ
Кадымъ; и какъ только непріятель
пришлянулъ къ Бугу, то онъ насшу-
нилъ на него нечаянно со всѣхъ сто-
ронъ, и сыгралъ съ ними то, что ему
гошовилось. Разбивши на голову, онъ
гналъ враговъ до Акермана, ошлялъ у
нихъ все, что имѣли, и раздѣлялъ съ
Поляками и своимъ войскомъ. —

Читая сей опрывокъ и ему подоб-
ные, могу только удивляться богат-
ству испочинковъ, конми пользовался

Кожисскій при соснавленіи своей Лѣшописи; и невѣрующіихъ сказаніемъ Преосвященнаго Епископа Могилевскаго ошмылаю къ И. М. Р. I. 113—114. Другіе Лѣшописцы рассказываютъ сей походъ очень кратко, но большей частью не упоминая о дѣйствовавшихъ въ ономъ лицахъ.

Описавши сей походъ наши Лѣшописецъ говоритъ, что — и оныя того времени Козакомъ нарицался, аще кто и Полякъ бѣше, сіе снѣ свободное воинство. — Это подтверждаютъ и другія Лѣшописи.

Орѣ или Перекопѣ. Боллакъ пишетъ:— При входѣ въ перешеекъ (соединяющій полуостровъ Крымъ съ твердою землею) лежишь ничтожный городокъ безъ укрѣпленій, окопанный только полуобвалившимся рвомъ въ 20 фузовъ шириною, оны 6 до 7 глубиною, и обнесенный валомъ оны 6 до 7 фузовъ въ вышину и не болѣе 15 въ толщину;

онъ лежитъ на 300 шаговъ отъ восточнаго морскаго берега, имѣеть около 400 домовъ и защищается каменнымъ замкомъ, около коего построена еще другой замокъ. Между городомъ и западнымъ морскимъ берегомъ прокопанъ ровъ на полмилю въ длину: городъ сей называютъ Тапары Оромъ, а Поляки Перекопомъ (О. У. 26—31). Въ семь мѣсѣ ровъ существовалъ уже во времена Геродота, который свидѣтельствуетъ, что сдѣланъ онъ Скифами. Греки называютъ его *таФрос* или *таФрай*. О немъ упоминаетъ и Консантинъ Порфирородный: онъ говоритъ, что сдѣланъ сей ровъ для того, что-бы отдѣлить Крымъ отъ швердой земли, и проливомъ соединить восточную часть Чернаго моря съ западною; но скоро сей ровъ засыпался, и покрылся густымъ лѣсомъ. Асандръ построилъ здѣсь каменную стѣну съ башнями, о чемъ подробно рассказываетъ Страбонъ. Въ XVI столѣтїи

городовъ Оръ сдѣлался столицей Калги Крымскаго Хана, или можетъ быть временной столицей и самаго Хана, какъ повѣствуютъ изкошорна Дѣшописцы Украины.

Вѣлгородъ Ташарскій или Турецкій, при Дѣспирѣ на мѣлю отъ моря, какъ пишеть Боллакъ (О, У. 33.) Онъ извѣстенъ былъ Римлянамъ подъ именемъ *Albae juliae*, а Грекамъ подъ именемъ Маскарона. Жишели онаго — горитъ Каншемиръ — называютъ его Тжешаше Альба (О. М. Гл. 4). На югъ отъ сего города находилась кочевья Вуджацкихъ Ташаръ; а въ самомъ городѣ, если вѣришь сказанію Дѣшописей Украинскихъ, всегда былъ расположенъ гарнизонъ Турецкій.

Пища Козаковъ.

Жидкое пшенице не много проквашенное и сваренное, о кошоромъ упоминаетъ нашъ Лѣтописецъ, какъ о главнѣйшемъ кушаньѣ Козаковъ, называлось Запорожцами саламашою или щещерю. О немъ говоритъ и Боцланъ (О. У. 63.), прибавляя что Козаки ѣдятъ оное смѣшавъ съ просомъ; равно и Крюкъ (О. У. 154). Впрочемъ главной пш. е. самой обыкновенной и употребительнѣйшей едой Запорожцевъ была каша, что доказываеица самымъ названіемъ ихнихъ поваровъ — кашеваровъ. Безъ всякаго сомнѣнія Запорожцы употребляли хлѣбъ, кошорый для походовъ рѣзали въ сухари, о чемъ говоритъ и Боцланъ (О. У. 63). Кроме того они употребляли различнаго

рода, мясо, любили рыбу. — Бонланъ очень часто упоминаетъ о привязанности тогдашнихъ Запорожцевъ къ пьянству и бражничеству, не опинная у нихъ впрочемъ воздержности во время походовъ (О. У. 1).

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ кушаньи Козаковъ Запорожскихъ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ: это—пюра—шершый въ порошокъ сухарь, разведенный въ квасъ, и приправленный коноплянымъ масломъ и солью. — Не упоминаю о другихъ кушаньяхъ, кои одинаково принадлежали Запорожцамъ и Украинцамъ.

8.

Курени. Землянки. Пологи.

Миллеръ — по свидѣтельству Башыша-Каменскаго — названіе куреней

производитьъ огонь слова: куришь. Но что значить курень у Запорожцевъ?

Всякому, бывшему въ Украинѣ, извѣстны курени, спавимыя лѣшомъ на бакшахъ или башпавахъ, иногда въ огородахъ и садахъ, иногда на жнивяхъ. Подобныя курени встрѣчаются и въ сѣверной Россіи. То-ли же самое были курени и у Запорожцевъ? Почему же не шакъ! по крайней мѣрѣ тогда, когда Запорожцы жили еще въ Лугахъ. Нѣсколько жердей, составленныхъ пирамидальной формой, оплешенныхъ лозою, покрытыхъ сверху проспшикомъ или комышемъ, или какою нибудь болошной правой, — вошь курень, жилище какъ не лзя лучше сошвѣшшвующее образу жизни Луговаго Запорожца! Но почему же это жилище называлось куренемъ? Уже-ли огонь того, что въ нихъ раскладывался иногда огонь, для варенія яствъ? Какимъ другимъ дымомъ могло куришься подобное жилище? Разводишь въ немъ большой

огонь было кажется не ловко: непрочное строение со временем, что находилось въ ономъ, могло бы очень легко обратиться въ пепель при малѣйшей неосторожности. При этомъ это строение на зиму не годилось: сохранять шепелю во внутренности оной было во все невозможно. — И такъ вѣрно Запорожскій курень былъ не со всемъ то, что шепель называютъ куренемъ.

И Лѣтописи и преданія говорятъ единогласно, что Запорожцы жили еще и въ землянкахъ. И доселѣ остались слѣды сихъ жилищъ во многихъ мѣстахъ. Судя по симъ слѣдамъ землянки должны были бытъ что либудъ подземное. Такъ точно и было.

Предсавяше себе яму, покрытую сверху сволокомъ, засыпаннымъ землею или чаще глиной, съ опверстїемъ по серединѣ, — и вы будете имѣть помянутое объ Украинскомъ лѣхѣ или погребѣ. То-же самое была и землянка Запорожская съ тою только разницею, что

Часть I. (65) 6

на долъ ямы была еще другая не большая яма, въ кошорой раскладывался огонь. Отверщеніе въ сволокъ служило дверьми. Въ такомъ случаѣ приспавалась разумѣется лѣшница. Это же отверстие было и шрубой для дыма. Такія-то жилища строили себѣ когда-то Запорожцы для зимы; и еще-то самыя землянки, вѣроятно, называли они и куренями, по той-же самой причинѣ, по кошорой поселане въ сѣверной Россіи называютъ избы свои безъ шрубы курями. Да не по-ли-же самое были и древніе Русскіе ямы? — По времени названіе куреней могло перейти и къ лѣшнымъ жилищамъ Козаковъ.

Не могу предспавишь на мою догадку доказательствъ фактуальныхъ; но мнѣ кажется, слова нашего Лѣшописца нѣкошорымъ образомъ служивъ могутъ вмѣсто оныхъ. — Живуть-же — говоривъ онъ — въ коливахъ, сіе есть куреняхъ по пятидесять, по сто и бо-

лѣе. — Чшо другое, если не землянки разумѣешь оны здѣсь подъ именемъ куреней? Очень легко можно было выкопашь землянку для 50, 100 и болѣе чело-вѣкъ; какъ дѣйствительно и было, если вѣришь народному преданію; но какъ посшавишь шалашъ для подобнаго количества?

Аршель Запорожцевъ, зимовавшихъ въ одной землянкѣ, переходя жишь весной въ лѣшнихъ жилищахъ, спронта нѣсколько десяшковъ шалашей, кони-рые всѣ вмѣстѣ назывались шо-же ку-ренемъ, *in sensu copulativo*. Въ послед-ствіи времени и каждый шалашъ нача-ли называшь куренемъ, по крайней мѣ-рѣ въ шакомъ смыслѣ перешло сіе сло-во къ Украинцамъ.

И шакъ, если догадка моя справед-лива, Запорожскій курень былъ не со-всѣмъ шо, что разумѣють нынѣ подѣ-шнимъ названіемъ, ибо подѣ поняшiemъ ошаго разумѣлись: 1) землянка, — зим-нее, подземное, курное жилие въ родѣ

Камчатскаго кнншнн; 2) шалапъ, лнн-
нее жнлье; 3) собраніе шалапнн, засе-
ленныхъ аршелью Козаковъ, управле-
емыхъ одннмъ начальннкомъ, о чемъ го-
ворншь н нашъ Лншолнсецъ.

Боцланъ во все не упоминаетъ ни
о куреняхъ, ни о землянкахъ; а шолько
говорншь о какихъ-ншо пологгахъ, кон
будшо-бы ушранвалн Козакн для пре-
дохраненія себя отъ мошекъ, комарей
н ш. п. Я нарочно распрашнвалъ объ
шшомъ у шнхъ, конмъ знакома дре-
ностъ Запорожская лучше, нежели мнн;
нарочно рылся въ рукопнсахъ, — но
сколько нн распрашнвалъ, сколько нн
рылся, — nihil ad rem. Я ошалеа при
шомъ, чшо узналъ онъ Боцлана (О. У.
84 — 85.), — н нн на волосъ болъе. По
неводъ усумннлся въ шраведлнвосшн
его словъ; пришомъ Запорожцы едва-лн
былн шакъ ннжны, чшо-бы рншнлнсь
шерпншь скоръе духошу, нежели мо-
шекъ н комарей. Я шакже ннью чешн
быщъ знакомъ съ сннн племенамн краа

Джипровскаго, и очень тщательно перешошу всѣ ихъ нападенія, и всякій перекесеть шакъ-же. Впрочемъ, вѣроятно, вытѣшнее поколѣніе оныхъ сдѣлалось гораздо смиреннѣе, чувствительнѣе и наконецъ почтительнѣе къ человѣчеству; ибо въ XVII столѣтіи онъ былъ несравненно безчеловѣчнѣе, нежели теперь. — Опухоль лица моего — пишешь Бопланъ—едва опала чрезъ три дни, а въки шакъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: спрашно было взглянуть на меня. — Еще одно замѣчаніе: самое устройство пологовъ ошзывается не Запорожскимъ; оно слишкомъ искусственно, слишкомъ многосложно, слишкомъ заботливо для беззаботныхъ головъ Козацкихъ.

Устройство и распорядок войска Запорожскаго до Стефана Баторія.

— И одного-же старшійшого въ Куренѣ имущь говорить нашъ Дзшописецъ. Онъ разумѣеть Куреннаго Ашамана.

Здѣсь ксшани рассказали хоша крашко объ общественномъ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго до Баторія; но, не имѣя для шакаго описанія досшашочнаго количества испочниковъ, ограничиваюсь небольшою запискою, досшавленною мнѣ однимъ изъ моихъ сошрудниковъ.

— Очень вѣрояшко, что Запорожцы до начала XVI столѣтшм, обшная средя непроходимыхъ Луговъ, дубравъ и степей, живучи одной добычей, ничѣмъ не разношвовали отъ разбойниковъ и были другъ отъ друга незави-

симм. Одинаковъй образъ жизни, одинаковая цѣль, а часомъ и нужда во взаимной помощи могли заставивши ихъ сближаться другъ съ другомъ; и шакинъ образомъ ссоставились посщепенно артели ихъ, кон, обитая въ одномъ жилищѣ, получили опъ онаго названіе куреней. Таковъ былъ первый шагъ Запорожцевъ къ образованію. Ознакомившисъ съ Запорожцами, Правительство Польское начало на нихъ обращать свое вниманіе, спаралось подчинить ихъ власни Коронныхъ Гетмановъ;—шогда своевольная шайка Запорожцевъ мало по малу усшранялась, а наконецъ обратилась въ дружину воиновъ защитниковъ опщины своей опъ набѣговъ Ташаръ Крымскихъ и Буджацкихъ. Тогда построили они себя на островѣ Хоршицъ городокъ, — думаю въ родѣ Сибирскихъ остроговъ — обнесли его ровомъ и валомъ, оградяли валъ высоклямъ часшokolомъ, — и назвали городъ свой Сѣчью. Одно мѣсто

Для жиданъ, мѣсно укрѣпленное об-
щими силами, показывается уже, что
Запорожцы имѣли въ то время общаго
начальника отъ коюго зависѣли все на-
чальники часпимы: то былъ Кошевой
Ашаманъ, имѣвшій власшь управляти
всею дружиной и своимъ согласіемъ
ушверждаши власшь за новоизбираемы-
ми Куренными Ашаманами. Какъ Ко-
шевой такъ и Куренные набирались
всѣмъ обществомъ на Радахъ — народ-
ныхъ собраніяхъ, кои были общія и
часпимы, точно также какъ у Рим-
лянъ по шрибамъ и куріамъ. Въ об-
щихъ собраніяхъ всей дружины наби-
раемы были Кошевые, рѣшались все
для общественыя, кои конечно огра-
ничивались набѣгами враговъ и местию
онимъ. Въ собраніяхъ часпимыхъ, каж-
дый курень избиралъ для себя Курен-
яго, и пр. Сии собранія назывались Ра-
дами до Куреню; а шѣ — Радами до
Громады. — Не думаю, что-бы Гешманы
Польскіе имѣли большую власшь надъ

дружиной; но имѣли къ ней отношеніе
только по дѣламъ войны. — Увеличеніе
дружины Запорожцевъ, шѣснона поме-
щамъ въ Сѣчи заславили многихъ пе-
реселясь изъ оной въ окрестности
по берегамъ Днѣпра около пороговъ;
однако такое переселеніе не мѣшало
заведенному порядку: Кошевые и Ку-
ренные имѣли прежнюю власшь; Рады
всѣ происходили въ Сѣчи, гдѣ осмался
жизнь Кошевой съ малою часшію дру-
жины. Всѣ Запорожцы вели жизнь хо-
лосшую, занимались только войной, жи-
ли добычею. Женатыхъ и хлѣбопаш-
цевъ у нихъ не было до половины XVI
столѣтія, а съ сего времени такого
рода Козаки начали поселяться по пра-
вому берегу Днѣпра отъ р. Суры
вверхъ къ Кіеву, — и лѣвому отъ р.
Самари; впрочемъ до Стефана Бато-
рія ихъ было не много. И холосные и
женатые исповѣдывали вѣру Грекорос-
сійскую, говорили языкомъ старымъ
Русскимъ южнаго нарѣчія, ш. е. Укра-

нскимъ, или, какъ называютъ, Мало-
россійскимъ.

10.

Рада.

Слово сіе принадлежа многимъ Славянскимъ языкамъ (на пр. Богем. Поль. Слов. Далм. Укр.) встрѣчается и въ памятникахъ старинн Скандинавской, именно въ *Of-skald Ragni* стр. 94—132; и означаетъ совѣтъ Королевскій, состоящій изъ 12-ти мужей. Подобные совѣты двѣнадцать мужей, воеводъ, были въ древности и между Славянами. См. Czackiego *Rozprawa o wpływie prawa etc.* и пр. 100 — 101. — *Naruszewicza His. Nar. Pol. I. Kz. IV.* — О Радахъ у Запорожцевъ упоминаеть и Бопланъ: онѣ ограничивали власшь Генімановъ, по его свидѣтельствію. (О. У. 61 — 62). — Рады собирались большею частію въ Сѣчи на островъ Хорницъ,

кошорый лежить на Дѣвирѣ въ вершѣ
ниже мыса Кичкасова. Баншынгъ-Ка-
менскій ошибся, придвинувъ Хоршицу
къ устью Дѣвирѣ (И. М. Р. I. 127).—Въ
последшнѣи Рады собирались на Рома-
новомъ курганѣ, если вѣришь Боплану
(О. У, 17.), въ Чигринской дубровѣ,
кошорая значится по картѣ Боплана
на лѣвой сторонѣ Дѣвирѣ не много по
выше Чигрина, — въ самъ Чигринѣ, въ
Черкасахъ, и въ другихъ мѣстахъ.

11.

Сѣчь.

Запорожская Сѣчь находилась на
островѣ Хоршицѣ, и построена, по
сказанію Баншына - Каменскаго, до
Евсѣя Дашковича, а вновь укрѣпле-
на, какъ говорятъ Лѣшописи, Гешма-
номъ Вишневецкимъ. И Карамзинъ упо-
минаетъ о какой-то крѣпости, по-
строенной по его словамъ на островѣ

Хершницъ помѣнуемымъ Гешманомъ (И. Г. Р. VIII. 252). Должно-ли подъ сею крѣпостью разумѣшь Сѣчь или какое другое укрѣпленное мѣсто? Изъ его словъ объяснишь этого не дая. — Со времени Башорія появился и другіа Сѣчи, какъ будешь сказано ниже.

Слово Сѣчь — по мнѣнію Успенскаго — заимствовано отъ Нѣмецкаго слова *Sitzen* — сидѣніе (О. П. о Д. Р. II. 739). Миллеръ и Богушъ производили оное отъ засѣкъ или шычнѣй, коими укрѣпляли Запорожцы свои шановища или Коши. (Подробнѣе см. И. М. Р. II. пр. 30).

12.

Наказанія.

Нашъ Лѣтописецъ упоминаетъ нѣсколько о двухъ наказаніяхъ, бывшихъ въ употребленіи у Запорожцевъ: вѣсь-

лица и съчены кнупомъ; но кромѣ сихъ были и другія.

Самое упошребительное наказаніе о кошоромъ упоминаеть Бопланъ (О. У, 61.) за воровство было у нихъ коль, буде преступникъ шрешій разъ бывалъ уличаемъ въ преступленіи: два первые раза ему прощались. Подлѣ посаженнаго на коль, клали качалку, ш. е. дубняку, кошорою всякой провзжій или прохожій долженъ былъ ударить преступника шри раза: пѣхъ изъ нихъ, кон не хопѣли исполнять сего, Запорожскіе спражи принуждали, а если не дѣйствовало принужденіе, шо опводили къ Ашаману Кошевому; а иногда и сами убивали. — Впрочемъ по Запорожскому обычаю можно было воровать, шолько съ условіемъ, что-бъ не поймали въ дѣлѣ; и шакого рода искусство спавилось въ доспонство.

Вѣшали, били кнупомъ и сажали на коль обыкновенно около большихъ

прѣзжихъ дорогъ; большею частію по Крымскому шляху.

И доселѣ указываютъ на колодезь, находящійся по Крымской дорогѣ верстахъ въ 15 къ Новомосковску. Подъ сего колодца были посажены на кольпри бранна Спурчан, кошорые ограбили почту, ѣхавшую въ Крымъ къ Генералу Прозоровскому отъ Екашерини и Пошемкина. За нѣкошорыя пресшупленія были кіами.

13.

Одежда.

Крюйсъ говоритъ, что Козаки обыкновенно хорошо одѣваются, но когда идутъ въ море, то надѣваются на себя сшарыя въшоши (О. У. 155). Не только въ море — можно прибавить — но и вообще въ походъ. — Такъ точно дѣлывали они искони.

— Походная одежда ихъ — говорились
Боцманъ — состояла изъ рубахи, двухъ
шараваръ (одни для перемѣны); кашпа-
на изъ шолстаго сукна и шалки. (О. У.
64). — Боцманъ забылъ о свитѣ, верх-
ней одеждѣ Запорожцевъ, кошора
обыкновенно была съ кобелякомъ ш.
е. копиценомъ.

Въ мирное время Запорожцы иско-
ми одѣвались очень богато. Рубаха —
или какъ они называли сорока — хоша
и шолстая, но съ шелковой спешкой,
порты широкія въ родѣ Азіатскихъ
шалваръ и красные чоботы или са-
поги — составляли нижнюю одежду.
Сверхъ рубахи надѣвался кашпанъ, ко-
шорый могъ быть шелковый, парче-
вый и суконный, и подпоясывался ше-
левымъ пасомъ — поясомъ широкимъ
шелковымъ, пропканнымъ на каждую
четверть серебряными или золотыми
нитками. Поверхъ кашпана набрасы-
валась свита всегда суконная, съ раз-
ръзными рукавами, кои обыкновенно

заспегивались другъ на другъ сзади на спинахъ, и подкладывались подъ кобенягъ, употреблявшійся въ случаѣ дожда или непогоды. На головѣ Запорожець носилъ бриль, оспроконечную мѣховую шапку, или кобурь — суконную красную шапку съ бобровой опушкой. На капшанъ черезъ правое плечо на перевязи вѣшался самопаль (ружье), а за поясомъ на цѣпкахъ два пистолеша, и обоюдуюшрый ножъ вмѣсто кинжала. Шаблюку (саблю) въ мирное время носили рѣдко, — можетъ бысть только въ Радахъ. Тогда же надѣвали по верхъ капшана и спальную сипку (сѣшку, кольчугу). — Бороду всегда брили равно и голову, оставляя подлѣ лба длинную прядь волосъ, въ родѣ косы, называвъ оную чуприной; — и эта чуприна зашивалась за лѣвое ухо при или чешыре раза. — Ужасная обида была для Запорожца взять его за чуприну: она была для нихъ столь-же священна, какъ для древнихъ Русскихъ борода. Упо-

приобрѣненіе чуприны принадлежитъ не
однимъ Запорожцамъ, но и другимъ
Славянскимъ народамъ; такимъ обра-
зомъ его носящъ и Морлаки, или Ма-
ровлахи какъ называютъ ихъ Presbi-
ther Diokleas. см. Fortis, Voyage en Dal-
matie. Verne. 1786. I. Lettre II. — Соб-
ственно это обычай Ташарскій, и до
селъ Нагайцы и др. народы Ташарска-
го племени, носящъ чуприны, хотя и
нѣсколько оплотно ошъ Запорожцевъ.

14.

Добыча. Клады. Скарбница.

Запорожцы были чрезвычайно бога-
ты, получая въ добычу несравненно бо-
лье нежели сколько могли издерживать
на свое продовольствіе. До войны Уні-
ашской, добычу получали они только
ошъ Турекъ и Ташаръ, а часшію ошъ
Молдаванъ; а послѣ грабили Поляковъ.

Добыча ихъ состояла большею частію изъ военнаго оружія, нарчей, драгоценныхъ шкелей, и денегъ — Испанскихъ реаловъ и Арабскихъ цехиновъ — какъ говоришь Боплазь (О. У. 68). Кроме сего они часно ошголяли у Ташаръ шабуны и опары, ш. е. спада коней и овецъ; и брали въ плѣнь по большей часи дѣшей, кошорыхъ — повѣсывають Боплазь — употребляли въ услуженіе или дарили Магнашамъ Польскимъ, по однихъ дѣшей; а взрослыхъ шолько въ шакихъ случаяхъ когда надѣялось получить за нихъ дорогой выкупъ (О. У. 4 — 5).

Всю добычу военную, исключая того, что нужно было для собственнаго ихъ употребленія, Запорожцы ошарались мѣнять на деньги, и сіи деньги скрывали въ землѣ про злую невзгодину, что называлось — клады или скарбы класши.

— Обычай сбереженія богатствъ въ ямахъ — говоришь Раковецкій — до се-

го времени сохранился въ Малороссіи. Ямы сіи, выкопанныя въ землю имѣющъ малое ошвершеніе, и расширенны въ глубь на подобіе яйца. Случаешся, что сіи ямы бывающъ обожжены дровами или соломой, что можно заключить по сажѣ и угольной скорлупѣ. Сохраненныя въ шаковыхъ ямахъ богатства не подвержены гніенію. Это подтверждается многими опытами. (Ргав. Рус. II. 68. ргз. к.). — О подобныхъ ямахъ упоминаешь и Гваини въ своей Лѣтописи.

Легко можешь бытъ, что Запорожцы въ подобныхъ ямахъ скрывали и парчи, и мѣха; впрочемъ на это нѣтъ доказательствъ.

Запорожцы клали клады свои подъ извѣстными примѣтами; на пр. между двухъ деревъ, изъ конхъ на каждомъ вырѣзывали какой нибудь непримѣтный знакъ, или между двухъ могилъ, на кошорыхъ извѣстнымъ образомъ складывали камни; иногда клали просто

подъ камнемъ, и ш. и. Не смотря на то, что охотниковъ для ошмысканія кладовъ между Украинцами очень и очень много, не смотря на всѣ чары, кои употребляютъ они для сего, — нѣтъ нельзя похвалиться удачею. Есмь и шакіе, кои употребили все свое сошное въ надеждѣ на будущее, и между шѣмъ не нашли ничего. . . Въ нѣкихъ мѣстахъ, на пр. по берегамъ Днѣпра, и болѣе по правую сторону онаго около пороговъ весняная вода часто подымаетъ кладни, — и монеты, болѣе Турецкія, Испанскія и Польскія, сами собою являющіяся наружу для удовольворенія жадности перваго узрѣвшаго.

Ксшани здѣсь припомнишь слова Воцлана о Войсковой Скарбницѣ.

— Нѣсколько ниже рѣки Чершомлика, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой оспровъ окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10,000 оспрововъ, копорые . . . всѣ заросли камышемъ . . . Сін шо . . .

осирова служанъ пришиномъ для Козаковъ, копорые называютъ ихъ Войсковой скарбинцею... Всѣ они... пощодляюща весенимъ полководіемъ... Увѣряютъ, что Козаки скрываютъ множество пушекъ, въ проходахъ Войсковой Скарбинцы; но гдѣ именно? — никто изъ Поляковъ вамъ не укажетъ: ибо они въ шѣхъ мѣстахъ не бывають; опъ Козаковъ-же не могутъ вывѣдать сей шайны; да изъ нихъ не много и знаютъ о томъ. Они скрываютъ подъ водою, не только пушки, опбываемыя опъ Турковъ, но и деньги, ... Каждый Козакъ имѣетъ на осировахъ свой шайный уголокъ. Возвращаясь съ поисковъ... они дѣлають въ Скарбинцѣ добычу. . . —

Исключая несообразности, копорыя встрѣчаются въ семъ сказаніи, замѣчательна и довѣрчивость, съ какою пересказала. Боллашь то въ чемъ его увѣряли. Но можно-ли повѣрять бы коварныя, вѣроломныя Козаки —

какъ называють ихъ самъ Бопланъ — распустили слухъ о мѣстѣ гдѣ скрываются свои богатства. Если это и въ самомъ было Боплану, то и многимъ Полякамъ, и вѣчнымъ друзьямъ Поляковъ Жидамъ . . . , и Козаки были шакъ просны, шакъ опшкровены! — Въ преданіи народномъ не сохранилось о Войсковой Скарбницѣ ничего. Народъ горитъ: была. — А гдѣ? — Про ше вони и знали. Богъ зна: де!

На правомъ берегу Днѣпра, вершины полшоры ниже Ненасышенца, есть балка, называемая Військова. Не знаю сколько лѣтъ тому назадъ, нашли случайно на самой швѣчѣ ручейка огромное количество червонцевъ . . . Вошъ гдѣ можешъ бышъ была скарбница . . .

Запорожцы скрывали еще свои богатства, по сказанію Боплана, въ Замкѣ Терехшенировскомъ. (О. У, 14). Вообще о кладахъ см. чрезвычайно любопытное и замѣчательное примѣчаніе въ Ис. Рус. Нар. II. 282 — 283.

*Сказаніе Боплана о храбрости
Козаковъ.*

— Козаки — повѣснвуеуть Бопланъ — въ войнѣ неушомими, опважны, храбры или лучше сказаць дерзки, и мало дорожають своей жизнию. Мѣшко сирѣдѣ изъ пищалей, обыкновеннаго своего оружія, Козаки наиболѣе показывають храбрость и проворство въ шаборѣ, огороженные шельгами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказаць, что-бъ были плохи и на морѣ; но не шаковы на коняхъ: я самъ видѣль, какъ 200 Польскихъ всадниковъ разсѣли 2000 опборныхъ Козаковъ..., (О. У. 8.)

Козаки были храбры въ шаборѣ, не храбры на коняхъ? ! — Едва-ли кто, изъ знающихъ древность Запорожскую, даже изъ шѣхъ, кои знаютъ о Запо-

рожцахъ по слухамъ, — повѣршишь зному. — Не наше дѣло у рясѣ сприбашн: наше дѣло Козацьке конемъ мериньцемъ по спену гуляши,—говорить старинная Запорожская пословица, показывающая, что конь для Запорожца былъ необходимою. Въ одной пѣснѣ Запорожской есть слѣдующее мѣсто:

— А кѣнь въ спешной волѣ, шо пакъ Козакъ не безъ доли. Куды хоче, шуды й скаче; за Козакомъ не заплаче.—

Новое доказательство. (Пѣсня сія вполнѣ будетъ помѣщена въ № 7 Запорожской Старины съ очеркомъ картины, на которой она обыкновенно подписывается.)

Всякій знаетъ, что Козаки не иначе отправлялись въ походъ какъ на коняхъ, или на ладьяхъ; а пѣвшихъ Козаковъ, препровождаемыхъ шаборомъ шелегъ, едва-ли кто знаетъ кромѣ Боплана.

До другаго мѣста оставляю подробности равно и описаніе различнаго рода ладій Запорожскихъ.

Подвиги Свирговскаго.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоришь о Гешманѣ Свирговскомъ Роголевскій въ своей Лѣтописи. Ваншыцъ-Каменскій называетъ его дворяникомъ Польскимъ, уроженцемъ Люблинскимъ, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ Ваншыцъ-Каменскій — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и швердо рѣшился мстить имъ за своего предѣшника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Тавриды и Султаномъ (И. М. Р. I. 131).

Иоаннъ Армянинъ, Воевода Молдавскій въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи противъ Волоховъ, Турокъ и Ташаръ, кои нападали на Молдавію.

Поляки, занявшие распрямленные междуцарские, отказали в помощи. Тогда Юань обратился к Запорожцам и Свирговскому, своему другу (И. Г. П. II. 153). Просьба принята, и Свирговский с 1400 Козаков двинулся в Молдавию.

— Переправясь через Днѣспрь — говоритъ Коисскій—онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апреля 1575 года, полонилъ главнаго ихъ Пашу Кара Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ другими добычами в Варшаву. После сей победы Гешманъ раздѣлилъ войска свои на двое, и одну часть подъ командою Полковника Савы Ганжи отправилъ къ Букарешу, а съ другою пошелъ черезъ Ясы къ Галацамъ. —

Сей рассказъ Коисскаго мнѣ кажется нѣсколько сомнительнымъ, ибо ничего подобнаго я не нашелъ ни въ одной Лѣтописи изъ мнѣ извѣстныхъ,

хотя впрочемъ всё онѣ повѣснвуютъ
о Гешманѣ Сварговскомъ слишкомъ
кратко и неудовлетворительно.

Господарь Молдавскій Іоаннъ опш-
дичнымъ образомъ принялъ и угощилъ
Козаковъ: выѣхалъ къ нимъ на встрѣ-
чу при громѣ пушекъ изъ лагеря и въ
сопровожденіи своихъ Бояръ; за объ-
деннымъ споломъ велѣлъ поднести
Предводителямъ ихъ, вмѣстѣ овощей,
блюда, наполненные червонцами, гово-
ря:— они дославяшъ вамъ опшоховеніе
опъ пушевыхъ шрудовъ, омоютъ до-
рожную пылъ вашу. — Козаки изумлен-
ленные сею неожиданностію, гордо
опшѣспшвовали Господарю: что при-
шли къ нему не за золопомъ, но за
славою, желая сразиться съ врагомъ
Христіанопшва; опшказались опъ денегъ,
съ радостію приняли шесть бочекъ
лучшаго вина (И, М. Р. I. 134 — 135.
Срав. Бигеля G. d. U. 72.)

— Между шѣмъ — продолжаетъ Ко-
нисскій — Гешманъ послалъ нарочнаго

въ Сѣчь къ Кошевому Федору Поко-
шилъ, что-бы онъ выслалъ пѣхоту на
лодкахъ въ Черное Море, и приказала
не допустить высадокъ Турецкихъ въ
Дунай и Днѣстръ. Кошевой выравнялъ
сѣю экспедицію наилучшимъ образомъ,
и она принесла сухопутному войску
совершенныя выгоды. Они перехвати-
ли въ устьяхъ обонхъ рѣкъ и въ морѣ
многія суда съ войскомъ и снарядами,
и войдя въ Дунай многія крѣпости
и жилища разорили и выжгли. —

О сихъ дѣйствіяхъ другія Лѣто-
писи говорятъ мимоходомъ, нынѣ вовсе
умалчиваютъ.

Енгель пишетъ, что Свирговскій
присоединилъ къ Козакамъ 6000 Мол-
даванъ, и началъ военныя дѣйствія оса-
дою Браилова; однако хоща и побѣ-
дилъ Турковъ близъ сего города, но
его самого не взялъ. Потомъ со-
единившись съ другимъ шрехшысч-
нымъ опрядомъ войска Молдавскаго
въ другой разъ разбилъ Турковъ, и

положили 7000 враговъ убишыми на полѣ брани. Послѣ шрешней битвы, въ кошорую ваяшо было въ пльнѣ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили пушь къ Ажерману, сожгли половику предмѣстїя сего города, и возвращились въ Молдавію. На послѣдней битвѣ ваяшь въ пльнѣ Іоаннъ Армянинъ, а Козаки почти всѣ пали на мѣстѣ битвы. (G. d. U. 73. — 74. Срав. И. М. Р. I. 135 — 136. Кантемира; Опис. Молд. 108).

Байшышь-Каменискій, слѣдуя Миллеру, говоритъ, что Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ; но едва ли справедливо, Болѣе вѣроинїя заслуживаетъ, кажешся, повѣснїванїе Конисскаго, подшверждаемое ошчаспи и чародными преданїями. Вопшь оно:

— Подъ городомъ Киїей былъ Свирговскій предашельскїмъ образомъ извѣщенъ ошъ Армянина, что въ городѣ хранишся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и

Валахін, и хранимыя здѣсь не большіиъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удаляшся, что-бы отпра-
вить ихъ въ Турцію. Гешманъ рѣшил-
ся осадить и взять Киію. Едва онъ
началъ скоропоспѣжную атаку, какъ
взорванный огнь Турковъ съ шрехъ
шпоровъ мины, поджиги Гешмана и Ко-
заковъ на воздухъ, а находившіеся въ
скрытыхъ мѣстахъ Турки, напали на
нихъ перерѣзали многихъ Козаковъ; о-
стальные разбѣжались, и долго скипа-
ясь по Молдавіи нашли корпусъ Пол-
ковника Гаикѣ, и съ нимъ воровались
въ свои границы. —

Другая Лѣтопись эпо-же самое
обобщительство рассказываетъ такъ:

— И приходили Гешману слухи, яко
многій Христіане въ плѣнь Агарянами
побрашы въ шажцѣй неволи въ Киіи
мучашся; а Гешманъ за насиліе он-
мшнши восхопъ, и со многими браш-
сшвомъ оружіе вновь подья, и до Ки-

лія пошедь. А Турки его разбили; и бышь убишь.

Объ пѣсни на смерть Свирговскаго одинаково полагають могли сего славнаго Гешмана: около города, около Килии. Представляю Русскій переводъ сихъ пѣсень (подлинныя см. въ № I Запор. Сшар. стр. 27 — 33).

Пѣснь первая.

Когда приходили къ Гешману Комиссары Польскіе, въ городъ Черкасахъ зашрубилі шрубы; когда приходили къ Гешману Комиссары Польскіе въ городъ Черкасахъ загремѣли бубны.

— Гордый Панъ Свирговскій, и шы, Панъ Зборовскій, и шы, Панъ Морозенко, и шы, Панъ Горленко! Съ Волохами бѣшся Турокъ, съ Ташарами бѣшся Волохъ; и опусшошають землю Волощскую, и граблять, и не милують.

Заржали кони, вдуци подь гору. Зашумѣли невѣрные, приближалсь къ

Киѣи. И когда Паць Свирговскій приближался къ Киѣи, онь собиралъ всѣхъ Козаковъ, и говорилъ имъ на Радѣ; и лешалъ онь сизымъ орломъ; и гнулся онь дворомъ :

— Гдѣ-шо я, милые брашья мои, гдѣ шо я оштанусь? —

И оштался Паць Свирговскій въ сырой могилѣ, и зарыдали шогда Козаки во кругъ него.

Плакала старушка Григорьевна, подобно перепелкѣ, подобно перепелкѣ; а молодая сестра сонь-праву рвала и пышала старушку, и пышала старушку :

— Эшошъ сонь-права сила-ль онь Козацкая? Или эшошъ сонь-права Козацкая могила?

— Эшошъ сонь-права; моя голубочка, выросъ онь въ полѣ, и сорвала праву эшу злая судьбина, и подарила моей дочери. О дочь, о дочь моя, дочь! Перешапъ горюнишься: нашего молодого

Ивана ископъ въ могилѣ, въ глубокой
могилѣ, около города, около Килии.

Когда прощался отецъ съ сыномъ;
онъ давалъ ему саблю и збрую; когда
сына провожала мать, она провожала
его слезами; она его выкормила на свое
горе.

Пѣсня вторая.

Когда шого Папа Ивана, что Геш-
мана Свирговскаго плѣнили невѣрные,
шогода опрубили ему голову. И слы-
ши съ него голову, вѣшали ее на бук-
чукъ, и играли въ прубы, и насмѣха-
лись надъ нимъ. Тогда съ юга пошяну-
лась пуча, будто налепала спая во-
роковъ; и разсыпала она по Украинѣ
шуманы, и горевала Украина: горева-
ла Украина оплакивая своего Гешмана.

Тогда завывали буйные вѣспры: —
гдѣ-же вы оспавили нашего Гешмана? —
Тогда налепали соколы: — гдѣ-же вы
пужили по нашемъ Гешманѣ? — Тогда
зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоро-

Крымъ, по повелѣнію Короля Вапоріи преслѣдовашь Крымскихъ Ташарь, нападавшихъ во время отсутствія Сиврговскаго на границы Малороссійскія и плѣнявшихъ шамошній народъ. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи 5000 пѣхоты въ лодкахъ подъ командою Войсковаго Асаула Нечая, приказалъ ему приспавать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Кошова и Кафы, и запереть шамошнія гавани до его прибытія къ сѣмъ городамъ. При походѣ Гешмана въ Крымскія степи встрѣчали его полчища Ташарскія, но онъ ихъ съ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое предвидѣвши, Гешманъ заблаговременно приготовился, и поворошилъ отъ Днѣпровскаго Лимана до Орской или Перекопской линіи, атаковать былъ между Киенбургскихъ Кучугуровъ и каменнаго Даріева моста всѣми Ташарскими ордами подъ командою Хана Девлешъ-Гирей; большую часть пере-

бить и перешошилъ; пошомъ переправившись черезъ Сивашъ или Гиллое море вбродъ и вплазь, и дошедши на шой спорожъ къ первымъ ворошамъ, ошбилъ ихъ и впустилъ всю армію, кошорая напавъ на городъ Оръ взяла его шшурмомъ, выбила весь гарнизонъ, все раззорила и предала огню и мечу. Далѣе взялъ Гешманъ Кафу и жишелей всѣхъ перерѣзаль, исключая 500 душъ обоого пола Христіанъ, бывшихъ тамъ въ плѣну. А какъ поворошили войска обходишь горы Кафскія для нападенія на Бакчисарай и Козловъ, шо при рѣкъ Салгирѣ встрѣшили ихъ Ханскіе посланники изъ знашнѣйшихъ мурзъ, кои поднесли Гешману дорогіе подарки просили ошъ имени Хана о заключеніи мира. Гешманъ согласился на миръ съ услъзіемъ, чшо-бы возвращены были всѣ плѣнныя Русскіе, а до шого чшо-бы въ залогъ даны были 18 мурзаковъ аманашами. Все было исполнено, и Гешманъ, получивши при шомъ 713 плѣн-

никовъ, возвратился въ Малороссію съ великою добычею. Морскими войскамъ Гешманъ приказалъ постыпнись въ города Турецкіе, кои покупали у Ташаръ Русскихъ пѣвниковъ, и войсками напавъ нечаянно на приморскіе города Синопъ и Трапезонсъ и на многія мѣстечки предавъ ихъ огню и мечу, доплавъ у нихъ нѣсколько своихъ пѣвниковъ и множество добычи.

Во дни сего-жъ Короля Башорія, когда Турецкія силы безпрестанно нападали на Христіанство вверхъ по рѣкѣ Дунаю живущее, и отъ ихъ Государей и Князей прощено у Короля помощи, то отъ приказалъ Гешману Богдану сдѣлать съ войсками Малороссійскими сильную диверсію въ Турецкія земли, отдаленныя отъ Польскихъ границъ и отвесить ихъ силы отъ соседствующихъ съ Польшею Христіанъ. Гешманъ прежде выправилъ въ Черное море Запорожскаго Асаула Нечая съ шреми тысячами Запорожцевъ на ихъ

лодкахъ, а потомъ отправился и самъ со всеми Малороссійскимъ войскомъ въ Крымскія степи, а перешедъ ихъ въ виду Орской линіи и Ташаръ, ни мало походу ихъ не мѣшавшихъ, перешелъ черезъ Донъ съ помощію Донскихъ Козаковъ, а послѣ черезъ Кубань, и потомъ началъ военные дѣйствія, все предавалъ огню и мечу. Жишелн спасались однимъ бѣгствомъ: а Флопидіа по берегамъ производила также опустошенія. Проходя всю Анашолію поспѣшилъ Гешманъ главныя тамошніа города, Синопъ и Трапезоншъ не дѣлая къ крѣпостямъ ихъ присуповъ за неманіемъ нарочитой артилеріи, выжегъ одни ихъ Форшпадшы, и достигнувъ предмѣстій Цареградскихъ, принудилъ удивленныхъ Турковъ спастись бѣгствомъ на судахъ въ Цареградъ. Войска Малороссійскіе выжгли и разграбили предмѣстія, спустили къ Черному морю, и на проливъ переправясь на судахъ Запорожскихъ, лодкахъ

и другихъ судахъ у Турецкихъ береговъ забранныхъ вступили въ Болгарію, увидѣвши жителей, что они прошивъ ихъ не предприимуть непріятельскихъ дѣйствій. Болгары провожали Козаковъ до Дуная и оказывали все возможное пособіе. Гешманъ, переправившись черезъ Дунай между Варною и Силистріею, вступилъ въ Молдавію и поравнявшись съ городомъ Киліей, напалъ на него быстро на разсвѣтѣ и взявъ приступомъ, приказалъ вырѣзать всѣхъ Турковъ и Армянъ, и разграбивъ городъ выжечь въ опшченіе за смерть Свирговскаго и Козаковъ. За симъ Гешманъ возвратился въ свои границы со славой и добычей. —

Всѣ прочія Лѣтописцы очень кратко описываютъ военныя дѣйствія Гешмана Богданка, — спольже кратко ихъ описываетъ и Баншытъ-Каменскій (И. М. Р. I. 138), придавая оному достоинство Князя Рожнискаго, въ чемъ противорѣчитъ Лѣтописецъ. —

Если вѣршишь Запорожской думѣ,
кошорой переводъ см. въ Замѣчаніи 18,
то Богданко погибъ въ битвѣ съ Та-
шарамн.

18.

Дума о Богданкѣ съ переводъ.

Всѣ Лѣтописи единогласно гово-
рятъ что Башорій пожаловалъ Гещ-
ману войска Запорожскаго хоругвь,
бунчукъ и булаву. По сему случаю
какой-то Бандуриспѣ, сославиль Ду-
му, чрезвычайно любопытную. (Под-
линнѣкъ помѣщенъ въ No I, Запорож-
ской Сшарины стр. 77 — 82). Здѣсь
предсказавлю Русскій переводъ.

— То не буйный вѣперъ воешь, за-
ываешь по спелемъ, шо Ташар-
скій Ханъ насылаешь на Украину свое
войско, что-бы оно грабило и разоря-

до нашу мать родную — неповинную
Украину, — что-бы оно брало въ плъкъ
и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше иму-
щество, что-бы оно заганяло въ свои
улусы и коней и овецъ и всѣ наши
снѣда, данныя намъ Богомъ, что-бы
оно разбивало и разоряло курени Ко-
зацкіе. Нѣтъ. То удамый Богданко
всѣхъ Козаковъ созываетъ въ грома-
ду — всѣхъ Козаковъ: и чиновныхъ и
просныхъ, и сосѣдей, и подсосѣдей, и
Хорунжихъ, и прочихъ старшихъ —
храбрыхъ Сотниковъ и Полковниковъ.
Онъ созываетъ и скликаетъ ихъ
всѣхъ вмѣстѣ, и собираетъ въ громаду;
и самъ выходитъ среди ихъ, блестящъ
мечемъ своимъ; шри раза кланяется въ
землю Святымъ мѣстамъ, попомъ кла-
детъ по одному поклону на каждую
спрану свѣща, еще одинъ поклонъ Ко-
закамъ, и еще одинъ поклонъ Сот-
никамъ и Полковникамъ; и молился
Богу, и шакъ говоритъ, обращаясь къ
Козакамъ, ко всей грамадѣ:

— То не буйный вѣшеръ воешь, завываешь по ошениамъ, но не Татарскій Ханъ насылаешь на Украину свое войско, что-бы оно грабало и разоряло нашу нашу родную — неповинную Украину, что-бы оно брало въ плѣнь и жель и дѣвиць нашихъ, и наше имущество, что бы оно заганяло въ свои улусы и коней, и овецъ, и всѣ наши спада, данныя намъ Богомъ, что бы оно разбивало и разоряло курени Козацкіе. То Король Польскій намъ и вамъ высылаешь подарокъ; онъ даритъ великій даръ, и насъ и васъ починяя и уважая. Онъ хочетъ, что-бы вы, брашцы, храбрые Козаки поварищи, молили Бога за него, Короля Польскаго, и служили бы ему вѣрой и правдой какъ Богу, который живетъ высоко въ небѣ, не обижали-бы Поляковъ, а жили бы съ ними какъ съ родными братьями, нападали бы на Москалей, сражались и побѣждали Татаръ; — и за это вашему Гешману; удалому Богданку, а

съ нимъ и вамъ даритъ онъ великій даръ, и шопъ великій подарокъ-даръ: золотая булава, серебрянная хоругвь и бунчукъ съ жеребца. Но Король Польши пишешъ еще, приписываешъ: — Пустъ-же швои Козаки шоварищи служашъ мнѣ вѣрой и правдой, какъ шому Богу, который живешъ высоко въ небѣ! Если-жъ не будутъ они служитъ мнѣ вѣрой и правдой, шогда я подарю имъ другой подарокъ: я ихъ порадою болезнію, болезнію шяжелой, несперпимой. —

И услышали эшо Козаки, и шакъ молвили своему Гепману:

— Такъ вошъ намъ Король Польскій даритъ великій подарокъ-даръ; а если не будемъ служитъ ему вѣрой и правдой шо порадуешъ онъ насъ кѣкимъ-шо недугомъ. Какимъ-же бы шо недугомъ? Не свободой-ли? О, если-бъ шѣмъ недугомъ, чшо свободой, — шо намъ всѣмъ Козакамъ шоварищамъ и не нужно было-бы иныхъ даровъ. Тогда служили-

бы мы, Королю Польскому вѣрой и правдой, какъ Богу, кошорый живетъ высоко въ небѣ, и не обижали-бы Поляковъ, и жили-бы съ ними, будиши съ родными братьями, и нападали на Москалей, сражались и съ Ташарами, и во вѣки-бы вѣчные не зломъ а добромъ и молитвой какъ Богу отдавали-бы пошение великому Господину своему Королю Польскому. —

Вошъ что говорили Козаки, и сказавши смолкли. Тогда Гешманъ удалый Богданко подходитъ съ просьбою къ своему Секретарю, Оомъ Безродному, и къ Апшаманамъ Куреннымъ; и одного за другимъ прилежно выпышываетъ, исповѣдуешъ; и предспавляетъ имъ и шо и другое; и общаетъ Козакамъ походъ на Турковъ, и великую добычу въ шомъ великомъ походѣ.

— Тамъ — говоритъ онъ — земля полна золошомъ и серебромъ; и горы подъ самое небо. Тамъ печетъ великая рѣка—море; и что въ ней ни ключъ, шо

съ водою бѣжитъ песокъ, а по песку плывесть золошая рыбка, и на каждой рыбкѣ лежатъ красныя кармазинныя лблоки (*), а другія желшныя бѣгутъ за рыбкой. —

Если шакъ, шо и шакъ. И раско-
дился Козаки съ громады, и радо-
вались; и въ походъ высшупали, ру-
били и грабили Турковъ. Но шущь-
же подъ горою въ полъ, подъ гущымя
ракишникомъ нашли Гешмана своего—
убишаго. Они выкопали шогда глущо-
кую могилу, и на могилу насыпали кур-
ганъ, и оставили подлѣ могилы коня
Турецкаго Гешманскаго. То опправля-
ли они Гешману погребеніе. Здѣсь ему
и на вѣки лежатъ. Собравши добычу,
они возвращились въ свою родину, мо-
лились Богу, дѣлили богащшвами.

(*) Лблоки Кармазинки — особенный, самый
любимый народомъ родъ лблокъ, находя-
щійся, кажется, вездѣ по Украинѣ.

Они дѣлились богачами, — а мы по-
дѣлились чарой. —

Хоругвь, данная Шефаконъ Бѣшо-
поріемъ войску Запорожскому, изобра-
жала на своемъ плащѣ гербъ бѣлаго
Орла. (И. М. Р. I. 139).

Булава — палица полая серебря-
ная позолоченная съ шаромъ на верху
шакже полымъ, и украшеннымъ драго-
цѣнными каменьями. См. изображеніе
оной въ разныхъ формахъ на поршре-
пкахъ Гешмановъ Запорожскаго войска,
приложенныхъ къ И. М. Р.

Бунчукъ — шестъ, украшенный
сверху золотымъ шарикомъ, около ко-
его прикрѣпляется небольшое знамя и
воинскій хвостъ, иногда два хвоста,
иногда и болѣе. Сей знакъ искони упо-
треблялся Турками, и опть нхъ пе-
решель къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ отно-
сится ко временамъ Абубекра, наслед-
ника Мугамедова. Пронгравъ однажды
сраженіе въ Сиріи, Абубекръ осмав-
лень былъ войсками, кои разбѣжались
во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ,
находившихся при Абубекрѣ придумалъ
средство соединить ихъ: взялъ длин-
ный шестъ, и, неимѣя въ рукахъ ни-
чего такого, что-бы могло издали по-
дать знакъ, отрубилъ у коня своего
хвостъ; попомъ привязалъ его къ кон-
цу шеста, и началъ махать во всѣ
стороны. Войска, увидя знакъ созыва,
сбѣжались къ предводителю своему, и
соединенными силами разбили враговъ.
Съ сего времени бунчукъ, ш. е. кон-
скій хвостъ, сдѣлался почешнымъ зна-
менемъ Мугамеданскаго войска (Изв. о
Тур. Имп. 139 — 140).

Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанъ Баторіѣ.

— Стефанъ Баторій, обязанный прешоломъ Польскимъ благопріятному сшеченію обстоятельству, болве другихъ долженъ былъ чувствовать нужду въ преданности и помощи войска Запорожскаго; и пошому обратился на оное особенное вниманіе, слѣдствиемъ коего было успроеніе политическаго и гражданскаго ихъ сосшава. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ какъ для Украины шакъ и для Польши правъ, дарованныхъ Баторіемъ войску Запорожскому было позволеніе расселяшсья оному вдоль по берегамъ Днѣпра до самаго Кіева. Запорожцы не замѣдли воспользоваться симъ правомъ, — и вскорѣ Украина раздѣлилась между ними на десять полковъ, кои были: Чи-

гриксій, Корсунський, Черкаський, Уманський, Лодзинський, Богуславський, Кіевський, Полшавський, Миргородський и Переяславський. Каждый полкъ раздѣлялся на Сошии, а Сошия на Курени. Каждый полкъ имѣлъ главный свой городъ, въ коемъ жилъ Полковникъ; каждая Сошия — свое мѣстечко; каждый Курень — свои слободы или хушора. Такимъ образомъ войско Запорожское, бывшее до того времени вапайгой вольниковъ, вѣчно скипающихъ, связанныхъ съ Украиной только происхожденіемъ и вѣрой, имѣвшихъ въ оной оплошенія часшо гибельныя для нее, преобразовалось въ Земское войско Украины, связалось съ оною крѣпкимъ узломъ сосѣдства и брашства, дошоль бывшаго въ забвеніи, въ пренебреженіи съ обнихъ споронъ. ... Но что могъ имѣшь въ виду Вапорій, рѣшась на такое поспановленіе? Уже-ли онъ имѣлъ въ умѣ своемъ смѣлую мечшу — ограничить онымъ силу Запорожцевъ.

Уже ли могъ думатьъ, что Запорожцы, расселившись между Украинцами, потечущъ въ количествѣ сихъ послѣднихъ, сольются съ ними въ одно братство; — и расшлювши свои жалья на прощаніи какихъ нибудь наши сошъ вершиъ, пошеряютъ единство духа и образа правовъ, а наконецъ и независимость? . . . И между шѣмъ расселивши Запорожцевъ по Украинѣ, онъ не предпринялъ никакихъ мѣръ прошиву ихъ самобытности; а напрошивъ шого какъ будто спарался укрѣпити, упрѣчити оную. . . Башорій даровалъ войску Запорожскому Гешмана и прочихъ спаршивъ: Войсковыхъ, Полковыхъ и Сотенныхъ, подчинилъ оное Судамъ Повѣшовымъ шолько по Земскимъ дѣламъ, а по всему прочему оспавилъ ихъ подъ вѣдомствомъ Войсковой Канцеляріи, въ кошорой подъ предсѣдательствомъ Гешмана засѣдали: Обозный (начальникъ пушкарей или артилерисховъ войска Запорожскаго) какъ

старшій членъ, Судья Генеральскій, Подсудокъ, Писарь (Секретарь), Асаулъ (начальникъ конницы и пѣхоты), Хоружій (хранитель войсковой Хоругви), Бунчужный (хранитель Гешманскаго бунчука). Офицеры Войсковой Канцелярїи зависѣли Суды полковые, а офицеры Суды Сошенины. Въ сихъ судахъ засѣдали Старшины тѣхъ-же названій и должностей, какъ и въ Войсковой Канцелярїи; въ первыхъ предсѣдательствовали Полковники, а въ послѣднихъ Сошенины. Всѣ Старшины войска Запорожскаго были избираемы по большинству голосовъ самими Козаками на Радахъ. Башорїемъ-же пожалованъ Гешманамъ Запорожскимъ клейноды, явно высказывающіе погдашнюю самобытность войска (см. З. 18), и печать Войсковая. Кромѣ сего Башорїи построилъ въ свое имя городъ Башуринъ — столицу для Гешмановъ и Генеральныхъ старшинъ войска Запорожскаго; и подарилъ укрѣпленный замокъ

**Терехшмировъ. Запорожская Сечь о-
сталась главною крѣпостью Козаковъ,
косою Комендантъ былъ Кошевой Аша-
манъ, также набираемый на Радахъ:
подъ начальствомъ его была морская
сила войска Запорожскаго. Башорій
привелъ въ хорошее состояніе Арши-
лерію Запорожскую, снабдилъ войско
ружьями, пиками и бердыщами, ввелъ
въ употребленіе кольчуги. Одно поль-
ко постановленіе Башорія, казалось,
было прошиву независимости войска:
онъ отдѣлялъ выборныхъ или реесршо-
выхъ Козаковъ отъ охочекомонныхъ.
Только первые числомъ до 6000, были
на дѣйствительной службѣ, во всег-
дашней готовности къ походу или,
правильнѣе выражаясь, во всегдашнихъ
походахъ. Козаки-же охочекомонные
составляли внутреннюю спражу въ
Украинѣ, жили отдѣльными поселеніями,
и были въ мирное время простыми по-
селянами; были воинами не по образу
жизни, а по правамъ. О сихъ-то охо-**

чекомонныхъ Козакахъ говорятъ Бопланъ, что они искусны во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія, занимающагося земледѣліемъ и пр. (О. У. 5 — 6). Впрочемъ сіи Козаки были связаны съ выборными цѣпью неразрывною: ими пополнялась убыль сихъ послѣднихъ; а это подавало часомъ поводъ ко всеобщимъ ополченіямъ всего войска, ополченіямъ, оказавшимся для Польши сполъ гибельными въ послѣдующее время. При Бопланъ всѣхъ Козаковъ считалось уже до 120,000, а во время восстанія, по словамъ его спало подъ знамя бунта около 200,000. Не лзя оставишь безъ замѣчанія того, что со времянь Башорія или немного прежде, Козаки, привыкшіе дополь вести жизнь холоспую, почти совсѣмъ бросили сей обычай,—и одни шолько Реешровые Козаки должны были сохраняшь оный ненарушимо; сохраняли его и нѣкопорые изъ охочекомонныхъ Козаковъ, именно жившіе землянками

въ лѣсахъ по лѣвому берегу Днѣпра около пороговъ, бывшихъ подъ зависимостію Кошеваго, и называвшихся Гайдомаками. — Ошмѣненіе обычая веселии жизнь холосшую, имѣло важное вліяніе не только на Запорожцевъ; но и на всю Украину; ибо слѣдствіемъ онаго было рожденіе полищическаго могущества Запорожскаго войска, и гражданскаго благодѣянія Украины, освободившейся съ того времени ошмѣнаекъ бродячковыхъ, появлявшихся дошолъ многочисленными толпами въ вѣдрахъ ея подъ именемъ Запорожцевъ, и своей шунедной, разбойнической жизни безпрещанно возмущавшихъ ея спокойствіе, наносившихъ жестокий вредъ ея промышленности; поселявшихъ въ оной мяшежи и междоусобія. Если Башорій и не первый содѣйствовавалъ къ ошмѣненію помлянаго обычая, шо по крайней мѣрѣ упошреблялъ къ шому дѣяшельныя мѣры, и положилъ

твердое начало соединенію Украинцевъ съ Запорожцами союзомъ родства. —

Успраивая войско Запорожское, Шефалъ Башорій не забывалъ и Украинны (См. въ И. М. Р. I. Гл: X).

Всѣ поспашовленія Башорія касательно войска Запорожскаго и Украинны выражаютъ его желаніе успроишь, ошасшлявишь, возвеличишь справу сію; но предполагалъ ли сей Великій Государь, какія послѣдствія для Польши произведутъ онъ? Предполагалъ-ли, что онъ предугошоваишь для Поляковъ спошшнія войны съ Запорожцами, и шошъ рвшшшельный ударъ, кошорый предосшавлено было Богдану Хмельницкому нанесши народу сему, ударъ, разсвкшій узелъ судьбы и Украинны и Польши? Башорій былъ Великій Государь, но или онъ былъ великъ шошъко въ насшошщемъ, или, будучи родомъ не Полякъ, имѣлъ въ виду одно своевременное благоденсшвіе Государсшва Польскаго, и не хошѣлъ думашь о бу-

дущемъ. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, если Башорій наконецъ и созналъ ошибку въ успроєніи войска Запорожскаго и Украины, шо уже слишкомъ поздно: напрасны были-бы усилія спхъ-снншь Запорожцевъ, ослабншь силу ихъ, и швъ менъе поколебашъ ихъ независимость. Всякое распоряженіе въ прошивность предшесшвовавшнмъ, го-шово было бышь почншаемо прншъс-хъвнємъ; всякое прншъсненіе подашь поводъ къ общенародному возснанію. Народъ удержнвался въ покорности шолько до времени, шолько подъ могучнмъ вліаніемъ Великаго Башорія, умъвнаго поконшь и содержашъ въ покорности многораазнчныхъ подданныхъ своихъ. Народъ удержнвался въ покорности; но какова была сія покорность? Виднмая, наружнаа, прннужденная, носнвшая въ нъдръ своемъ зародышь возмущеній. Народъ покоренъ былъ Башорію шолько изъ прнзнашельности къ нему: онъ не могъ не видъшь бла-

годѣній; разсыпавъ ему щедрою
рукою своего Знждишеля. И между
тѣмъ даже при Вапоріи бывали при-
чины для возмущеній народа Укра-
инскаго. Конечно не правительство
пришѣсило его: подали были незначи-
тельныя, а Запорожцы сословіе на
дѣйствительной службѣ получали и жа-
лованье; но за то были частыя при-
шѣсенія, кои крестьяне терпѣли отъ
господъ своихъ, ихъ опкущниковъ, и
болѣе всего отъ безчисла Жидовъ,
кои старались завладѣть на Украинѣ
всеми опраслами промышленности, и
кошорыхъ никакая власшь не могла-бы
въ то время удержати въ границахъ
законныхъ; наконецъ не лзя не замѣ-
тити отношенія, въ какомъ находил-
ся тогда проспой народъ къ Дворян-
ству, кошорое было отъ него удалено
не одними правами, но часто и върой,
а всего чаще мѣнїями политическими.
Сїи послѣднія, будучи конечно распро-
страняемы по Украинѣ Запорожцами,

во многихъ оплощеніяхъ оплачались
отъ мнѣній Двора Польскаго, а снѣзъ
послѣднимъ Дворянство Украинское
слѣдовало очень часто и по охотѣ, и по
выгодамъ, конъ въ этомъ находило. —

20.

Исаакъ Подкова.

Большая часть Лѣтописцевъ Укра-
инскихъ называютъ Подкову Гепма-
номъ; напрошивъ шого Енгель, Ва-
шынъ-Камеяскій и другіе именуютъ
его просто Козакомъ, рассказывая впро-
чемъ о дѣйствіяхъ его одинаково съ Лѣ-
тописями, исключая конечно Лѣтопись
Комисскаго, которая почти всегда
разнится отъ другихъ. Думаю, что
Подкова былъ не Гепманъ и не про-
стой Козакъ, а Апшманъ Кошевой или
Куренной. Апшманомъ называетъ его и
нашъ Лѣтописецъ, если вѣришь нѣко-

(122)

шорымъ спискамъ; ибо въ другихъ сло-
во Ашаманъ пропущено. Самымъ луч-
шимъ доказательствомъ, могутъ слу-
жить пѣсни и дума о немъ, помѣщен-
ныя въ No I Запорожской Сшарины.
Но гдѣ же шамъ эти пѣсни и дума? —
спросить читатель. Тамъ иль ни
пѣсни и думы о Подковѣ. — Догадка,
Мм. Гг! Вамъ представляю оспаривать
оую—или согласиться. Можеть быть,
моя догадка будетъ шакъ счастлива,
что оправдается и новыми доказатель-
ствами изъ Лѣтописей Молдавскихъ,
если сія книжка попадетъ въ руки
тѣхъ, коиъ сіи Лѣтописи извѣстны
лучше нежели мнѣ, и если они удосто-
ятъ оую вниманія своего. — Въ No I
Запорожской Сшарины есть двѣ пѣсни
и одна дума о Серпягѣ (сшр. 33—36 и
82—86): этого Серпягу я почишаю
однимъ лицомъ съ Подковою, а поче-
му? — шолчасъ объясню. Прочтемъ
прежде переводъ пѣсень и думы.

Пѣснь первая.

Въ городѣ Львовѣ зашумѣли вербы.
Козакъ бурлакъ лежишь убитый. Топъ
мершвецъ — Серпяга.

Въ городѣ Львовѣ зазвонили въ ко-
локола. Козакъ бурлакъ лежишь уби-
тый. Совершающъ погребеніе.

А въ городѣ Каневѣ зарыдали, ког-
да медленно опустили Серпягу въ мо-
гилу.

Опустили Серпягу, и засыпали зем-
лею, и совершали по немъ поминовеніе
во всей Украинѣ.

Пѣснь вторая.

Увы, по сила, сила, сила одолѣла
силу. Могила дождалась во Львовѣ
Серпягу.

Дождалась могила, какъ желали
Молдаване. Они привязывали Серпягу
къ сухому дубу.

Молдаване, Молдаване! для чего-же
призывали вы его? для чего измѣнили
Козакамъ Запорожцамъ?

Вы измѣнили своему Господарю. —
Гешману Серпягѣ не худо было и дома.

Поминнайше-же зломъ своего Гос-
подаря. Пусшь онъ и добрый, пусшь
онъ и злой, — что вамъ до ашого?

Пусшь онъ и добрый, пусшь онъ и
злой, лишь бы не былъ онъ подлъ.
Что-же? Привяывайше Серпягу къ
сухому суку.

Что Серпяга, шо Серпяга имѣетъ
братша Жаха и опть своего братша Жа-
ха ожидаешъ поминовенія.

Дума.

По Черному глубокому морю, по
широкому, далекому Дунаю выходиць,
высшупаетъ злая буря. Она ведешъ
Козаковъ въ землю чуждую. А съ юга
вѣетъ и завываетъ буйный вѣшеръ; и
по Черному морю вспаетъ перелож-
ная волна; и по Черному морю лаетъ
и спонешъ она сѣрымъ волкомъ.

И собрались проварищи Козаки, всѣ
храбрые Запорожцы думашъ, гадашъ о

шой буря, подъ надъ синимъ моремъ Дунаемъ ожидашь тихой погоды.

И ждали они однихъ часъ, и ждали другой; но злая буря поднималась все болѣе, ни мало не утихая по Черному глубокому морю, по широкому и далекому Дунаю; но все алѣе гремѣла громомъ по небу, и блескала молніей межъ пучами. Тогда Ашаманъ Ивакъ Серпяга Козаковъ шоварищей подымаетъ къ себѣ, и шакъ молвитъ Козакамъ шоварищамъ:

— О, Паны, родные братья мои, храбрые шоварищи мои, Козаки Запорожцы. Ни когда не было ни слухомъ слышно, ни видомъ видано, что-бы такая злая буря нападала на Козаковъ съ такою силою, что-бы гремѣла такимъ громомъ, и блескала такой молніей, и что-бы вы, Паны, Козаки шоварищи, шакъ долго спомали, ожидая тихой погоды у моря Дуная. —

И услышали это Козаки, и молчали. — Когда-же было, что-бы мы пу-

гались бусурмаковъ? Когда-же было, что-бы мы скрывались отъ нихъ? А нынѣ, если-бъ хошь бусурмаковъ, — мы ушрашились бури; ушшали ожидая шихой погоды, клянн злую недобрую бурю. —

И услышали, што Козаки, и молчали, и много, много разсуждали, но молча, глядя одинъ на другаго, — и высшупили въ походъ!

И вошь идущъ они день не день, и не два, и не три, и не чешыре дня; а злая недобрая буря начала быспро спихашъ на Черномъ морѣ, на далекомъ Дунаѣ, и переложная волна убѣгала въ свои гробы, въ пропасши подводныя. Тогда Козаки молились Богу кляли по три поклоа, и опдыхали. И попомъ всѣ Козаки высшупили въ походъ съ храбрымъ Гешманомъ своимъ Иваномъ Серпягой, и шяжело разбивали невѣрныхъ, думали и гадали; и заключали миръ съ Салманомъ невѣрныхъ около города Акермана, и опобрали у него все иму-

щесство его, и Ташаръ — свекольниковъ
разбивали и грабли. И возвратились
домой тихою погодою, со славною до-
бычей.

Мои доказательствва, что Серпяга
есть шо-же что Подкова сушь:

1. Подкова былъ выбранъ на Гос-
подарство Молдавскою, и низверженъ
съ онаго. То же самое говорится и о
Серпягъ во 2-й пѣснѣ.

2. Подкова былъ убитъ во Льво-
вѣ. Тоже самое сказано и о Серпягъ
въ обихъ пѣсняхъ.

3. Подкову похоронили въ Каневѣ.
Тамъ же хоронили и Серпягу, какъ ска-
зано въ первой пѣснѣ.

4. Подкова имѣлъ шоварищемъ сво-
имъ Гешмана Шаха. Во второй пѣснѣ
о Серпягъ говорится, что у него есть
братъ ш. е. шовариць — Жахъ. Жахъ
и Шахъ не одно-ли и шо-же? Можеть

былъ, даже правильнѣе писанъ Жакъ
нежели Шахъ (*).

Что Подкова или Серняга былъ
Ашмакъ, это подтверждаютъ и
гѣси и думы. Только во вѣпорой гѣ-
сѣ онъ названъ Гешманомъ, но это мо-
жетъ быть по ошибкѣ. —

О происшествіяхъ, рассказанныхъ
въ думѣ, Лѣтописи умалчиваютъ.

О Гешманѣ Подковѣ см. Engel's
Gesch. der Mold. § 39. 40. 41. Исх. М.
Р. 140 — 142.

Львовъ — основанъ Давидомъ не
задолго до его кончины, какъ говоритъ
Лѣтопись Длугошева, въ 1266 году.
Наслѣдникъ его Левъ сдѣлалъ Львовъ
столицею Княженія. Въ 1317 году
Львовъ взялъ Казимиромъ Великимъ,
Королемъ Польскимъ, а въ 1356 году

(*) Жакъ — слово Украинское, означаетъ
страхъ. — Жакать — пугать. Жакать-
ся — пугаться страшиться.

данъ ему были права Магдебургскія. Во время же Казимира Великаго Нѣмецкіе поселенцы сего города называли его Лембергомъ. См. Рат. Lvow. 1816. № 1. и 2. — Въ Львовѣ очень многіе изъ Запорожскихъ шаршинъ преданы были смерти отъ Поляковъ.

Каневъ — съ весьма древнимъ замкомъ, какъ рассказываетъ Бопланъ; въ немъ Козаки имѣли посполитный гарнизонъ изъ одного полка. (О. У, 14). — Въ Каневѣ очень часто современи Башорія собирались Козацкія Рады, о чемъ говоритъ Шафонскій въ своихъ Запискахъ о Малороссіи.

Начало

СКАЗАНІЯ

о Гетманахъ Запорожскихъ.

§ 8.

Малороссія сирѣчь Украина принадлежала издавна землѣ Русской, а въ четырнадцатомъ вѣкѣ завладѣна Ливонцами; Казимиръ Король Польши причислялъ оную къ своему владѣнію: и Кіевъ упросилъ въ Воеводство, и Воеводою первымъ былъ Маршаль Ганшольдъ. Прочіе города и села заняты въ партикулярное владѣніе Польскими Панами. Въ Запорожьѣ основались Козаки и управлялися еспали Гетманами.

§ 2.

Первыйъ былъ Гейманъ войскъ Запорожскихъ Предславъ Ланскронскій, фамиліи Селашорской. Сей съ Козаками землю Турецкую воевалъ, и Пашу ихъ Абдалу Оливерца при селеніи Гурьевскомъ убилъ. Гейманъ спровадилъ сей Ланскронскій при Сигизмундѣ I-мъ; и были въ шое время дарованы Запорожцамъ вольности и права, и выше пороговъ селишися имъ позволено стало. Но Ланскронскаго, хотѣвшаго въ обласнь Польскую съ Козаками опдаться, голову ошечено и безчино погребено.

§ 3.

А на мѣсто его посланъ Димитрій Князь Вишневецкій; але правилъ Козаками на мало.

§ 4.

А послѣ Гешманъ Князь Ружинскій Веспасій, мужъ великаго ума и храбрости. На Ташару не разъ нападалъ и разбивалъ.

§ 5.

За нимъ Гешманъ войскъ Запорожскихъ спался Венжикъ Хмельницкій. Сей Козаковъ собравши на Ташаръ Днѣпромъ на ладіяхъ поплылъ, провѣдавши, что шабуны Ташарскіе на Днѣмѣ посушся, и никто-же спережешъ ихъ. Но то была омылка: невѣрныхъ людей послушали. Гешманъ нашелъ шамъ невѣрныхъ бусурмановъ, что въшь числа. Сѣи окольными и дальними пушми обойшли войско Запорожское и окружили оповсюду. Но Венжикъ хитрость воинску употребивъ, знав-

ши же Ташарскіе кони огня боишся,
сшечь зажегъ, и по вѣшру ошъ Ташаръ
ушелъ, погнавши за собою великій ко-
сякъ коней наилучшихъ Ташарскихъ.
Изумилися Ташары, и вново походомъ
пойшли на Запорожцевъ; но и вново
Велжикъ Гешманъ побѣдилъ ихъ подъ
Заславьемъ на Волинѣ. Скоро ошънде
смершныи ради раини.

§ 6.

При Королѣ Польши Генрихъ Фран-
цузскомъ былъ Гешманъ Запорожскій,
по фамиліи Дружко Свѣрховскій. Сей
зь Квонією Господаремъ Волошскимъ
Турецкихъ воинновъ не разъ побивалъ,
и ошъ Турковъ въ землѣ Волошской
убишъ. И большая половина войска его
убиша, а досшальное по землѣ Волош-
ской поразбѣжалось.

§ 7.

Гешманъ Запорожскій Богданко Ружный воевалъ съ большою Вагою Крымъ и Туречину, а на морѣ Запорожскій Войсковой Асаулъ Нечай Турецкую флотилію въ прахъ обратилъ. Въ сіе время славные и храбрые Козаки въ порядокъ наилучшій при Король Польскомъ Шефанъ Башори, устроены. Онъ же Шефанъ опредѣлялъ имъ Гешмана и Спаршинъ учредилъ между ними, а Гешману булаву, бунчукъ, и хоругвь далъ; а войску Козаковъ Запорожскихъ печашь съ гербомъ, — шой еспь: рыцарь съ самопадомъ, на головѣ колпакъ направо перекривленный, и рогъ при боку. Тотъ же Король, опричь спаринный городъ Чигринъ, Терехщемировъ далъ съ монастыремъ для зимовій; а плашилъ каж-

дому Козаку по червонцу и по кожу-
ху. Сшаршикамъ давалъ по два, по де-
сяти и болѣе. И Козаки шѣмъ не мадо
довольны ошановилнсь; и въ Азію на
1000 миль повоевали, Трапезокъ взяли
и изѣкли, Синокъ до фундаменшу ра-
зорили, и подѣ Цареградомъ немало
корыспи побрали. Съ шого времени
Козаки начали имѣшь двухъ Гешма-
новъ: одинъ шо былъ Гешманомъ всего
войска Запорожскаго; а другой Коше-
вымъ Гешманомъ низовыхъ Козаковъ
прозывался, и во власти первого былъ,
сшаршій однакъ надъ всѣми другими
Козацкими началами.

§ 8.

По смерти Богданка Ружного былъ
Гешманомъ Запорожскимъ Гань Подко-
ва, шакъ прозванный по силѣ коєю
одаренъ былъ, и подковы аки ничтож-

ныя вещи наламывалъ. Сей произведекъ на Господарство Волошское. — Дяхи зъ наущенія Волоховъ, Козаку просшому повнковашься не воскошѣвшихъ, Подковъ пойманному, по разграбленіи его имущества въ Львовъ голову устали. Козаки о семъ алѣ провѣдавъ прійшли во Львовъ шолною не малою, ошомспили коварнымъ Кашоликамъ, погребли шѣло Подковы въ монастырь Каневскомъ, и добравши имущество увезли въ Терехшмировъ къ его родичамъ. Въ томъ-же году 1377 былъ Гешманъ Запорожскій Шахъ, при которомъ Козаки, мспячіе за Подкову, Волохамъ безчинили, и за сіе ошъ Дяховъ бѣдшвія многія шерпѣли. Гешманъ Шахъ упрашивалъ шоварищѣй освободити землю Подольскую и другіе ошъ ига Дяховъ, и на чшо Козаки

согласны были, многія селенія пожгли!
И Король за сіе много нѣтъ бѣдшій
причинялъ и даже обращаеъ Козаковъ
въ вѣру свою кошаль.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	6
СКАЗАНИЕ о Козакахъ Запорож-	
скихъ	16
ЗАМЪЧАНІЯ:	
1. О взятіи Кіева Гедемшиномъ	33
2. Разборъ Бопланова сказанія	40
3. Луга. Гайдомаки. Лугари	46
4. Происхожденіе слова: Козакъ Мивніа различныхъ	49
5. Ляхи	52
6. Первый Козацкій походъ про- шивъ Крымцевъ	54
7. Пища Козаковъ	62
8. Курени. Земляки. Пологи	63
9. Устройство и распорядокъ вой- ска Запорожскаго до Спешана Вашорія	70
10. Рада	74

11. Свѣчь	75
12. Наказаніи	76
13. Одежда	78
14. Добыча. Клады. Скарбница .	81
15. Сказаніе Бонлана о храбрости Козаковъ	87
16. Подвиги Свирговскаго .	89
17. Подвиги Богданка	98
18. Дума о Богданкѣ въ переводѣ	104
19. Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Спешанѣ Башоріѣ	112
20. Иванъ Подкова	123
СКАЗАНІЕ:	
О Гешманахъ Запорожскаго войска	131

**ЗАПОРОВСКАЯ
СТАРИЦА.**

MD — MDCXLI.

ИЗДАНИЕ

Измаила Срезневскаго.

ХАРЬКОВЪ.

1833 — 1834.

**ЗАПОРОВСКАЯ
СТАРИЦА.**

ЧАСТЬ I.

— III —

**ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1834.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

1854 года, Мая 25 дня. Ценсоръ Снегиревъ.

**ЗАПОРОВСКАЯ СТАРИНА.
СКАЗАНИЕ ЛѢТОПИСЦЕВЪ
И
ПРЕДАНІЯ**

**О ЛЮДЯХЪ И СОБЫТІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ И ЗА-
ПОРОВЬѢ ОТЪ СМЕРТИ БАТОРИЯ ДО БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКАГО.**

ЛѢТОПИСЬ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Источниками для Лѣтописи были рукописныя Лѣтописи и Преданія, Главнѣйшія изъ Лѣтописей суть :

— Исторія Руссовъ, Конисскаго (Н. Р.)

— Краткій Лѣтописецъ Розалевскаго (Л. Р.)

— Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ (М. Г. З.)

— Пространная повѣсть о событіяхъ до смерти Богдана Хмельницкаго (П. П. У.)

— Лѣтопись о приключеніяхъ Козаковъ и дѣлахъ ихъ (Л. К.)

— Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ (С. Г. З.)

— Записки Шафонскаго (З. Ш.)

— Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества (Т. О. Х. Н.)

Въ Лѣтописи своей я не позволялъ себѣ мудрствовать, былъ доволенъ и тѣмъ что находилъ въ пыльныхъ хартияхъ и преданіяхъ, почти всегда передавалъ ихъ рѣчи дословно; даже и въ отношеніи достоверности событій, сколько было возможно, слѣдовалъ имъ самымъ: почиталъ достовернымъ

съ темъ онѣ согласны между собою, недосто-
вѣрныи, съ темъ онѣ противорѣчатъ; и толь-
ко въ случаѣ необходимости слѣдовалъ по-
сѣствованію нѣкоторыхъ, придерживаясь въ
такихъ обстоятельствахъ правила Сковоро-
ды:—сѣрь тому, кто рѣше лжеть; не сѣрь
тому, кто не только сажу но и золото
истины любитъ укутывать въ покрое лжи.—
Хорошо или худо я сдѣлалъ — пусть су-
дятъ читатели; и, можетъ быть, тѣ изъ
нихъ, кои разсматривали источники Украин-
ской Исторіи того времени, оправдаютъ меня.

Источники для Замѣчаній кромѣ Лѣто-
писей, Преданій и Книгъ, означенныхъ во 2-й
к. Зип. Стур. были:

— Лѣтопись, изд: Туманскимъ. Р. Мае,
1793. (Л. М. Т.)

— Исторія объ Уніи (И. У.)

— Histoire de Pologne par Solignac (H. P. S.)

— Польскій Лѣтописецъ (П. Л.)

— Les fastes du Royaume de Pologne (L. P.)

— Korona Polska Niesisckiego (K. P.)

— Opera Posthuma, S. Lubiencki. (O. L.)

— Dzieje Panowania Zigmunta III. (D. P. L.)

и многія другія, означенныя въ Замѣчаніяхъ.

Оканчивая сею книжкой примѣванія къ
Цѣслямъ и Думамъ, помѣщеннымъ въ 1. кн.

Зап. Стар. и свѣстѣ первую часть сего изданія, обязанностью считаю просить у Читателей извиненія въ нѣкоторыхъ недомолкахъ и погрѣшностяхъ: обо всѣхъ нихъ, по мѣрѣ возможности, постараюсь дать отчетъ въ дополненіяхъ. По данному уже мною обѣщанію, не премину воспользоваться совѣтами, и печатными и письменными, не упущу изъ виду ни одного замѣчанія, которое мнѣ будетъ дано, и счастливъ буду, если найду возможность сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И. Срезневскій.

Харьковъ 1834.

ДЪТОНЦОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Стефанъ Балпорій умеръ, не оставивши по себѣ наследника, котораго бы доспониъ заступилъ его мѣсто, котораго могъ-бы съ такимъ умомъ, съ такимъ могуществомъ и успѣхомъ управлять разнообразными областями государства Польскаго, какъ управлялъ ими сей великій Государь. Малодушный фанатикъ, другъ и покровитель Иезуитовъ, ревностный защитникъ вѣры Капюлической, ревностный гонитель другихъ вѣроисповѣданій, — властолюбецъ, неимѣвшій ни твердости духа, ни про-

ищательности ума, — высокоумный, себлюбивый, самонадеянный: таковъ былъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, преемникъ, которому допало въ удѣлъ положить рѣшительное начало паденію Государства Польскаго. Держава сія, славная дополь, подобно державѣ Русской, славою върошериности, обратилась при Сигизмундѣ III въ жалкое шоржище мяпежей и казней за вѣру. Своевольно правили кормиломъ Государства своскорыспные аспецы — Іезуиты и Нѣмцы, нещадно проливалась кровь угнѣпенныхъ иновѣрцевъ, и зарево пожара возстаній народныхъ и межусобицъ всеможъ освѣщало поочередно весь край горизонта Польши. Таково было сорокапятилѣтнее (1586 — 1632) государствование Сигизмунда III, гибельное для Украинцевъ по угнѣпеніямъ и бѣдствіямъ, счастливое по сѣдспвіямъ: оно озарило Украину первыми лучами надежды на грядущую свободу и независимость, — надежды на союзъ браш-

ства съ могучимъ царствомъ Русскимъ.

II.

Сигизмундъ III. не замѣшивъ, или не хотѣвъ замѣшнить опасности, угрожающа ему со стороны Украины, и смѣло, безопытно начать пригнѣвлять Украинцевъ.

Дѣло началось налогами. Кромѣ платежа десятины со скотоводства и пчеловодства, стали требовать подати звѣриными кожами, попомъ десятину съ рыбной ловли. Хищническому Жидовъ, обузданному при Сигизмундѣ II и Баторіѣ, снова дана полная свобода: они брали на аренду корчмы, посполые дворы, хушора, деревни, и даже мѣспечки; захватили въ свои руки торговлю и самыя прибыльныя ремесла, и владѣли народомъ при посредствѣ Старостъ и помещиковъ, какъ полные владѣльцы.

Сигизмундъ III не ограничился черною, началъ спгнѣвлять Козаковъ, лишающ

ихъ правъ. Въ 1589 году на Консигнипу-
ціонномъ Сеймѣ было издано послѣдствіе,
по коему Козаки должны были
быть во власни Коронныхъ Гешмановъ
и присягашь, что не спануть ничего
предпринимашь безъ воли его, и пр.; а
всѣ граждане Государства Польскаго
обязывались не смѣть продавать имъ не
только порохъ, сѣнпру и оружіе, но и
жизненные припасы. Не одно Правитель-
ство пригѣснело вольныхъ Козаковъ,
но и помѣщики, а еще болѣе Спаросны,
обременя ихъ пропивозаконными по-
далями и переписями. Козаки принужде-
ны были скрыватьсь и обманывать По-
ляковъ, какъ это дѣлали Жиды въ по-
добныхъ случаяхъ; если-же хитрость не
помогала, они поднимали оружіе, возбуж-
дали чернь къ шому-же. — и кровью оп-
снивали свои права (1). Всѣ средства
Правительства прекращашь ихъ набѣги
на Ташаръ и Турокъ оставались ниче-
лыми.

Наконецъ, по наущамъ Иезуитовъ, Сигизмундъ III повелѣлъ, или по крайней мѣрѣ, позволить Каполикамъ пригласить Украинцевъ въ свободномъ исповѣданіи вѣры Грекороссійской, утѣшашъ Духовенство Украинское.

Еще въ XIII столѣтіи Иннокентій III и Иннокентій IV, Папы Римскіе старались склонить Грекороссіянъ къ соединенію вѣры своей съ Римско-Каполическою; однако не имѣли никакого успѣха: Князь Галицкій Романъ въ 1204 и Князь Новгородскій Александръ Невскій въ 1252 году съ презрѣніемъ отвергнули ихъ предложенія, а Князь Галицкій Даніилъ въ 1247 году согласился на предложеніе Папы только на время для личныхъ выгодъ своихъ, и попомъ не убоился смѣяться надъ угрозами и проклятіями Римскаго Первосвященника. Впрочемъ съ сего времени Папы никогда не выпускали изъ виду сего важнаго предмета своихъ замысловъ, и возобновили ихъ на Флорентинскомъ соборѣ въ

1439 году. — Больше других старался о соединеніи вѣръ Папа Григорій XIII. Онъ желалъ склонить на свою сторону Иоанна IV Грознаго, и посылалъ, по сему случаю въ Москву двухъ миссіонеровъ: Пресвитера Рудольфа въ 1576 и Иезуита Антонія въ 1581 году. Успѣха не было. Впрочемъ хитрый Антоній не удовольствовался отказомъ и угрозами Грознаго Царя, и продолжалъ свои слѣдствія и крамолы между Панами Украинскими и при Дворѣ Польскомъ. Стефанъ Баторій, равнодушный къ распрямъ за вѣру, также не принималъ участія въ шрудѣ Антонія; и только съ восшествіемъ на престолъ Польскій Сигизмунда III замыслы Папы начали приходить къ исполненію. Янъ Тарновскій, Пётръ Скарга и Бернардъ Голыньскій, любимцы Сигизмунда III, овладѣвъ Правленіемъ Польши покровительствовали гоненіямъ на Грекороссіянъ въ проливность не только старымъ привилегіямъ, но и привилегіямъ, даннымъ самимъ Сигизмун-

домъ III при вступленіи его на престолъ; дѣйствовали именемъ самаго Короля, и разсылали по Украинѣ шолпы бродягъ, кои грабили дома, опшнимали имущество, брали въ плѣнь, сажали въ тюрьмы плѣхъ, у кого уже нѣчего было взять, и ругались надъ Духовенствомъ Грекороссійскимъ. (2).

Успѣшенія исповѣдовавшихъ въру Православную начались на Волинѣ и Подолѣ, гдѣ многіа изъ фамилій Дворянскихъ были уже закона Римскаго, гдѣ Спароспы имѣли болѣе силы, а Жидаы болѣе воли, гдѣ чернь была уже издавна приучена шерпѣшь буйство своихъ властелиновъ, а Козаковъ было менѣе. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ впайнѣ а Епископъ Луцкій и Оспрожскій Кирилль опкрышо покровительствовали снмъ успѣшеніамъ.

III.

Мяшежи, порожденные налогами, самоуправствомъ помѣщиковъ, Спароспъ

и Жидовъ, и даже спѣшеніемъ права Козацкихъ, были ничтожны въ сравненіи съ мятежами, бывшими слѣдствіемъ гоненій въры Православной: но были частными вспышками, а сіи послѣдніе — пожаръ общій, иногда спихавшій, но никогда не прерывавшійся, пожаръ, копорый долженъ (быть или Украину превратить въ груды пепла, или Польшу низринуть въ бездну гибели: Козаки были фанатики, — они скорѣе согласились бы расстаться съ жизнью, нежели съ вѣрой предковъ; Козаки имѣли сильное вліяніе на народъ Украинскій; Козаки рѣшили учассть его, — и Украина взволновалась.

На Бугѣ у Заволочья Запорожцы озвали Раду, положили вооружиться и пропнвостать врагу земли родной, выбрали предводителемъ своимъ Христофора Косинскаго, и начали военныя дѣйствія. — Будучи родомъ изъ Полѣсья и припомъ Шляхтичъ Польскій, Косинскій былъ однако привязанъ и сердцемъ

в вѣрой къ Украинцамъ и Козакамъ. Обиды, кои шеригать онь опгъ Поляковъ на родинѣ, заспавили его бѣжашь на Днѣпръ и сдѣлашья Козакомъ. Уже въ 1587 году онь опмичилсѣ въ бишгъ съ Ташарами; еще бо.тѣе въ 1589 году.

Поляки, провѣдавши о возспаніи Козаковъ, выспавили прошивъ Косинскаго 6000 войска, побѣдили, взяли въ плѣнь многихъ воиновъ его, а самаго его заспавили бѣжашь далеко къ Днѣпру. Между шгѣмъ Ивагъ Лобода, сподвижникъ Косинскаго, собирать ополченія въ Переяславѣ и Кіевѣ, и съ 6000 храбрыхъ Козаковъ пошелъ на помощь Косинскому. . . . Вскорѣ онь снова опправилсѣ набирашь ополченія. Косинскій же послалъ пословъ къ Князю Оспрожскому Констанцину, просилъ у него вспоможенія. Князь Оспрожскій хорошо принялъ пословъ Косинскаго, однако опказалъ въ помощи, говоря: — не знаю, чего ищеше вы: славы-ли и чеспи или добычи; но увѣренъ, что ваши мяшежи

не могутъ быть полезны для опчи-
ны.— Ошвишъ сей ожеспочилъ Косиц-
скаго. Пылая мщеніемъ прошивъ Князя,
онъ подобно разбойнику вшоргнулся въ
собственныя его владѣнія, напалъ на по-
селенъ, и спалъ принуждавъ ихъ всту-
пашъ въ его дружины. Князь Острож-
скій принужденъ былъ просить помощи
у Поляковъ, вшпрѣвился съ Косицкимъ
подъ мѣспечкомъ Пяшкой, и сразился.
На помощь Косицкому подосѣли но-
выя опряды, набранныя Лободою; однако
уже поздно. Козаки бились храбро, но
были побѣждены. Польское Правипель-
ство, опасаясь новыхъ нападѣній отъ Ко-
заковъ, приняло свои мѣры, распавило
по городамъ Украинскимъ гарнизоны, рас-
пустило между Козаковъ тайныхъ ла-
зупчиковъ, — и не много спустя, Косиц-
скій былъ схваченъ и преданъ казни (3).

Оспальныя опряды Лободы, ходив-
шіе подъ его личнымъ предводишель-
ствомъ на Тамаръ Буджацкихъ, разгра-
били около Бѣлгорода Юрьевскую яр-

марку, ожгли Цецору, опустошили Носы; а попомъ, сразившъ съ Поляками подъ Имполемъ, были разбишы и разогнаны.

Мяшежи Кіевскій, Переяславскій и Лубенскій кончились, какъ обыкновенно оканчивающа возстанія слабыхъ противъ сильныхъ: зачинщики были казнены, оспальные мяшежинки разсыяны (4). Однако Украинцы и Козаки не успали. Хотя войска Польскія, вошедши въ Украину, и подавляли мелкія возмущенія; но онѣ возобновлялись безпрестанно, подобно Фениксу изъ подъ пепла.

Между тѣмъ Сигизмундъ III возвратился изъ Швеціи, куда ѣздилъ по смерти отца своего Іоанна Короля Шведскаго для полученія наслѣдства отцовскаго, возвратился, — и Уніи, ш. е. соединеніе церквей Греческой и Римской, явилась на Украинѣ со всѣми ужасами своими. Соборы Кіевскій и Бресцкскій положили ей швердое основаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

IV.

Соборъ Кіевскій былъ въ 1595 году. Епископъ Кирилъ болѣе всѣхъ старался о составленіи онаго, и по открытіи заведеній предложилъ Духовенству предаться Папѣ, отказавшись отъ Папріарха, и принявъ догматы вѣроисповѣданія Римскаго. Сообщники Кирилла, будучи до того времени обольщаемы коварными предложеніями Папы и Сигизмунда III, надѣясь на новыя выгоды какъ со стороны важности сана, такъ и со стороны доходовъ, колебались недолго. Митрополитъ Михайлъ, Епископъ Владимірскій Ипатій, Архіепископъ Полоцкій Гермагъ, Епископъ Пинскій Леонній и Епископъ Жельмскій Діонисій приняли

единодушно предложеніе Кирилла. Епископъ Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаэль пропихивались общему рѣшенію; но ихъ не послушались, и заставили подписать два кожанныхъ бланкета: на одномъ изъ нихъ написали потомъ прошеніе къ Папѣ, а на другомъ донесеніе Сигизмунду о томъ, что все они желаютъ Уніи. Епископы Кириэль и Ипатій отправились въ Римъ послами, и явились въ Римъ въ Ноябрь. Папа принялъ пословъ благосклонно, далъ имъ для жительства особый домъ, велѣлъ опускать щедрою рукой деньги на содержаніе, величать послами духовенства Россійскаго. 23 Декабря послы представлены были Папѣ въ Ватиканѣ, въ дворецъ Константинскомъ; два раза поворгались предъ нимъ на землю, и цѣловали его свящительскія ноги. Они просили Климента VIII отъ имени всего Духовенства Русскаго о присоединеніи его на тѣкопрыхъ условіяхъ къ Церкви Римской, обѣщая бытъ въ его

власни и воли; и, когда Папа согласился на условіи, дали присягу въ искреннемъ признаніи догматовъ и распространеніи оныхъ по мѣрѣ возможности.

Такимъ образомъ положено начало Уніи, — и Папа въ память сего знаменитаго событія повелѣлъ выбить медаль, на которой съ одной стороны изобразить себя во весь ростъ на протѣвѣ а у ногъ Русскаго съ надписью: *Ruthenis* *resertis* 1596; а съ другой свой погрудный поршрешъ.

V.

Велика была радость Папы и всего духовенства Римскаго; велики почести Посламъ Духовенства Украинскаго; радовался Сигизмундъ III; щеславлялись Иезуиты своимъ искусствомъ обращать въ вѣру Каполическую. А между тѣмъ бродники Польскіе опустошали села и деревни, грабили, и проливали кровь беззащитныхъ. Жиды въ свою очередь не

переставали разнообразить свои злодейства. Украина бѣдствовала; — но перепѣхъ должно было наконецъ кончиться; — и волненіе народное развилось предвозвѣстительною хоругвою скорого возстанія.

Крестьяне оспавляли своихъ помещиковъ, и бѣжали иные въ лѣса, другіе къ порогамъ Дѣвровскимъ, гдѣ соединялись съ дружинами буйныхъ Гайдомакъ. Свободные жили полпами блуждали по Украинѣ, жгли села и деревни, въ коняхъ встрѣчали Поляковъ или Уніашовъ; Жидовъ предавали живыхъ землѣ или мучительнымъ казнямъ. Дворяне, бывшіе на споронѣ Правительства Польскаго, принуждены были бѣжать въ Польшу, или просить защиты у Польскихъ войскъ; не успѣвавшіе скрыться или прошивоспавъ силой силъ мятежниковъ имѣли участь подобную Жидамъ. Тѣ-же изъ Дворянъ, кои были прошивъ Сигизмунда III, спекались въ Подоль подъ знамена Конспанщина Князя

Оспрожскаго Воеводы Кіевскаго, и Александра Воеводы Вольнскаго. Сін два Князя, влелѣвныи въ колыбели благоговѣніа къ вѣрѣ Православной, первыи въ сіе время подали знакъ къ возмущенію противъ пригвѣснителей опчизны и Православіа. На сеймѣ 1595 года положили они соспавити ополченіе и принудити Поляковъ прекратити гоненіа. Во всѣ края Украины разосланы были вѣсповщики, возбуждавшіи народъ къ поднятію оружіа, чинявшіи въ церквахъ и на площадяхъ прокламацію Князя Константина Оспрожскаго, данную [1595] Юля 24. Вошь что между прочимъ написано было въ сей прокламаціи: — Аще бо опгь начала міра и до днесь врагъ и супоспатъ нашъ дьяволъ не преспаептъ, воююще на испинную вѣру, различными козньми ополчался, паче-же, яко глаголетъ Господь, приходитъ врагъ, и свѣтъ плевелы межи пшеницею. Но намъ не преба симъ прельщалися, но крѣпко спшопши, вооружившеса, не дающе плещь

рекише шыла врагу, просяще опть Бога помощи, яко да сокрушилтъ сапану подь ноги наша: всл-бо сіи грѣхъ ради нашихъ попущеніемъ Божиимъ бываюшь, возбуждающе насъ опть сна, и въ цѣломудріе приводяще, да свѣтъ будеть и пребудеть; яко да Боголюбцы обявляшся, а слашюлюбцы обличени и посрамлени будушь. —

VI.

Князья Оспрожскіе собирали войска, грозили Полякамъ и Уніапамъ войной, но оспавались при одѣхъ угрозахъ, надѣясь, вѣрояпно, обойдшисъ безъ кровопролитія. Козаки Запорожскіе, приспававшіе допомъ къ опрядамъ Оспрожскимъ, начали скучать бездѣйственнойю жизнью, и рѣшились наконецъ образовать собспвеяное свое ополченіе.

Въ концѣ 1595 года на Бугаевской Радѣ Полковнику Лободѣ поручено было предводителельство, и въ непродолжительномъ времени войско вышпуило въ по-

ходъ къ Бресшу. Сигизмундъ III, про-
здавши о сихъ вооруженіяхъ, выслалъ
войско опразнить дружину Лободы. Въ
то самое время, когда въ Кіевѣ Духо-
венство Грекороссійское мечшало о Па-
пѣ и соединеніи церквей, Поляки встрѣ-
тились съ войскомъ Лободы, состояв-
шимъ изъ 5 полковъ, близъ Пяпки, той
самой Пяпки, гдѣ за два года предъ-
тѣмъ войско Косинскаго было разбино.
Поляки почти всѣ пали на полѣ сраже-
нія; Лобода потерялъ болѣе двухъ пре-
шей своихъ дружинъ, однако одержалъ
побѣду, и заславилъ Поляковъ спаса-
сь бѣгствомъ.

Онъ разсылъ тогда свои войска
по Кіевской области, а Хорунжаго Са-
ула послалъ въ Липву. Пригнѣслемый
Поляками народъ оспавлялъ по всюду
свои жилища, и умножалъ собою дружи-
ны Козація.

Одна изъ важнѣйшихъ побѣдъ Лобо-
ды надъ Поляками была въ сіе время у
Ладыкина.

VII.

Послѣ Пляшковской битвы Козаки собрались на Раду въ Чигринѣ, и по предложенію Лободы избрали Гепманомъ Павла Гвоздича Наливайка, съ условіемъ, что бы Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій и Максимъ Овара Полковникъ Гадяцкій были его помощниками въ дѣлахъ военныхъ. Дружины Гепмана Наливайка, Полковниковъ: Лободы и Овары, и Хорунжихъ Саула и Шашка, выступили въ походъ, — и вскорѣ Самборъ, Луцкъ, Тарнополь, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣспрѣ и многіе другіе города испытали крѣпость меча Козакаго. Разграбленные, полусожженные, они опустѣли; жители бѣжали въ лѣса; на дымящихся развалинахъ Козаки пировали свои побѣды. Часпо до Сигизмунда, запертаго въ своей божницѣ, доходили спрашныя вѣспи, но Сигизмундъ былъ слишкомъ бѣденъ войскомъ, еще бѣднѣе деньгами, — и не зналъ что дѣ-

лапъ. Наконецъ онъ рѣшился вызвать Короннаго Гешмана Жолкъвскаго изъ Молдавіи, и написалъ къ нему письмо, прося его быть защитникомъ спокойствія Республики.

Въ Февралѣ 1596 года гонецъ Сигизмундовъ прибылъ въ Молдавію, и чрезъ недѣлю 1000 всадниковъ выспушили по пуши къ Брацлаву, около кошораго дружины Наливайка въ то время карали враговъ Православія.

Не ожидая Поляковъ, Наливайко не принималъ никакихъ предосторожностей, позволялъ своимъ воинамъ раздѣляться на малые опряды по нѣскольку солтъ и менѣе, и самъ пировалъ въ Новоградѣ.

Опрядъ Гайдомакъ подъ начальствомъ Грушка занялъ Мацѣйовичи, и, ограбивъ по обычаю жипелей, началъ свой разгульный пиръ. Уже всѣ были пьяны; иные дремали, иные пѣли пѣсни побѣды, когда внезапно еще до разсвѣта звукъ трубъ и ржаніе коней раздался у околицы, — и 1000 всадниковъ, предво-

дымъхъ самимъ Жолкъвскимъ, ворвались въ мѣспечко. — Сдавайшесь! — кричащъ Ляхи. — Бейшесь! — кричащъ пьяные Козаки. Начинаешся сѣча. Побѣда не кло-нишся ни на шу ни на другую споро-ну; Поляки поджигаютъ дома, и, поль-зуясь смященіемъ жилищей и Козаковъ, схватываютъ послѣднихъ и предають казни.

Наливайко, узнавши о семъ пораже-ніи, бѣжалъ за рѣку Собъ и Черныя во-ды въ спешь Гуманскую; а между тѣмъ Лобода ворвался въ Баръ, и, обогатив-шись добычей, двинулся подъ Бѣлою Цер-ковью. Здѣсь соединились всѣ главные опряды дружинъ Козацкихъ. Жолкъвскій подослѣлъ шуда же. Произошла битва, — и Козаки побѣдили; произошла другая битва, — и Козаки принуждены были бѣжать.

Между тѣмъ буйные Гайдомаки про-изводили мятежи, бродили изъ города въ городъ, разбивали гарнизоны Польскіе, и наконецъ собрались въ Каневъ. Жол-

кѣвскій пошелъ къ Каневу, разбить Гайдомакъ, разорить Каневскія Козацкія поселенія, защищаемыя Тешерею и Тешеренкомъ; потомъ разбить Козаковъ у Крупной могилы, и остановился подождать, пока подойдутъ къ нему опряды, посланные для усмиренія Козаковъ, возставшихъ на Поляковъ и возмущавшихъ чернъ въ нѣкопорохъ городахъ Сѣверной Украины; и когда сіи опряды двинулись, успѣвъ на нѣсколькихъ битвахъ сразить Козаковъ, Жолтѣвскій двинулся къ Чигриву, гдѣ уже ожидало его войско Запорожское съ Гепманомъ Наливайкомъ. Оно раздѣлено было на три части: Наливайко принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ; лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ и Асаулу, а правое Полковнику Лободѣ и Обозному. Все войско сослало изъ 20,000, исключая опряды Гайдомакъ, кои расположились лаборомъ не подалеку отъ окоповъ, и прикрыли ряды свои пушками.

Наливайко, не рѣшался самъ начать дѣло, ожидалъ призывной вѣсти къ бѣнѣвъ отъ Гешмана Жолкѣвскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, желая успрашить Козаковъ, выспавили близь шанцевъ своихъ три креста, и на нихъ въ виду Запорожскаго стана повѣсили двухъ спаршии Козацкихъ: Сомина и Богуна; а третій крестъ оставили пущимъ, угрожая повѣсиль на немъ того, кто первый осмѣлился воспроникнуть въ нихъ, и преобладали сдаться. Въ отвѣтъ на сей сигналъ, Наливайко выспавилъ три бѣлыя кресты хоругви, съ надписью: миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и его крестъ. — Не медленно за симъ началось нападеніе Поляковъ на станъ Козацкій и пальба изъ орудій. Поляки, не смотря на всѣ свои усилія, не могли выдвинуть Козаковъ изъ укрѣпленій. Войска Жолкѣвскаго отъ мелкихъ нападений на станъ Козацкій пришли въ безпорядокъ. Тогда Гайдомаки двинулись въ самую средину стана Польска-

го; за ними полкъ Овары, Лободы и наконецъ главная дружина подь предводительствомъ Наливайка. Битва вскигъла. Больше семи часовъ длилась она, сула побѣдой по одной по другой споронѣ, и кончилась пораженіемъ Поляковъ. Козаки ожесточились до того, что и слышащъ не хотѣли о пощадѣ: раненныхъ, упадавшихъ на землю добивали; бросающихся въ Тясминъ выпаскивали арканами, и изрубливали въ куски. Поляки спасались однимъ бѣгствомъ. Не успѣвшіе скрыться пали на полѣ битвы и по окрестной степи. Наливайко потерялъ 5000, большею частію изъ дружины Овары, разперзаннаго на сей битвѣ. Жолкъвскій потерялъ гораздо больше. (5)

Въ это самое время оспальныя отряды войска Польскаго грабили Восточную Украину; два раза разбили Полковника Юпчинскаго, принудили его бѣжать къ Переяславу, и, сожегши хупора Козацкіе вокругъ Пырляпина, въ копорыхъ оснавались оутѣ жены и дѣши,

пошли вслѣдъ за Юнчинскимъ. Наливайко послалъ на помощь сему храброму вождю Лободу съ 3000, а самъ направилъ путь къ рѣкѣ Случи за Жолкъвскимъ, и по дорогѣ до Слуцка и Могилева нѣсколько разъ жестоко разбилъ Поляковъ. Больше другихъ поспрадали сѣи два города.

Окруживши городъ Могилевъ Наливайко претовалъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Унѣшовъ, въ немъ находившихся. Требованія сѣи не были исполнены, — и Наливайко осадилъ городъ. Гайдомаки подождгли его со всѣхъ споронъ, и вшорглись въ него первые. Гарнизонъ былъ разбитъ; Жиды перерѣзаны; городъ разоренъ и превращенъ въ пепель (8).

Между пѣмъ войска . . . лѣвскаго, разогнанныя Наливайкомъ въ разные спороны, соединились близъ Кіева, сразились у монастыря Печерскаго съ Гайдомаками, конми предводительствовають Лобода и Ашаманъ Подвысоцкій, и, перешедши черезъ Днѣпръ, явились у Пе-

реяславъ. Наливайко устремился туда-же. Пронзошла битва. Козаки разбины, и бѣжали къ Лубнамъ.

Около сего города на урочищѣ Солокищѣ разразилась новая битва, еще болѣе несчастная для Козаковъ. Они были разбины. Наливайко и многіе другіе Старшины Козацкіе взяты въ плѣнъ, и въ Варшавѣ преданы мучительной казни (7. 8.) Козаки, находившіеся подъ начальствомъ Подвысоцкаго, въ свою очередь просили у Жолкѣвскаго пощады, и передались въ его волю. Многіе изъ нихъ принуждены были принять Унію; въ числѣ другіхъ и Федоръ Теперешко (9. 10).

Ополченныя воины Оспрожскіе иныя приспали къ Запорожцамъ, иныя разошлись по домамъ, [иныя начали промышлять разбои. Князя Оспрожскіе успѣли прокрапить гоненія полько въ своихъ владѣніяхъ.

VIII.

Между тѣмъ Епископы Кирилъ и Ипполитъ возвратились изъ Рима, — и оп-

спутники начали снова свои собищанія. Но они увидѣли, что должно или совсемъ бросить начатое дѣло или двѣсшовати рѣшишельно; ибо волненіе народное, подрывляемое съ одной стороны Князьми Оспрожскими, а съ другой Епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, увеличивалось безпрерывно. Приверженцевъ къ Уніи спановилось время опть времени меньше: это заспавило Уніашовъ опважисься на новое дерзкое предпріятіе. Окружною грамопою они объявили о преднамѣреваемомъ ими Соборѣ въ Бреспѣ, и назначили сей Соборъ 1596 Оклября 6, говоря, что на немъ долженъ спвуестъ бытъ примиреніе между принявшими Унію и не принявшими оной.

Оклябрь мѣсяць наспунилъ, и Бреспѣ зашумѣлъ опть необычайнаго спеченія неперпѣливо жданныхъ госпей. Главные изъ приверженцевъ Уніи, шуда лившихся, были:

Митрополишь Михайль Рогоза,
Епископъ. Владимірскій Ипашій Поцвѣй,

Епископъ Луцкій Кирилъ Терлецкій,
Епископъ Полоцкій Гермогенъ,
Епископъ Пинскій Іоаннъ Гоголь,
Епископъ Хельмскій Діонисій Зби-
руйскій,

Папскій Нунцій и Послы,
Іезуитъ Пётръ Скарга,
Послы Сигизмунда III,
Нѣскольکو Польскихъ Сенаторовъ,
Дворянъ, и пр.

Защитники вѣры Православной были:
Епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ,
какъ предсавишель,

Епископъ Перемышльскій, Михаилъ
Копыстенскій,

Ректоръ Оспрожскаго училища, Ки-
рилъ Лукарій,

Посоль Папріаршій Грекъ Никифоръ,
Князь Оспрожскій,

Князь Юрій Друцкій-Горскій,

Многіе знатнѣйшіе Дворяне, Духовни-
ки и пр.

Первое собраніе было в Октябрѣ,
и окончилось ничѣмъ.

На вѣпоромъ собраніи, 9 Оклября, приверженцы вѣры Православной предспавивали { пропешпацію, въ которой шребовали разрыва съ Папой и Духовенствомъ, гразсприженія всѣхъ опешпуившихъ опъ Паптріарха, и обвѣщанія ничего не предпринимать касашельно вѣры безъ вѣдома и согласія Паптріарха. Пропивники опвергли сію пропешпацію, шребовали союза съ Папой и покорности его воли; но, видя, что ни убѣжденія ни угрозы не будутъ дѣйствительны, разошлись; явились въ церкви Св. Николая, всенародно прочли свою грамоту, и шоржешпенно провозгласили Унію. Сія дерзость, споль рѣшишельная, споль обдуманная, доказываетъ впрочемъ не сполько силу Уніаповъ, сколько ихъ самонадѣянность, могущество Папъ и Каполицизма, и шо поспыдное униженіе, въ какомъ былъ шогда Паптріархъ и все Духовенство Греческое. Вѣра Православная цвѣла въ шо время сполько въ одномъ Царствѣ Русскомъ, а поли-

ника Двора Московскаго была всегда слишкомъ далека отъ распрей за вѣру.

Слѣдствіемъ разногласія между членами Собора Брестскаго было, что вмѣсто одного собора, явилось ихъ два, и на нихъ вмѣсто мирныхъ соглашеній гремѣли проклятія, проливалась кровь невинныхъ жершевъ, взлелѣяно сѣмя вражды между двумя народами, — вражды, которую изгнали изъ своего сердца одни только тогда, когда исчезнетъ другой.

Наконецъ ровнипели Православія рѣшились на послѣднее: отправили депутатовъ къ Королю Сигизмунду III съ просьбою, дабы онъ благоволилъ изъ Епархій Грекороссійскихъ выгнать всѣхъ Епископовъ Уніатскихъ, и утвердить бы на ихъ мѣстахъ избранныхъ ими. Просьба оказалась впусту. Король не только не согласился исполнить оную, но сверхъ того употребилъ все мѣры къ защищенію Уніатовъ, и къ пригнѣсенію Грекороссіянъ. Тогда Уніаты снова приобрѣли силу, снова начали свои буйства:

насилно присвоивали себѣ значившіе
монастыри и приходскія церкви; оспаль-
ные особенно по городамъ разорали или
запечатывали; священниковъ ловили и
мучили, и народъ, собиравшійся для мо-
лебствій за городомъ въ шалашахъ, раз-
гоняли, а не рѣдко и просто умерщвля-
ли (11). . . .

Кровью и слезами привѣщивала
Украина XVII вѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

IX.

Гоненія Поляковъ и Уніаповъ на Православныхъ заставили многихъ Козаковъ удалиться въ степи Запорожскія и начать новыя брани съ другими врагами Православія — Турками и Татарами, кои, пользуясь отсутствіемъ Козаковъ, разорили въкошорыя крѣпости Козацкія по берегамъ Чернаго моря и на островахъ Днѣпровскихъ; увели многіе шабуны Запорожскіе въ свои Крымскіе Улусы, и овладѣли большимъ про-спранствомъ въ степяхъ Днѣпровскихъ.

Въ сіе самое время Гепманомъ войска Запорожскаго озовался Пейпръ Конашевичъ Сагайдачный, бывшій дошолъ Генеральнымъ Обознымъ (12).

Успроивши Козаковъ въ прежній порядокъ, онъ началъ воевать противъ кевѣрныхъ. Каждый годъ отпраивался онъ по въ Крымъ, по въ Турцію, по на южные берега Чернаго моря. Подъ его знаменами Козаки, увѣренные въ побѣдъ, почти никогда не были побѣждаемы, и всегда возвращались на родину съ богатою добычей. Въ 1606 году они осадили, взяли, и разорили крѣпость Турецкую Варну, и одержали знапную побѣду на морѣ надъ Турецкими галерами. Въ 1607 разбили Ханскія войска близъ Перекопа, и заставили самаго Хана бѣжать въ Турцію. Въ 1608 — 1609 сдѣлали опустошеніе на берегахъ Анаполійскихъ. Въ 1612 взяли приступомъ городъ Кафу, и освободили въ ней изъ плѣну многихъ Христіанъ; разорили Козловъ; разбили Тапаръ Буджацкихъ и Крымскихъ въ степи, и помогали Донцамъ противу Тапаръ. Въ 1613 воевали съ Тапарами на рѣкѣ Донѣ. Въ 1614 — 1615 снова отпраивались въ Анаполию,

валя Синогъ и Трапезонгъ, и одержали нѣсколько побѣдъ надъ Турками на морѣ. Въ 1616 сразились на морѣ съ Северъ-Пашею, и обратили въ пепель его Испальянскіе суда. Въ 1617 снова разбили Гапаръ подъ Перекопомъ (13).

Оскорбленные непрерывными нападеніями Козаковъ, Турки сначала просили Правительство Польское усмирить ихъ, а потомъ, видя что просьба ихъ не дѣйствуетъ, начали грозить Полякамъ войною, и въ своемъ Диванѣ положили овладѣть Днѣпромъ, Кіевомъ и всей Украиною; Гапаръ переселился поближе къ Польшѣ, и даже самую Польшу сдѣлалъ своею данницею. Поляки хотѣли и обѣщали Туркамъ не только усмирить но даже и истребить Козаковъ; однако, имѣя сами нужду въ Козакахъ, оправдали свои обѣщанія безъ исполненія, довольствовались угрозами, или вымѣщали на просномъ наредѣ Украинскомъ и Козакахъ охочекомонныхъ, не преславали принужданъ ихъ къ Уніи,

употребля къ сему всѣ возможныя средства, и особенно по смерти знаменитаго Константина Князя Оспрожскаго съ 1608 года.

Тогда-то явился между роинцелами Православія извергъ рода человѣческаго, разоритель Христіанской истины, Епископъ Полоцкій, Уніантъ Юсафанъ Кутцевичъ, низкій родомъ, но высокій коварствомъ, крамолами и злобою къ Православнымъ. Какихъ злодѣйствъ не употреблялъ онъ дабы увеличилъ количество Уніановъ въ Украинѣ: онъ сажать въ пещицы священниковъ, приказывалъ съчь всенародно на площадяхъ несчастныхъ просполюдиновъ; не позволялъ исполнять ни какихъ обрядовъ вѣры, разрушалъ храмы, или обращать въ Уніанскіе. Всѣ предшавленія Гетмана Сагайдачнаго ему самому и даже Правительству Польскому оспавались тщетны. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, между Коззками уменьшитъ охоту къ опщспушнчеству, увѣщевалъ ихъ уни-

версалами пребыть вѣрными вѣрѣ предковъ, упошреблять даже и жестокости. Все было напрасно. Козаки опшпунники выбрали себѣ самопроизвольно особекныхъ вождей, и вмѣстѣ съ Поляками руйновали церковь Православную (14).

Между тѣмъ Козаки вѣрные вѣрѣ предковъ опуспушали обласпи Турецкія, и заспавили наконецъ Турковъ начашь войну съ Польшей. Поляки угрожаемые Турками, послали къ Козакамъ Комиссаровъ взять съ нихъ обѣщаніе оставить Турковъ въ покоѣ, — и Козаки дали письменный обѣтъ за подписью всѣхъ старшинъ: Гепмана Конашевича, Асауловъ Ивана Машаревича, Лаурины, Богдана, Балыка, Харлака и др.; но по опгѣздѣ Комиссаровъ возобновили свои навады. . . . Перемиріе, заключенное надъ рѣкою Днѣпромъ при мѣспечкѣ Яругѣ 26 Септября 1617 года, по которому Турки пошребовали опгъ Поляковъ усмирить Козаковъ, или даже и уничшожить, имѣло слѣдспвіемъ новыя нападенія Ко-

заковъ на области Турецкія, и новыя набѣги Ташаръ на Украину. Козаки взяли и ограбили Варну, Тегинъ, Козловъ, Очаковъ, Акерманъ, Феодосію, Синошь и Трапезонгъ, а на морскомъ сраженіи съ Киликійскимъ Пашею потопили шри его корабля и его самого предали казни.

На слѣдующій годъ война Поляковъ съ Турками открылась. Соединенныя силы Турковъ, Ташаръ и Волоховъ, всего до 400 000, встрѣпились съ войскомъ Польскимъ, бывшимъ подъ предводительствомъ Короннаго Гепмана Жолкъвскаго при мѣстечкѣ Цецоръ. Между войсками Польскими были и Козаки подъ начальствомъ самаго Гепмана Сагайдачнаго. 1620 года 7 Октября произошло сраженіе. Сила одержала побѣду надъ храбростію. Поляки жестоко разбины и обращены въ бѣгство; большая часть Козаковъ пала на мѣстѣ битвы. Тушь же палъ и Жолкъвскій.

Другая битва Поляковъ и Козаковъ съ Турками была въ слѣдующемъ году,

близъ Хопина. Полки побѣдили, и принудили Турковъ заключить миръ. Гейсманъ Сагайдачный, получивши предъ симъ сраженіемъ порожественный обѣтъ вѣрности отъ всего войска Запорожскаго, и раздѣлившій въ это время славу съ новаричемъ своимъ Михаиломъ Дорошенкомъ, былъ раненъ въ сей битвѣ сполъ жестоко, что отъ ранъ, едва успѣвши доѣхать до Кіева, умеръ и погребенъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ, имъ же самимъ построеномъ (15).

По смерти Сагайдачнаго, гоненія на Украинцевъ и Козаковъ усилились до невѣроятности. Хопя несповый Кувцевичъ и былъ мучительски умерщвленъ Вишебцами въ 1623 (16); хопя многіе Іезуиты и Уніаты, возбуждавшіе своихъ собраній къ гоненіямъ были переловлены и сожжены, иные въ Переяславѣ, иные въ Лубнахъ; однако это не только не уменьшило гоненій, а еще болѣе увеличило, оспервенивъ нечеслив-

цель, и возбудить въ нихъ мещь до-
смертншую.

По смерти Гепмана Сагайдачнаго,
избранъ Гепманомъ Нечай, спарецъ. Въ
1623 году на урочищѣ Спаромъ яру онъ
сразился съ Ташарами и вмѣстѣ со своими
сподвижниками: Горленкомъ, Спасурой,
Омою Безроднымъ погибъ онъ рукъ
неверныхъ (17).

Наслѣдникомъ его былъ сынъ его
Нечаенко. Онъ ходилъ (въ 1623 году на
Поляковъ подѣ Бресль, вступилъ съ
ними въ мирныя переговоры, принялъ
Уцію; и попомъ, соединивши свои дру-
жины съ опрѣдами Польскими, ходилъ
на Ташаръ Буджацкихъ, кои набѣгали
на Подоль. Въ сраженіи подѣ Киліей
онъ былъ убитъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Х.

Еще до смерти Гешмана Сагайдачнаго многіе Козаки составили между собою тайныя заговоры и паршіи, конхъ предметомъ и цѣлю было уничтоженіе власни Польской, истребленіе Уніатовъ и Жидовъ. Сія паршіи съ каждымъ годомъ возрасшали все болѣе; однако продолжали скрываться. Правительство Польское видѣло погибель нѣкопрыхъ знатныхъ дворянъ и сановниковъ духовныхъ, дѣлаю свои предположенія, и не знало, кого обвинять. Заговорщики разорили многіе замки, проникали въ глубь Польши, не будучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умерщвильи и самаго Сигизмунда III, и

наконецъ около 1628 рѣшились дѣйствовать опокрышо. Войско Польское вступило въ Украину, разсѣялось по окрестностямъ Кіева, и начало свои грабежи. Архимандритомъ Кіевонечерскаго монастыря былъ въ это время знаменитый Никифоръ Туръ. Онъ возбудилъ въ народѣ явное возмущеніе: со всѣхъ сторонъ толпы спекались въ Кіевъ, и съ его благословеніемъ поднимали оружіе. Григорій Козакъ, Гепманъ Козацкій, избранный самимъ Королемъ посѣщилъ въ Кіевъ дабы усмирить народъ, и начать дѣло казнями. Никифоръ вышелъ наконецъ изъ шеретвѣн, явился на площади и своею рѣчью шакъ преклонилъ Козаковъ на свою сторону, что они, провозгласивши его своимъ Гепманомъ, ринулись на Григорія Козака и, съ крикомъ: гибель зраднику, разнесли его на сабляхъ. . . .

Подъ начальствомъ Гепмана Тараса Трясылы Боровца Козаки опсправились въ Польшу, силою привудили По-

ляковъ прекратили гоненія на Украинѣ. Чшо сдѣлали они, чшо было съ ними, — неизвѣстно.

Коронный Гешманъ Конецпольскій, провѣдавши, чшо Гешманъ Тарасъ собираетъ свои дружины въ Терехшемьровѣ съ намѣреніемъ вновь идти въ Польшу, пошелъ къ нему на встрѣчу съ сильнѣйшимъ войскомъ. Гешманъ Трысило опустуилъ къ Переславлю; Конецпольскій слѣдовалъ за нимъ. Дошедши до Переслава, Трысило окопался при урочищѣ Крушой облогъ между рѣками Трубежемъ и Альшой. Поляки также окопались недалеко отъ спана Козацкаго. Трысило дилъ переспрѣлку до самой ночи. Козаки съ двухъ сторонъ двинулись на Поляковъ, ворвались въ ихъ спанъ, зажгли обозъ, овладѣли пушками. Много Поляковъ лягло въ сей битвѣ: однихъ дворянъ до 300 человекъ; много взяло въ плѣнъ: самъ Конецпольскій едва не попался въ руки оспервевившихся Ко-

заковъ. Всѣ планы были перъзаны или
ушоплены.

За сей битвой, назъспной подъ име-
немъ *Тарасовой ноги*, слѣдовали дру-
гія битвы, можетъ быть, не менѣе
славныя для Козаковъ. Слѣдствіемъ оныхъ
было то, что большая часть Украины
освободилась отъ Поляковъ и Жидовъ;
первые были изгнаны; а послѣдніе въ
числѣ многихъ тысячъ лишены жизни.

Конецпольскій возвратился, осадить
опять Переславль, и снова былъ нѣ-
сколько разъ побѣжденъ Козаками. . . .

Тогда счастье оглянулось на землю
Украинскую, и она узнала радость . . .
но та радость, то счастье были пред-
шечами грозной бури.

Гешманъ Трасило, вѣроятно, былъ
казненъ.

Мѣсто его заступилъ Иванъ Пав-
люкъ. Онъ сразился съ Поляками близъ
Слуцка, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, от-
везенъ въ Варшаву и преданъ казни.

Такой-же участи подверглись и въ-кошорые другіе предводители Козацкіе, кои рѣшались возсѣвать прошивъ Поляковъ.

Гешманъ Семень. Перевязка предался на сторону Польши, содѣйствоваль Уніапамъ водворялись въ городахъ Украинскихъ, ввелъ повсюду войска Польскія. Козаки взбунтовались, заключили Перевязку въ шюрму; но Перевязко нашель случай уйдши въ Польшу. . . .

XI.

1632 года Апрѣля 30 Сигизмундъ III умерь.

Почши въ шо-же самое время въ Передславль возгорѣлся бунтъ. Чернь, будучи не въ силахъ долѣ шертѣшь жестокосней опть Уніаповъ и Жидовъ, вооружилась, ночью 20 Марша подняла шревогу, и зажгла косцѣль Уніапскій. Главные Уніапскіе духовные сановники были удушены; Жиды захвачены и умерщ-

влены; гарнизонъ весь погибъ. Съ того времени Переяславъ названъ мятежнымъ городомъ. За Переяславскимъ бунтомъ слѣдовали въкопорые другіе; но они ни мало не помогли Украинцамъ прошивъ Поляковъ.

Ужасно было въ ту годину сосло-
ліе Украинцевъ. Права ихъ были нару-
шены; вѣра поправа; Церкви и монасты-
ри издавна сооруженные, иныя запуснѣ-
ли, иныя запечашаны, иныя обращены въ
госпипные и пилейные дворы, иныя раз-
граблены и превращены въ развалины.
Священниковъ мучили пытками, и казни-
ли. Простолюдиновъ грабили, сажали въ
пюрьмы и морили голодомъ. Дѣши уми-
рали безъ крещенія и очищенія отъ грѣ-
ховъ; взрослые жили безбрачно; не зна-
ли исповѣди, ни причащенія Св. Таинъ.
Мертвые погребались безъ обрядовъ.
Привилегіи, коими дарилъ Украинцевъ
Сигизмундъ III, оставались безъ испол-
ненія (18).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

XII.

Наслѣдникъ и сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, былъ великъ желаніемъ прославиться и искусствомъ давалъ обѣщанья.

На Сеймѣ во время его избранія на престолъ Польскій, Грекороссіане подали прошеніе о пресѣченіи гоненій. На разъ подобныя просьбы были подаваемы Сигизмунду III, но всѣ онѣ оставались безъ всякаго вниманія, и дѣла о Неуніахъ были оплагаемы на будущее время. Можно было-бы предполагать, что и съ сей просьбой поступлено будетъ также; однако не такъ случилось: просьба, къ крайнему наумленію Украинцевъ,

была услышана. Тогдашъ нарядили депутацию, въ которой председательствовали самъ Владиславъ; разсмотрѣли дѣла Неукишцовъ, и постановили спешныя примиренія ихъ съ Уніатами. Грекороссіянамъ возвращены были тѣхъпорыя права, позволено исповѣдовать вѣру свою открыто, исполнять всѣ обряды; Уніатамъ позволено жить своего отдѣльнаго Митрополита и Епископовъ. Владиславъ своеручно подписать сии спешныя; попомъ при избраніи его Королемъ Польскимъ, обѣщавъ исполнять ихъ во всей силѣ, и наконецъ во время коронаціи подтвердилъ свой обѣтъ присягою. Но гоненія спихли на мигъ, и снова разразились надъ главами Украинцевъ. Червь и Козаки возобновили мятежи и бунты. Явились войска для усмиренія мятежниковъ. Произошло нѣсколько битвъ, — Козаки почти вездѣ разбины; народныя ополченія, набранныя тѣхъпорыми изъ старшинъ войска Запорожскаго были

разсыяны. Настала година прежнихъ
бѣдшій.

ХІІІ.

Неудачи заставили Козаковъ бѣ-
жать въ Запорожье, оставивъ въ Укра-
инѣ свои семейства и богатства, и на-
чали пересыпать изъ оной всѣхъ, могу-
щихъ носить оружіе. Приглашеніе бы-
ло, конечно, услышано; полки ополчен-
ныхъ непрерывно уходили въ степи; —
Украина пустѣла. Желая осшамовить
сѣя побѣги, Полки посстроили на Дѣ-
прѣ выше пороговъ крѣпость Койдакъ,
или Днеѣвскую заставку; однако напрасно:
Козаки, подѣ начальствомъ Гешмана
Павла Павлюка и Кошеваго Апамана
Сулмы, осадили сію крѣпость, взяли,
вырѣзали весь гарнизонъ, въ ней нахо-
дившійся, и самую крѣпость разрушили
до основанія, въ 1635 году. Опшпуда они
опсправились къ Чигрину, конимъ завла-
дѣли было Полки, и, одержавши новую
побѣду надъ ними послали къ Черкасамъ.

Поляки снова разбиты, Козаки разстались по всей Западной Украинѣ, возобновились прежнія чвары противъ Поляковъ, Уніашовъ и Жидовъ. Войска Польскія нидѣ были разбиты, нидѣ бѣжали безъ битвы. Павлюкъ и Сулима производили свои нападенія и опустошенія, удаляясь отъ большихъ сраженій до 1636 года.

Конецпольскій послать противъ Козаковъ Наполеяго Гешмана Николая Попоцкаго. Павлюкъ окончился близъ Корсуня подъ Кумейками, 16 Декабря произошла битва. Козаки разбиты, вытѣснены изъ окоповъ и принуждены были обратиться къ бѣгству. Новая битва произошла подъ Боровицей. Побѣда оглянулась на Козаковъ. Тогда Попоцкій предложилъ Павлюку мирныя условія, обязывался именемъ Короля возвратить всѣ права Козакамъ и народу Украинскому. Козаки согласились на миръ и вышли изъ стана: старшины подписали условія. Но лишь только въ войскахъ Козацкихъ было разрушенъ

порядекъ военный, Поляки напали на нихъ; многихъ изъ нихъ перерубили и переспрадали; а у прочихъ ограбили имущество и военные запасы, обрѣзали усы и чуприны; Гейсмана Павлюка и многихъ старшинъ взяли въ плѣнь и отправили въ Варшаву: всѣ они были казнены (19).

XIV.

Въ 1638 году Правительство Польское рѣшилось положить конецъ смятеніямъ въ Украинѣ, и обнародовало прокламацію, по которой лишало Козаковъ всѣхъ правъ, между прочимъ и права имѣть Гейсмановъ, а въ слѣдствіе оной повелѣло хватать Козаковъ, и опредѣлять въ Польскіе полки. Съ другой стороны Татары, пользуясь смятеніями Украины, часто вторгались въ нее, грабили селенія, уводили съ собою многихъ плѣнниковъ. Битвы ихъ съ Козаками и на сушѣ и на морѣ не преславали. Напрасны были всѣ старанія Козаковъ сми-

ришь Тапсаръ. Хотя Козаки почти ежегодно ходили въ Крымъ, разорали города и села, освобождали плѣнныхъ Христіанъ, уводили шабуны, но Крымцы вспомошествоваемые Турками продолжали набѣги. Козаки испили Туркамъ, ходили подъ самый Конспаншинополь; и это было напрасно. Ослабѣвшее отъ безпрерывныхъ войнъ съ Поляками Войско Запорожское переспало уже спрашншь невѣрныхъ, какъ спрашнло прежде.

Тогда явились между Козаками предводители: Стефанъ Оспрляница, Леонъ Гуля, Чурай, Малко, Ефремъ Скурай и другіе, кои начали испишь Полякамъ и Тапсарамъ сначала сами съ небольшими дружинами своими, потомъ съ помощію Донскихъ Козаковъ. Попоцкій явился, — и выпергѣлъ нѣсколько небольшихъ поражений. Войска Польскія, бывшія въ Приднѣпрскихъ городахъ, разбишы и разогнаны. Наконецъ произошла битва на рѣкѣ Спарницѣ, битва спрашннал, ошчаянная. Козаки, не смошри на

свою малочисленность въ сравненіи съ Поляками, одержали побѣду, принудили ихъ обратиться въ бѣгство, и гнали до мѣстечка Полознаго, что въ Волынской Губерніи. Здѣсь произошла новая битва. Поощрѣніемъ принужденъ былъ предложить Козакамъ мирныя условія; но, получивши подкрѣпленіе, напалъ на Козаковъ, разбилъ ихъ, попомъ взялъ въ плѣнъ Гешмана Оспряшцу, Чурая, и другихъ старшинъ Козацкихъ. Всѣ они по обычаю были казнены въ Варшавѣ (20 — 21).

XV.

Новое ополченіе Козацкое, имѣвшее вождемъ Гешмана Карпа Полшора-Кожуха, не имѣло никакого успѣха. Поляки, подъ предводительствомъ Іереміи Вишневецкаго, гнали его до рѣки Мерлы, и, здѣсь поразивши, заставили бѣжать къ Дону. Гешманъ Полшора-Кожухъ и послѣ дѣлалъ набѣги на Польшу, но безъ всякаго успѣха. Полшора Ко-

мухъ умеръ въ Каменномъ Замоукъ, — и гробомъ ему была пущая горьлочная бочка (22 — 23).

XVI.

Съ тѣхъ поръ Козаки пали. Поляки завладѣли Украиной, и дали полную волю Уніапамъ и Жидамъ. Православіе угнѣшалось съ каждымъ годомъ болѣе: Церкви отданы Жидамъ на аренду, а священники въ работу; должно было плащить большія деньги за позволеніе служить Литургію; а кто хотѣлъ погребать, крестить или вѣнчаться, погребъ долженъ былъ приготоветься къ рѣшительной нищетѣ. Всѣ казни и козни, выдуманныя Іезуитами и Инквизиціями были приводимы въ дѣйство. Спаранія благочестиваго Митрополита Кіевскаго Петра Могилы воспрепятствованы гоненіямъ оспавались нищеты.

Одна польско часть Козаковъ, оспавшаяся въ Запорожѣ, сохранила свою не-

зависимостъ. Съ Апшаманомъ Саралпомичемъ Запорожцы нападали на Азовъ въ 1636 году на прибрежные города Анашолійскіе въ 1638 и пр. (24). Они обогащались добычей, жили въ привольѣ, въ довольствѣ.

Дабы побѣги изъ Украины въ Запорожье не возобновились, Конецпольскій повелѣлъ вновь выстроити и укрѣпити крѣпость Койдакъ, снабдилъ ее гарнизономъ, расположилъ сильныя гарнизоны по городамъ Украинскимъ, самовольно казнилъ всѣхъ священниковъ, сплѣснилъ сколько было возможно сѣмейства Козацкія, и оспавилъ несчастную Украину спенанъ подъ игомъ губишелей Православія, доколѣ не возмужаетъ Богданъ Хмельницкій, кошораго Провидѣніе благословило мечемъ для освобожденія ошчизны изъ подъ ига Польши.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Первые мятежи Козаковъ противъ Польши

произошли, кажется, по случаю убіенія Ивана Подковы во Львовѣ; впрочемъ Лѣтописцы говорятъ о нихъ довольно шемно и крапко.

Далѣе:— Гешманъ Шахъ управивалъ поваричей освободить землю Подольскую и другіе оныя нга Ляховъ, и на что Козаки согласны были, — многія селенія пожгли. А Король за сіе много имъ бѣдспвій причинилъ, и даже въ веру свою обратилъ холпѣль. — С. Г. 3. § 8. Энгель упоминаетъ объ Іоаннѣ Ориневскомъ, коему Башорій повелѣлъ усми-

ришь Низов. Козаковъ. (G. U. 26.) Въ П. П. У. Св. IV. упоминается о мяшежахъ 1560 года въ слѣд: выраженіяхъ: — Пришла Королю дума, же его умерившии хошунъ, и мечъ прошивъ его подъяши, озлобился сильно, и приказалъ всѣхъ Козаковъ перебити, кои на службѣ были. Прочіи по Украинѣ расселились и миромъ въ сѣмьлахъ хушорами жили. Съ того времени Козаки Короля возненавидѣли, и помышляшъ объ оплученіи себѣ оиъ Польши спали. Егда сарана въ року 1580 въ лѣпо набѣжала, и живы изѣла, и егда Жиды вино дорогою цѣною въ продажу давали промысла своего ради, тогда Козаки озлобившись въ Черкасахъ и въ Кіевѣ и въ Перелславѣ всѣхъ Жидовъ до единого побилли, вино забрали, и мжежъ училили. Король просьбою просилъ Козаковъ въ шихомирѣ спашъ, обаче Шляхецство Польское и Старосты городовые Козаковъ неволей брашъ зачали, и въ ямы сажали: кшо живъ оспался. Егда-бъ Ко-

миссары отъ Короля со знамениемъ не
прійшли, великому мяшежу быши-бъ бы-
ло; да Комисары многое обѣщавали — —

Въ Л. Р. III. упоминается о мяшежѣ
Вольнскомъ подъ снѣгъ же годомъ.

Въ 3. III. (Свѣденія о Козакахъ за
Башоріа Короля) — описывается въ 3 —
4-хъ спрочахъ мяшежъ Кіевскій подъ
1585.

Вошъ и все, — если несчиташъ мяше-
жами неважныхъ мѣстныхъ буншожъ.

2.

*Свѣденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіанамъ Королями Польскими.*

Казимиръ Великій, овладѣвъ Льво-
вомъ, Перемышлемъ, Галичемъ и други-
ми городами, уравнявъ шамощныхъ Гре-
короссіанъ съ Капшолнками во всѣхъ

правахъ и преимуществвахъ (Спириковскій XII. 5. Длугошъ подъ 1310. Кромеръ. XII. Гербертъ. X. 3). Сію привилегію подтвердилъ Ягелло въ 1386 году, и дѣши его, Короли Польскіе Владиславъ II въ 1434 и Казимиръ IV (Кромеръ XXI. Спириковскій VI. 1. Гербертъ XV. 2). Александръ Князь Лишовскій въ 1499 далъ Духовенству Грекороссійскому привилегію подтверждающую всѣ старинныя права церкви Православной, а бранъ его Король Польскій Сигизмундъ I подтвердилъ сію привилегію въ 1511. На Сеймахъ 1563 и 1568 Сигизмундъ II Августъ съ согласіемъ всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой далъ Украинцамъ двѣ привилегіи, кои, уравнивая ихъ во всемъ съ Поляками позволилъ имъ достигати достоинства Сенаторскаго и другихъ важныхъ сановъ, и на Люблинскомъ Сеймѣ 1569 года, присоединяя къ Польшѣ на вѣчныя времена Польсье и Украину, далъ имъ, и въ особенності провинціямъ Кіевской,

Вольнскою и Польсю еще новую привилегию о томъ-же. — Всѣ сии привилегіи подтвердитъ присягою Генрихъ Валуа въ 1573, Сше-вакъ Бапоріи въ 1576 и Сигизмундъ III въ 1687. Кромѣ сего Сше-вакъ Бапоріи двумя привилегіями позволить Греко-россіянамъ безпрепятственно отправлять праздники по старому календарю, свободно создашь церкви и Гимназиі и пользоваться всѣми прежними правами по силѣ старыхъ привилегій; а всѣмъ свѣтскимъ чиновникамъ указомъ запретить вступаться въ дѣла и суды Духовныя церкви Грекороссійской. На Короначіонномъ Сеймѣ 1588 состоялась Конспициція, по которой запрещено отнимать имѣнія церковныя отъ Епископій и монастырей Грекороссійскихъ и Католическихъ. Въ Липовскомъ Спасушнѣ, на сочиненіе котораго дана Князю Липовскому привилегія на семь же Сеймѣ, права Грекороссіянъ уравниены съ правами Католиковъ, какъ по: Духовен-

ство Грекорос: и Капюл: одинаковымъ порядкомъ должно раадъзывашься со свѣтскими въ дѣлахъ судебныхныхъ (Сп. III. 32); положено одинаковое наказаніе за насиліе церковей Грекор: школъ и священническихъ домовъ равно и ксѣдоловъ Римскихъ и поповскихъ домовъ (II 3); назначена одинаковая пѣня за убійство и безчестіе духовныхъ обывихъ церковей, жень и дѣтей ихъ (II- 27). Въ 1589 Сигизмундъ III на Варшавскомъ Сеймѣ далъ привилегію Грекор: духовенству сохранятьъ всѣ ихъ чины, власть, честь и достоинство въ совершенной силѣ на равнѣ съ духовенствомъ Римскимъ (И. У. 60 — 65).

3.

Подати Косинскаго.

Косинскій въ И. Р. подъ 1596 годомъ пишетъ, что Косинскій природный

Шляхтичъ Польскій Геперальный Асауль Войска Запорожскаго избранъ Гешманомъ въ 1595 году на мѣсто Гешмана Демьяна Скалозуба, умореннаго голодомъ въ Конспациинополѣ; что онъ, будучи призванъ на соборъ Брестскій, арестованъ, преданъ суду, осужденъ, замурованъ въ каменный сполбъ, и умеръ въ немъ отъ голоду. . . !

Другой Лѣтописецъ (З Ш. о древности Мал. и Укр.) говоритъ, что Косинскій не былъ Гешманъ, а мясешникъ Польскій, собравшій шайку въ Украинѣ, и опустошавшій Подоль, Вольты и Польсье, и въ 1593 году схваченъ сыщиками Польскими и преданъ казни.

По сказанію М. Г. З. П. Косинскій преданъ мученической казни въ Варшавѣ, а Лобода собравъ войско, пошелъ къ Варшавѣ, но былъ разбитъ подъ Брестомъ, и умеръ отъ скорби (!). По С. Г. З. § 11. Косинскій убитъ подъ Пляскою, — и шло его на позоръ акн пре-

спутника выспавили, а чепырехъ старшихъ Запорожскихъ живыми въ землю закопано. —

Важный Каменискій описываетъ подвиги Косинскаго, следуя, большею частію, Гендевищенку. Онъ повѣствуетъ, что Косинскій прежде всего впоргулся въ области Князя Острожскаго, потомъ долго просидѣлъ подъ Тарнополею, и наконецъ палъ на сраженіи подъ Пяткою, въ 1593. И. М. Р. I. 161—162.

Лубенскій, копорого сказанію придерживающа Нѣмцовичъ (D. Z. I. X II. 259 — 261.), пишетъ, что Косинскій впоргулся во владѣнія Князя Острожскаго съ 5000 воиновъ, и началъ опустошать въ нихъ все огнемъ и мечемъ; Князь набралъ изъ своихъ подвластныхъ и приверженцевъ войско, и съ помощію 600 копѣйщиковъ приведенныхъ сыномъ его изъ Польши пропивусталъ Косинскому, копорый между тѣмъ осадилъ Пятку. Произошло сраженіе: Козаки разбиты; 3000 пало въ битвѣ; Косинскій,

убѣжавъ изъ Пляшки, выпросилъ у Князя прощение, и вновь произвелъ мяшежъ; наконецъ, вошедши въ Черкасы, гдѣ Спирсною былъ Вишневецкій, и, напившись пьянъ на шру у приверженцевъ сего Князя, бытъ ими убитъ. Лубецкій прибавляетъ, что это случилось въ Мартѣ 1593 года. О. Л. 2—3. Въ своей Лѣтописи я держался сказаній Роголевскаго и Л. К.

4.

Мятежи въ Кіевѣ, Переяславѣ и Лубнахъ. 1594.

Мяшежъ Кіевскій, бывшій по свидѣтельству Л. Р. IV. въ Мартѣ 1594 года, былъ возбужденъ Леоніемъ Пелчичкимъ, Епископомъ Пинскимъ. Около 800 Жидовъ погибли отъ рукъ мяшеж-

ной черни въ волнахъ Днѣпра, а многіе Уніаты перерѣзаны въ монастырѣ Капшоліическомъ: изъ нихъ Іосифъ Брама расперзая. 3. III. — Мяскежъ Переяславскій былъ еще важнѣе. Предводителями мяскежниковъ были: знаменитый Иванъ Лобода и Григорій Трубчевскій. Мяскежъ Лубенскій былъ вовсе не значительнѣе. Поляки успѣли перехватить всѣхъ буншовщиковъ, и казнили. 3. III. Л. Р. IV.

5.

Дума о битвѣ Чигринской съ переводѣ.

— Въ славной нашей Украинѣ бывали когда-то дни бѣдствій, години злощасливыя; бывали и моровыя повѣспрія и мяскежи войсковые. И нѣкому было спастись Украинцевъ, нѣкому было за нихъ

молишься Богу; но Господь Богъ не забываетъ Украинцевъ: Онъ хотѣлъ, чшобы они великими спраданіями искупили свое грядущее благоденствіе. Онъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы, насылая бѣдспвія на землю Украинскую. И вотъ — прошло время бѣдспвій; и вѣтъ уже никого, кто могъ-бы сразитъ насъ. Богъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы. . . .

Не день, не два грабили Украину Поляки, не зная ондыха, держа на головахъ коней своихъ, и днемъ и ночью....

Они шли къ Гепману Наливайку. А Гепманъ Наливайко, чшо думаетъ онъ, о чемъ задумывается? Чшо придумаеъ онъ для благоденствія своихъ шоварищей Козаковъ? Одинъ Богъ шовѣдалъ, и награждаетъ его своей помоцью.

Изъ за горы выходитъ гроза, гремитъ громомъ, идучи къ городу Чигрину, и блестя молніей надъ землею Украинскою. То Поляки переходили чрезъ

при рѣкѣ, а перешедши чрезъ прѣпью спали станомъ, пустили на пастѣбу своихъ коней, и опдыхали при *водинь*.

Что-же думаешь Гешманъ Наливайко? О чемъ задумываешься? Что придумаешь оиъ на погибель Поляковъ? Одинъ Богъ о томъ вѣдаетъ, и награждаетъ его своей помощью.

То не гроза гремитъ по небу громомъ, провожая сяншихъ къ Господу Богу, — шо Поляки бьютъ въ бубны, собираютъ войско свое въ громаду слушаешь рѣчи Гешмана Жолкъвскаго. Сошлись они, выпроились; и, выпроившись, смолкли и начали слушаешь рѣчи Гешмана. И опслушавши сѣдали коней своихъ, и переходили чрезъ *Блую* рѣку: мостили мосты, клали плотины, вбивали колы, крыли ихъ дранью и хворостомъ, и совершали великій переходъ чрезъ *Блую* рѣку. А перешедши спроили шанцы и палисады, устанавливали пушки, и предъ пушками вкопали въ землю три креста. На первомъ крестѣ

Сомико виспнть, виспнть и громко кри-
снть. На другомъ креснть Богуць ви-
снть, виспнть и саблей брячнть. Тре-
пнй креснть — пусной споннть: окъ
жделть къ себъ другихъ Козаковъ и огла-
дываетъ ихъ. Кпо первый подойдетъ,
шого лдро убьешть; кпо второй подбъ-
жнть, шого пуля пронешть; кпо тре-
пнй подскочнть — шопть кресннться
будешть и молинься спанешть,—его доб-
рое — осиковый креснть. Козаки глядѣли,
разглядывали, и шумѣли, и поспавили
предъ глаза Поляковъ шрое знаменъ, и
на знаменахъ писали шакія рѣчи:

— Миръ всѣмъ вѣрнымъ Православ-
нымъ Хриспїанамъ, а врагамъ Полякамъ
весеље въ аду. Креснть сразишь шого,
кпо водрузилъ его. —

И пошли Поляки чепырьмя полями,
чепырьмя полями а плщымъ Подольемъ.
Козаки по всюду, на всѣхъ спычкахъ
побѣждали Поляковъ. Поляки просили
мира,—и получили опказъ. Не шакovy
Козаки — не нмъ забыль напаснь. Не

шаковы и Поляки,—не имъ забыли мщенье.

Было горе и нашимъ, какъ вѣщала кукушка. Чшо вѣщала она, шому шакъ и бышь. Когда черши начнууть миришь правыхъ съ неправыми, уносишь души въ адъ, и въ кучи валяшь. Богъ поможеть намъ опгъ бѣды: Огъ одинъ вѣдаешъ свои думы, свои помыслы, даруя помощь Павлу Наливайку. Не намъ о шомъ размышлять. Нашъ долгъ молишься Богу, крестнишься Спасителю.

Исусъ Хришошь Сыше Божій, помилуй насъ! Дажъ миръ всему Христианству, и всѣмъ намъ здравіе шгьла и спасеніе души. Аминь. —

— Дума о Бишвѣ Чигринской, помещенная въ Кн. I. Зап. Спар. есть опривокъ изъ Думы о подвигахъ Наливайка и Лободы. Списокъ сей Думы существующій у одного собирашеля Малороссійскихъ пѣсенъ и когда нибудь будетъ напечатанъ. Въ опривкѣ напечатаномъ

въ Зап. Спар. на спираниѣ 89 вмѣсто
осоки должно читать *осики*; на спир.
90 вмѣсто: *буде ѣ нашимъ лихо — бу-*
ло ѣ нашимъ лихо. Окончаніе на спир.
91 должно читать такъ: — Миромъ миръ
міру Христьянскому и намъ усѣмъ шѣ-
ла здравіе и душа спасеніе, Аминь. (Со-
общено).

Съ неперивніемъ буду ждать выхода
въ свѣтъ полной думы; а покамѣспѣ пе-
ревожу опрыски, какіе только могъ я
доспѣть, означая мѣста пропусковъ
печками.

Вѣлою рѣкою Запорожцы называли
рѣку Тясмишъ; Черною — рѣку Бугъ;
Красною или Червоною — рѣку Рось.

Что значить слово *година*, упо-
требленное въ сей думѣ? Значенія она-
го, признаюсь, не понимаю. Максимовичъ
перевелъ словомъ: *часъ*.

Кукушку почитаютъ Украинцы за пшницу священную, за предвозвѣстительницу будущаго; этому вѣрятъ и Русскіе (Абевега Рус. суев. 228); и Сербы, и Словаки. Сербы рассказываютъ, что кукушка была прежде женщиной. Пошерьвъ брата, она до тѣхъ поръ плакала и горевала по умершемъ, пока сама не превратилась въ пшницу. Нѣкоторые прибавляютъ, что плачь ея и рыданія нестерпимо надоели покойнику, и онъ проклялъ ее, отъ чего и превратилась она въ кукушку. Другіе утверждаютъ, что и Богъ прогнѣвался на плачущую. Въ Сербіи всякая женщина пошерьвшая брата, если услышитъ голосъ кукушки, начинаетъ плакать (Вуко Стефановичъ). Есть что-то подобное въ преданіяхъ Молдавскихъ, если вѣрится А. де Хиждеу, п. е. его статья: Румунскія народнѣси (Телеск. 1833. No 8. стр. 502 — 503). Сравни Молву. 1833. No 100.

На Украинѣ есть пословица: — Ноч.

ная кукушка денную перекуе. — Чшо
шо за *аллегорія*?

Рассказывая въ Лѣтописи о бывшей
Чигринской, я придерживался болѣе все-
го сказаній Думы, выше сего переведе-
ной.

6.

*Письмъ о сожженіи Могилова съ пе-
реводъ.*

Мнѣ говорятъ, что сія письмъ, по-
мѣщенная подпунктовъ въ Кн. I. Зап.
Снар. 36 — 38., сочинена гораздо позде,
нѣ, можетъ быть, въ концѣ XVIII вѣ-
ка, и что имя Називайка попало въ
нее случайно. Счень хорошо, но гдѣ же
доказательства? Пока не буду имѣть
объ нихъ свидѣній, не могу и опстать
ошъ прежняго мнѣнія своего, кошорое

припомъ утверждается хопъ на неболь-
шихъ доказательствахъ. И не смѣю слѣ-
довать пословицѣ, которая для многихъ
сдѣлалась правиломъ: — хочъ бы гѣрше,
абы нише.

— Дымомъ облекся городъ Могилевъ,
когда шо Войско Запорожское грянуло
изъ пушекъ.

Опусшлѣ городъ Могилевъ, когда
Козаки гуспо погвѣли изъ ружей.

Въ городъ Могилевъ оспались шоль-
ко орлы да змѣи. Они пожирають Ляш-
скіе шрупы; они радующя Ляшскимъ
шрупамъ.

Въ городъ Могилевъ оспались шоль-
ко ши да колоды. Вѣрно, бѣда постигла
цземя Ляшское!

Не сполько бѣда сколько безславые:
оно блуждаегтъ уже по бѣлому свѣшпу
ошъ двора ко двору.

Не шакъ велико безславые какъ ве-
лика радосшъ Козаковъ: алая судьбина

чтитъ Запорожцевъ, и дещъ знашь
себя племени Ллшскому.

Злая судьбина дала себя знашь По-
лякамъ съ равнаго ушра чрезъ нашего
славаго Пана Гешмана Наливайка.

Злая судьба чтитъ Запорожцевъ —
въ подлинникъ: *Кравчину шануючи*.
Кравчина — Кошъ въ мирное время ш. е.
Войско Запорожское. Я думаль, что
впо слово произошло ошь слова *Укра-*
ина, и мѣсто сіе изложилъ въ Ушреш.
Звѣздѣ Ч. II X. 1833. Максимовичъ за-
мѣшилъ мнѣ, что, можеть бышь, впо
слово произошло ошь слова *кравецъ*.
Кажешся, что съ внимъ нельзя не со-
гласишься; ибо слово кравецъ употреб-
ляешся иногда Лѣпописцами, въ значеніи
слова воинъ. — II кравци собрашася на
Раду, положиша вабѣгъ сопротиву Ага-
рянъ Буджакъ — (З. III. О войнахъ съ
Ташарами выписки изъ Лѣпописей). И

Наливайко быть также кравцомъ, какъ говоритъ Максимовичъ. Если произведе-
нiе слова Кравчина отъ слова кравецъ
и не имѣеть дослупочныхъ доказа-
тельствъ, то покрайней мѣрѣ не столь
нашпцупно, какъ мое преемное.

7.

*Письмъ объ убiенiи Наливайка съ
переводъ.*

Ковисскiй, не упоминаетъ о битвѣ на
Солошицѣ, говоритъ, что на рѣкѣ Слу-
чи по повеленiю Короля послѣдовало
примиренiе между Поляками и Козаками;
что въ 1597 году, когда Козаки отпра-
вляли въ Варшаву депутатовъ, съ ними
поѣхалъ и Наливайко; что всѣ они при-
ѣхавши въ Варшаву были взяты и по-
сажены въ тюрьму, и чрезъ два дни сож-
жены въ мѣдномъ быкѣ.

Яичинскій, въ жизни Жолкъвскаго, говоритъ, что Наливайко былъ неоднократно разбитъ Поляками, и взятъ въ плѣнъ; что въ Варшавѣ содержали его по Козацки: не давали заснуть и будили обухомъ сѣкиры, и попомъ посадили на раскаленного коня въ раскеленномъ вѣнцѣ. (С. У. 105). Сравни Нѣмцевича D. Z. X. III. R. V. Нѣмцевичъ, думаю, не выдумываетъ, но шакъ умѣетъ скрывать правду, что и она кажется ложью:

— Славны спали Запорожцы, когда начали воевать пропивъ Польши, и изъ мести передали *оборотнямъ Католикама* свою злую судьбу.

Та злая судьба, ша злая судьба въ башнѣ пюремной насмѣхалась надъ Наливайкомъ будпо надъ бѣдной вдовой.

Вдовинъ сынъ, вдовинъ сынъ! У тебя есть еще братья, и шѣ братья швой Козаки богаты удалью.

Всѣ Козаки сходились на Раду, и на Раду рѣшили выступить въ походъ противъ Поляковъ.

Расходились Козаки, распустивъ Раду, и выкапывали изъ подъ камней свои богатые клады.

Они продавали свои клады, и покупали ружья, и накупивши ружей, выступали въ походъ.

Предъ ними Голый летаетъ яснымъ соколомъ, богатырски гарцюетъ онъ на ворономъ конѣ.

Раннимъ утромъ Козаки приблизились къ Случи, и начали жужжать изъ кушекъ, призывая Каполикъ.

И Поляки слышали, и загремѣли въ опивѣть. Да будетъ-же имъ шажко, шажко, что они гремѣли.

Что они гремѣли, то предвѣщали они Козакамъ бѣдспвія. И Козаки Гайдомаки думали и гадали.

Они думали и гадали; они думали и гадали; и шажко, шажко горевали о своемъ Гецмагѣ.

А въ Варшавѣ на Радѣ судили судьи,
и осудили Наливайка смочь въ мѣдномъ
быкъ.

Поляки осудили Наливайка на сож-
женіе;

Козаки присудили опомспинь По-
лякамъ.

Оборотни — Воскулаки. Эшо лю-
ди, превращенные въ волковъ. Повѣрье
о нихъ распространилось между всеми
племенами Славянскими. Русскіе называ-
ютъ ихъ *оборотнями* или *упырями*
(Абевега Рос. Суев, 263); Морлаки *Ва-*
кодлаками, и вмѣстѣ съ Трансильванца-
ми вѣрятъ, что сіи чудница любятъ
высасывать кровь у дѣтей. Когда уми-
раютъ у нихъ полтъ человекъ, коего
они почипали оборотнемъ, по ему под-
рѣзываютъ жилы подъ колѣнами и иска-
лываютъ все шѣло для того, что-бы
онъ не могъ возвратиться къ живымъ.
Часто Морлакъ умирающій, чувствуемъ

въ себѣ жажду къ крови дѣтской, при-
 казывають съ собою поступать по смер-
 ни какъ съ оборотнемъ (Fortis, Voyage
 en Dalm. L. II.). Такое поуче повѣрье
 находится и между Поляками (Войницъ-
 кій, о Wilkodlakach. Dz. Warszaw.
 1828. N 33. 176 — 180 Pamiętnik Warsz.
 1820. XVI). Дульчевскій въ своемъ Ка-
 лендарѣ на 1759 годъ говоритъ: Lubo
 czarownicy nie mogą istoty odmieniać w
 wola, w konia albo inższe bydle lub zwierze,
 mogą jednak powierchowinie odmieniać
 w jaka chcą bestyia i przydać jej akcyę
 takiego zwierzecia. Tacy bywali na Zinud-
 zi, Polesiu i w inszych Prow. Pol. Wil-
 kolacy (Kalend. pol. i rus na r. 1759).
 Богемцы и Словаки имѣють также по-
 добное преданіе, и сообщили его Вен-
 грамъ, у коихъ есть нѣсколько пѣсень,
 повѣспвующихъ о жизни оборотней.
 Сербы также вѣрятъ существованію
 волколаковъ. — Почитаю не бесполез-
 нымъ замѣтить, что подобное повѣрье
 существовало и у Скандинавовъ, чему-

доказательствомъ можетъ служить рас-
сказъ о Біорно Ринговичѣ, Царѣ Уи-
ландскомъ, превратившемся въ мѣдвѣдъ, —
рассказъ помѣщенный въ Сагѣ о Рольвъ-
Кракѣ. — Геродотъ пишетъ о Неврахъ,
что они, зная науку чарованій, въ извѣст-
ные дни года, могли измѣняться въ вол-
ковъ, и слова обращаясь въ людей.
Карамзинъ изъясняетъ это очень легко:
„по естѣ зимою покрывались волчьими
кожами.“

Вдовинъ сынъ. Изъ сказаній Нични-
скаго и нашихъ Лѣтописцевъ, хотя они
довольно подробно говорятъ о Наливай-
кѣ, не видно что-бы онъ былъ сыномъ
вдовы. Можетъ быть Бандуриситъ подъ
именемъ вдовы мащери Наливайка разу-
мѣетъ Украинцу?

Почти всѣ Лѣтописцы единогласно
говорятъ, что Гепманы Запорожскіе,
попадавшіеся въ руки Ляховъ, были со-
жигаемы въ мѣдномъ быклѣ, или на

мѣдномъ волѣ. До сихъ поръ пока я не зналъ пѣсни объ убіеніи Наливайка, я всегда вѣрилъ вмѣстѣ съ Нѣмцевичемъ, что подобныя казни изобрѣлены какими нибудь инокомъ для своей лѣтописи, и мало по малу разошлись по другимъ лѣтописямъ; но свидѣтельство пѣсни, преданій народныхъ, и Поляка Янчинскаго (о раскаленной лошади) въ жизнеописаніи Жолкѣвскаго, заславляющъ меня переимѣннъ мѣннѣ; и я не внесъ сей казни въ свою лѣтопись только потому, что Лѣтописи смѣняютъ ее иногда какою нибудь другою, и часно прошивурѣчаютъ другъ другу. Споймъ прочесть одну Испорію Руссовъ, что бы увидѣшь сколь хитры были Поляки на выдумку казней или въ самомъ дѣлѣ или въ фантазіи Лѣтописца.

Въ Лѣтописи моей, повѣствуя о подвигахъ Наливайка, я придерживался преимущественно сказаній Вуйковича (Вы-

писки изъ его Synopa. De bel. Cos), ко-
шорый умѣлъ очень искусно свести раз-
личныя показанія Лыпописей Укр. Ему-
же слѣдовать, хопя не всегда, и Нѣмце-
вичъ. D. Z. X. III. R. IV i V.

8.

*Письмъ о подвигахъ Лободы въ пе-
реводѣ.*

— Зазвонили колокола въ городѣ Ба-
шуринѣ: шо Козаки Гайдомаки рассу-
ждали на Радѣ. Они рассуждали на Радѣ,
какъ прошивуспашь Польшгъ, и рѣшили
соединишья съ Украинцами.

И выпутили Гайдомаки въ походѣ.
Хопя ихъ всѣхъ на все шолько 1200,
за шо богаты они опвагой.

Предъ ними вдепъ Панъ Сулима Ко-
шевой Ашаманъ. Чего же бояшья, что
онъ чернобровый? Панъ Сулима, Панъ
Сулима собираешъ Козаковъ, и всѣмъ

Гайдомакамъ шакъ говоритъ: — Товарищи Гайдомаки, — исполнише волю мою. Намъ должно опомснись за бѣдспивіи Украины. Хопя насъ, Паны Гайдомаки, всѣхъ на все шолько 1200, но много опваги у насъ. Много опваги у насъ, когда вадумаемъ сразись съ Поляками по доброй волѣ. — Тогда обозвался Чура Лободы; князешся Козакамъ и говоритъ шакія рѣчи. — Паны Гайдомаки будше добры, опмиснись Ляхамъ за моего Пана Ивана. О мой Панъ Иванъ! гдѣ добыть ты шолько храбрости, шпо первый рѣшился прошивоспашь Ляхамъ, — и прошивоспашь ни о чемъ не думая! О мой Панъ Иванъ, другъ Наливайка, ты сразилъ Поляковъ, сразилъ, — и думаешь забыть. О, мой Панъ Иванъ, куда дѣвался ты, когда понадобился Полякамъ въ шемницѣ каменной? Вспомнише, Паны Гайдомаки, моего Пана Ивана, и за моего Пана Ивана, и за моего Пана Ивана опмиснись Полякамъ. Если вы хопише соединись съ Украинцами, шпо вамъ долж-

но моего Пана Ивана вспоминашь добрымъ дѣломъ. Когда Поляки хотѣли покорить Украину власпи своею, то наши Козаки высунули въ походъ съ Паномъ Ивановомъ; когда Поляки покорили Украину власпи своею, то наши Козаки съ Паномъ Ивановомъ разбивали Поляковъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣпились съ ними на Бугѣ, и два раза принудили Гепмана Попоцкаго спастись бѣгствомъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣпились съ ними на Пруть: то было, что они порядкомъ опустошили Цецору. Было добро. было счастье, — настала и бѣда. Раннимъ утромъ въ день воскресный казнили Пана Ивана. . .

Бандуристъ, говоря о побѣдахъ Лободы надъ Поляками у Буга разумѣеть, конечно, битвы Пляшковскую и Ладжицкую; но кто такой Попоцкій, котораго по словамъ Бандуриста, Лобода обратилъ два раза въ бѣгство? Ни одинъ

изъ Попоцкихъ не былъ въ то время
Гешманомъ. Можесть бысть, здѣсь долж-
но разумѣть Яна Попоцкаго, Старосну
Каментцкаго. D. Z. I. Rr. III i V.

Лобода былъ, кажется, первый ге-
рой Запорожскій осмѣлившійся пропиво-
спать Полякамъ. И въ возстаніи Коза-
ковъ съ Косицкимъ, и въ ополченіяхъ
Оспрожскихъ Князей, и самъ лично, и
съ Наливайкомъ, — вездѣ и всегда, сколь-
ко было возможно, — онъ принимаетъ са-
мое дѣятельное участіе. Невольно подо-
садуешь на невѣжество Львописцевъ
нашихъ: въ памяти народной все каса-
тельно сего далекаго времени покрыто
непроницаемымъ туманомъ, а на письмѣ
одни намеки. . . . Можесть бысть, Лобода
былъ человекъ великій, человекъ, копо-
рому Украина обязана первою мыслию
объ освобожденіи отъ власти Польской.
Можесть бысть, онъ въ Исторіи Укра-
ны былъ тоже въ отношеніи къ Хмель-

лицкому, чюо Іоаннъ III въ отношеніи
къ Пешру. . . . Въ повѣствованіи о Ло-
бодѣ я придерживался сказаній Вуйко-
вича.

О Султанѣ см. выше стр. 58 — 60.

9.

Тетеренко.

Два пѣсни о немъ съ переводъ.

Федоръ Тетеренко былъ Асаулъ
Каневскаго куреня, и защищалъ Канев-
скія Козачьи поселенія, когда предъ Чи-
гринскимъ сраженіемъ напалъ на нихъ
Коронный Гешманъ Спаниславъ Жол-
кѣвскій (см. выше стр. 32) Въ семь
дѣлъ помогалъ ему, вѣроятно, опецъ
его, Тетеря Кошевой Ашаманъ (П. П.
У. Л. Р. и пр.). Опецъ съ сыномъ, какъ
говорить пѣснь (см. Зап. Спар. I. 1. стр.
42 — 46), взды въ плѣнь, опхвезены въ

Варшаву и посажены въ шпурьму; однако
нѣтъ, ни случай уйдши и разбишь Поля-
ковъ у города Бендеръ, и Ташаръ у
Аккермана. Незавѣсно, какой случай за-
сшавилъ Тешеренка перейти на спорю-
ну Поляковъ, принялъ Унью, сдѣлашься
опискувникомъ опъ вѣры предковъ. Мо-
жетъ бытъ, онъ былъ одинъ изъ пер-
выхъ опискувниковъ между Козаками.
Прочтемъ пѣсню въ которой говори-
ся о сихъ обшпомнелствахъ.

— По горъ вѣелъ вѣперъ, воепъ и
завываспъ; а въ долинтъ [храброе войско
выспунаепъ въ походъ. Оно выспуна-
епъ въ походъ пропиву невѣрныхъ. Оно
снаржаепъ коней и просипъ своего
Апшамана: — Папъ Апшаманъ, храбрый
Тешеря! Веди-же насъ пропиву невѣр-
ныхъ. — Спрашусь пораженія. — Чшо
намъ до пораженія, лишь бы намъ сра-
зипься. Не вѣчно-же намъ оставалъ-
ся здѣсь подъ Каневымъ. — По горъ вѣ-

есть въперъ. Въ долиахъ жнутъ жнецы; а по дорогѣ Серпяжской везутъ Тешерю. Его везутъ, а онъ хощь бы чшо. Или онъ боленъ, или онъ пьянъ, спарый Тешера? Его везутъ, а онъ хощь бы чшо. Съ Тешерею везутъ его молодого сына. — Спарый отецъ мой, чшо-шо будешъ съ нами? — Не чшо — — Поляки везутъ насъ въ Варшаву. А въ Варшавѣ на Радѣ разсуждають судьи. Насъ привезутъ въ Варшаву, и запрутъ въ шемницу. Запрутъ въ шемницу, и не дадутъ намъ хлѣба, не дадутъ и воды; не дадутъ и вина. Намъ дадутъ шолько сырую землю. Ъжь, хощь давись. Но глди, не глди: не увидишь шебъ свѣшу Божьяго. — По горѣ вѣенъ въперъ, а по полю раздаеися звонъ цѣпей: Тешерю съ сыномъ везутъ въ Варшаву. А на рѣчкѣ на Вислѣ судятъ, разсуждають судьи: казнишь-ли Тешерю или заключишь его въ шемницу. Заключили Тешерю съ сыномъ въ шемницу, и при-

судили продаць его невѣрнымъ. Погорѣ
вѣснѣ вѣшерѣ, а надъ Бендерами дымъ.
Тамъ Тешера съ сыномъ чудесно пора-
жаетъ Поляковъ. По горѣ вѣснѣ вѣ-
шерѣ; вѣснѣ онъ къ Акерману. Тамъ
Тешера съ сыномъ поражаетъ уже и
невѣрныхъ. По горѣ вѣснѣ вѣшерѣ, а
по полю раздается гулъ пиршества:
то Тешера съ сыномъ угощаетъ Поля-
ковъ. Угощаетъ, прощаетъ, но не мо-
жетъ угостить. Тешера уже одинъ
безъ сына, ходитъ и крушится. Онъ
крушится, горюетъ, и не переставаетъ
горевать: — Прощай, сынъ мой, сердце
мое, мое милое сердце! — Рыболовъ по бе-
регу вѣлся словно ласпочка. Носитъ,
жестко носитъ о сынъ сердце ошцов-
ское. Плачь, плачь, Тешера, о миломъ
сынъ своемъ. — Уже не ворошился ты,
мой сынъ, изъ Польши, изъ Варшавы. О,
лишь бы только Богъ сподобилъ тебя
не умереть въ Польшѣ. Тамъ никто не
взгрустнетъ по тебѣ. Развѣ только
воронъ, одинъ воронъ прилетишь къ

шебѣ, и саденѣ, насаденѣ на шрунѣ
швой, и спашенѣ клевашѣ его. И покле-
ваши переспашенѣ. Тогда придешицѣ
кукушка, и наченѣ плакашѣ надѣ шру-
ноуѣ швоицѣ. И шолько воронѣ да ку-
кушка будушѣ знашѣ, гдѣ шы лежалѣ; и
шолько одна кукушка буденѣ горевашѣ
о шебѣ. Жаль миѣ шебѣ сынѣ мой, мой
мильнѣ шонѣ, чшо промѣнялѣ шы свою
вѣру на вѣру чужую. —

Долго-ли Тешперенко жилѣ между
Поляками и Уніашами, — объ этомѣ нѣшѣ
никакихѣ свѣденій ни въ Лѣтописяхѣ
ни въ преданіяхѣ народныхѣ; не извѣс-
шенѣ даже ни одинѣ изѣ его подвиговѣ.
Можно впрочемѣ догадывашѣся, чшо Те-
шперенко за прежніи дѣла свои заслужилѣ
уваженіе между Козаками; а, сдѣлавшисѣ
опшпунщикомѣ, вредилѣ Украинѣ и Вой-
ску какѣ человекѣ сильнѣй. Наконецѣ
Гайдомака Случай поймалѣ его, — и ли-
шилѣ жизни: о семѣ общошпелѣшлѣ

говорить пѣсни (Зап. Спар. No I. стр. 49 — 53). Вотъ Русскій переводъ сей пѣсни:

— Славна спала, славна спала Рада
Чигринская: она угбила всю Украину.
Славна спала, славна спала Чигринская
быва: на ней пали Каполики изъ По-
долья и Польсья. Славна спала, славна
спала Чигринская гроза: молодцы За-
порожцы опояли всѣхъ Каполиковъ.
Не столько они опояли Каполиковъ,
сколько принесли себѣ радости; не
столько себѣ радости сколько Польш-
камъ, даровавши имъ миръ. Одно поль-
ко горе: Тетеренко подружился съ Ля-
хами, и, забывъ стыдъ, началъ разорять
вѣру Православную. — Раздался ропотъ;
начались споры: по Козаки сходились на
вольную Раду. И положили на Радѣ и-
скасть Тетеренка, и захвативши его, въ
плѣнь опрубили ему голову. Тогда
обозвался храбрый Случай, и шакъ го-

ворить: — я его поймаю; я опрублю ему голову. Но прошу у васъ, Гайдомакъ, одной милосши: — подарите мнѣ, Случаю, душу нечесшивца. — И пошелъ Случай бродить, искалъ Теперенка. И воптъ, онъ приближался уже на конь своемъ къ городу Варшавѣ. И когда спать онъ приближашься на конь своемъ къ городу Варшавѣ, Теперенко съ Поляками спать выѣзжашь изъ лѣса. — Здравспвуй, здравспвуй, Теперенко! Какъ живешся швоей милосши? . . . Гайдомаки приказали шебя поймашь. — Тогда Поляки напали на Случая; а Случай началъ Гайдомакъ битъ и рубитъ. И когда всѣхъ побилъ, всѣхъ порубилъ, шогда связалъ Теперенка, привязалъ къ коню, и полетѣлъ на немъ во всю прышь. Случай, Случай не-селся, а Теперенко бѣгшя, и проситъ онъ, и молитъ Случая; но Случай отвѣ-чаетъ ему: — Бѣда минетъ. — И минула бѣда, когда минули они степи, и быспро принеслись къ Великой Сѣчи.

*Поѣсть Комисскаго о слѣдствіяхъ
смерти Наливайка.*

— По испребленіи варварскимъ образомъ Гешмана Наливайка вышелъ опгъ Сейма и вельможъ, имъ управлявшихъ, такой-же варварскій приговоръ на весь народъ Русскій, въ которомъ объявляеъ опгъ вѣроломнымъ и буншнымъ, и осуждеъ на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ его было оплученіе депушатовъ Русскихъ опгъ сейма національнаго и всего рыцарства опгъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, опборъ Спароспвъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній опгъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо холопами; а народъ, опвергавшій Унію, схизматика-

ни. . . . Города заняты гарнизонами и чинами Польскими, а селенія войсками; нигь-же всьмь дана была полная воля; и они грабили, насилывали женщинъ, а дѣшей мучили, убивали; обращали храмы Православныя на Унїю. Духовенство Унїашское ѣздило въ колесняхъ, запряженныхъ 12 — 16 челоуѣкъ изъ Православныхъ; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду. . . Войско Козацкое примѣшно уменьшилось. . . .

11.

Повѣсть Конисскаго о слѣдствїяхъ Брестскаго Собора.

— Соборъ Брестскїй возбудить въ народъ всеобщее смяшенїе. Для удержа-нїя онаго въ мирѣ войска Польскія вошли въ Малороссїю подъ начальствомъ Короннаго Гешмана, и помогали Унїа-

паче увеличавати число своихъ приверженцевъ. Уніапы дабы лучше дѣйствовашь на народъ издали посланіе къ Православнымъ и небольшія воззванія, кои прибывали у церкви, убѣждая Малоросіянъ слушатись власней, кои дѣйствующь по волѣ Божіей на пользу ихъ телесную и душевную, и грозя ослушникамъ проклятіемъ и оплученіемъ отъ церкви. Кромѣ того сіи *ходатаи* объ *исправленіи еври* (выраженіе др. Лѣтописи) перемѣняли аяпимисы и прѣбники, и выдумывали обряды для чествованія и прославленія Папы. Воины Поляки, бывъ разставлены при всѣхъ значѣйшихъ церквахъ особенно въ важныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ клѣнчиться въ церкви и бить себя въ грудь по-Римски, а при чпеніи Символа Вѣры прибавлять извѣстное рѣченіе о св. Духѣ, при чемъ возносимы были сабли на главы народа съ угрозами рубить неповинующихся. —

Помнящее Послание Уніаповъ помѣщено въ И. Р. цѣликомъ, и цѣликомъ также внесено въ И. М. Р. 171 — 173. *Нѣкоторые* думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою фантасіею въ послѣдующее время; что будшо-бы даже есмь и подлинное, — гдѣ-шо, въ какой-шо иносправной книгѣ. — Какъ-бы ни было, И. Р. любопытна какъ Собраніе подобныхъ документовъ.

12.

Письмъ о Сагайдачномъ въ переводѣ.

Банпынгъ-Каменскій полагаетъ, что Сагайдачный началъ гешманствовашъ въ 1606 году, — и, кажется, ошибочно. Гораздо правильнѣе, или хоть правдоподобнѣе сказаніе Ковисскаго, который говоритъ что онъ избранъ Гешманомъ въ 1598 году. Гешманы: Головченко и Го-

лубъ, о коихъ говорятъ Остроумскій и Штебельскій, были, вѣроятно, вольноизбранные чашью Козаковъ, преданныхъ Польцѣ, подобныя Косицкѣ и Бородавкѣ. Ванпшгъ-Каменскій пишетъ (Срав. С. У. 112 — 120), что Сагайдачскій, былъ низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, бодрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, права жестокаго, несповаго, проливавшій кровь за малѣйшее пресупленіе, неумѣренный въ чувственныя наслажденія, И. М. Р. I. 162). Нѣмецкиъ пишетъ о немъ не такъ (D. Z. III. 522—533). И. У. называетъ его первѣйшимъ защитникомъ благочестія (стр. 74). Отрывокъ изъ пѣсни о подвигахъ Сагайдачнаго (Зап. Спар. № 58 — 60) можеть опчасни показать истинне объ немъ Козаковъ и отношеніе, въ какомъ находился онъ къ нимъ. Вотъ переводъ этого отрывка.

— По горѣ жнецы жнутъ, а подъ горою, подъ зеленой горою, Козаки идуць.

Впереди идесть Дорошенко, и спрочно ведеть свое войско, свое Запорожское войско. А въ среднѣ идесть Павъ Хоружій: смлекъ и крѣпокъ его конь, его конь вороной. За нимъ идесть Сагайдачнѣй: онъ промѣялъ жену свою на шабакъ и прубку. — Воропись Сагайдачнѣй! Возьми свою жену, брось прубку свою! — Недосугъ мнѣ вознѣся съ женой, а прубка табаку пригодилъ въ пуши Козаку. Гей, кпо шамъ въ лѣсу, озовись! Не горюй! Мы выкрешемъ огня. Мы закуримъ прубки! —

Дорошенко, о кошоромъ упоминаешся въ сей пѣснѣ, есть Михайлъ Дорошенко, бывшій въ 1625 году Апшаномъ Кошевымъ. Въ то время къ кошорому относилъ пѣсня, онъ былъ вѣроятно еще Бунчужнѣмъ, кошорѣй, по обычаю Козацкому, съ бунчукомъ Гепшманскимъ всегда шель предъ войскомъ, сопровождаемѣй главной дружиной Козаковъ ре-

вспровыхъ. Припомнимъ опрывокъ изъ
пѣсни, помѣщенный на 115 стр. Запор.
Спар. No 1: — Въ первомъ шаборѣ были
всѣ рееспровые; во второмъ шаборѣ
всѣ Хорунжин; а въ третьемъ шаборѣ
всѣ Куренные (върошно, охочеконен-
ные).

Максимовичъ иначе думаетъ о сей
пѣснѣ, утверждая, что она относится
не къ Гепману Сагайдачному, а какому-
то забубенному спутнику Дорошенка.
(Телескопъ. 1834. No 6. 92. и Мал.
Пѣсн. Москва. 1827. 214). Можетъ
быть и правда; но доказательствъ? И
почему же о спутникѣ Дорошенка на-
родъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ
ничего; какъ между тѣмъ Гепманъ Са-
гайдачный, упоминается и въ сказкахъ,
хотя жилъ и прежде Дорошенка? Помня
Дорошенка, народъ, конечно, помнилъ бы
и его спутника, если сложилъ о немъ
пѣсню.

Копыревскій говоритъ, что про-
званіе Сагайдачный происходитъ отъ сло-
ва Сагайдакъ — шуль, влагалище спираль.
Иные думаютъ, что прозваніе Сагайдач-
наго Конашевичъ получилъ отъ того,
что имѣлъ земли по шляху Сагайдачно-
му, или Сагайдаку, ш. е. дорогѣ проло-
женной между солончаками. О шляхѣ
Сагайдакъ есть пѣсня чумацкая. Вотъ
опривокъ изъ нея, мнѣ извѣстный:

— Ой ѡхавъ ша чумаць изъ волами,
Та по сѣль, ша по сѣль изъ волами.
Та ѡхавъ чумаць, ша ѡхавъ чумаць шѣмъ
довгимъ шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагай-
дакомъ.

Ой и зуспрѣлись ёму Горбунѣвци:

— Де були, де блукали, панопци?

— Ой блукали, чумаче, шѣмъ довгимъ
шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагай-
дакомъ;

Та ѡ блукали не одни, зъ Гешманськимъ
рапомъ

Що надъ сагою, що надъ байракомъ ;
Та й привернули до Панського рога,
А у Панському розаї, при бидній дорозі,
Пана Гордія слухали до ночі. . .

— Друга дїсня доспавледа мнѣ **И. В. Росковщенковимъ**, которому обязанъ искренности признапельностью за богащій вкладъ въ мою Украинскую скриню. —
Еще одна чумацкая дїсня о Сагайдакѣ, доспавленая мнѣ **И. Лисавицкимъ**, начинається такъ:

— Браще, браще чумаче, а де заночуемо?

— Ой заночуемо біля Рябій могилы. —
Шляхомъ Сагайдакомъ чумака водили,
Та й у могилы похоронили.

Поховали его, покинули его,

Тамъ-жъ Рябля могила зъ вѣтромъ гово-
рида:

Та про Козака Сагайдака гомонила. . .

— Близъ мыса Кичкаса на лѣвой споро-
ронѣ Дивпра у самого берега естѣ лѣсъ
для роща называемая Сагайдакомъ! — Не
подалеку опъ рѣки Самари въ Изюм-

скомъ уездѣ Хар. Губ. еспь могла называемая также Сагайдакомъ и мѣловая гора съ пещерою того-же имени.

13.

Походы Козаковъ противъ Татаръ и Турокъ.

Время Сагайдачнаго еспь время военной славы Запорожцевъ. Не проходило года, что-бы они не отправлялись или въ Крымъ или въ Анаполию. Современникъ сихъ событій Лубенскій говоритъ: — hoc genus hominum parvis cymbis quarum singulae non plures quadraginta milites capiunt, per ostia Borysthenis egressum, Asiae minoris Thraciaeque littora pervagatos esse ac excursionem factâ urbes et oppida expilasse, ipsi Regiae urbi Constantinopolitani non semel terrorem incussisse, quod et hiscè annis aliquoties factum fuisse scimus; — и еще: — saepe terrâ sed frequentius mari

rem gerere, furtivis excursionibus, potissimum iis in quorum confinibus versantur Christiani nominis hostibus graves molestosque esse. . .

Подробно о сихъ походахъ и набѣгахъ говоритъ Воппанъ.

— Козаки—говоритъ онъ—почти ежегодно на ладьяхъ своихъ разгуливаютъ по Черному морю для нанесенія ударовъ Туркамъ; неоднократно грабили они владѣнія Крымскаго Хана, опустошали Нащолю, разоряли Трепизонитъ, доплывали до Босфора и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу. Число Козаковъ, предпринимающихъ такіе набѣги, не превышаетъ — 10,000 воиновъ. Задумавъ погулять на морѣ Козаки испрашиваютъ дозволеніе не у Короля, но у Гепмана. —

— Иногда не у Гепмана, а у Ашамана; иногда выспунали въ походъ и сами по своей прихоти, какъ шо очень часно, дѣлывали Гайдомаки. =

— Попомъ соспавляютъ Раду, и выбираютъ на время походаго Апшана.—

— Очень часто Козаки ходили въ походъ подъ начальствомъ самихъ Гепшановъ или Кошевыхъ Апшановъ. —

— После сего они хорошо вооруженные отправляются въ числѣ 5 или 6000 въ Войсковую Скарбницу со снарядами и запасами, необходимыми для похода и для поспройки ладій; и, поспроивши оныя, обыкновенно послѣ Иванова для отправленія въ походъ, возвращаясь не позже первыхъ чиселъ Августа мѣсяца.

— Морскіе походы Низовыхъ Козаковъ—говорить Шафонскій,—начинались съ ранней весны и оканчивались поздней осенью во время новой прибыли воды на Днѣпръ. —

— Ладьи Козацкія спускаются по Днѣпру, и плывутъ шакъ тихо, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами.—

— Не правда. Обыкновенная форма расположенія ладій у Козаковъ была—

гусемъ весли, — или журавлемъ шлюпки: гусемъ или гусакомъ ш. е. одна за другою рядомъ; журавлемъ ш. е. угломъ, такъ что главная ладья соснаждала средку и передъ, и была обыкновенно снабжена пушками. =

— Ашманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе узнають о предпріятіи Козаковъ, и чтобы удерживать ихъ, разспавляютъ галеры свои на устьѣ Днѣпровскомъ. —

= Откуда могутъ Турки узнать о предпріятіяхъ Козацкихъ? Лубенскій именно говоритъ, что Козаки ходили на невѣрныхъ *furtivis excursionibus* (Сенс. Jul. Vel. 225). — Турки не одними галерами, нарочно для сего посылаемыми — по словамъ Боплана — удерживали Козаковъ отъ выхода въ Черное море, но имѣли на устьѣ Днѣпра нѣсколько крѣпостей, снабженныхъ пушками, о чемъ упоминають многіе Лѣтописцы. =

— Хитрые Козаки для выхода въ море набирають ночь самую темную,

предъ новолукіемъ, а до того времени скрываючися въ 3 или 4 мѣлахъ оупъ уопья Дѣвпра, въ комьпахъ, куда галеры Турецкія, помня прежіюю неудачу, не смѣютъ показаться: оупъ сперегутъ Козаковъ только на уопья, и всегда безъ успѣха. Впрочемъ провадь Козаковъ чрезъ Лимаъ не можеть совершено укрыться оупъ спражи; вѣспь о выходѣ ихъ въ море быспро распро-спраяется по морскому берегу до самаго Конспаннинополя. Султанъ разсылаеть гонцевъ по берегамъ Наполи, Булгарин и Румелин для предоспереже-нія жищелей. Но все это ни къ чему не служить. Козаки, пользуясь и временемъ и обспомпельспвами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Дѣвпра причаливають къ берегамъ Наполи, и, оспавивъ для караула на каждой ладѣ по два поварища и по два мальчика, вооруженные пищалами дѣлають высадку, нападають врасплохъ, приспупомъ беруць города, грабяць, жгутъ, опуска-

знають [Наполею, не рѣдко на цѣлую милю
отъ морскаго берега; попомъ немедленно
возвращающагося къ судамъ, нагружающаго
ихъ добычею, и плывущаго далѣе на новыя
поиски.]

— Очень хорошо; но что же такое
былъ Султанъ? Онъ галерами удержи-
валъ Козаковъ отъ выхода въ море, а не
посылалъ галеръ къ Козацкимъ судамъ,
когда онѣ осмѣивались подъ надзоромъ и
охраненіемъ шощаго караула; онъ увѣ-
домлялъ своихъ подданныхъ о нападені-
яхъ Козаковъ, слѣдственно зналъ и родъ
сихъ нападеній, и слѣдствіямъ оныхъ, слѣд-
ственно жалѣлъ своихъ подданныхъ, а
не думалъ объ опраженіи Козаковъ вой-
сками, и предоспалялъ имъ свободу гра-
бить города. . . Онъ, Султанъ, спраш-
ный Польшею и Германіи! — Что нибудь
да не шакъ! =

— Если есть надежда на успѣхъ, то
иновъ дѣлають высадку; если нѣтъ, воз-
вращающагося съ добычею на родину. Если
попадушя имъ на встрѣчу на морѣ Ту-

реція галеры или купеческіе корабли, они бросающа на нихъ въ абордажъ. Замѣчаютъ-же они корабль непріятельскій или галеру прежде, нежели Турки замѣчатъ ихъ ладни, возвышающіяся надъ морскою поверхностью не болѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, Козаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра, и спешившись такимъ образомъ, что-бы къ вечеру солнце было у нихъ за спиной. За часъ до захода солнца они плывутъ на всѣхъ веслахъ къ кораблю и спешиваются на милью отъ него, что-бы не упустить непріятеля изъ виду. На конецъ въ полночь по данному знаку устремляются на врага: половина удаляется, гошovýchъ къ бою, съ непергвнїемъ ждегъ абордажа; и, сѣпившись съ Турецкимъ судномъ, въ одинъ мигъ всходятъ на оное. Турки успеваютъ; а Козаки, забравъ деньги, негромоздкіе шовары, которыми не вредитъ подмочка, пушки и все шю, что можетъ быть для нихъ

полезно, пускаютъ корабль на дно со
всѣмъ его экипажемъ. —

== Иногда и сожигали: подобныхъ слу-
чаевъ Лънописцы рассказываютъ много. ==

— Козаки иногда только прешертивва-
ютъ поражениѣ, когда сойдутся съ Ту-
рецкими галерами среди бѣлаго дня;
иногда пушечные выстрѣлы губятъ ихъ
ладн въ морской безднѣ, и Козаки и-
щутъ спасенія въ бѣгствѣ. Если же
рѣшаются на битву, то, привязавши
весла по мѣстамъ, одни изъ нихъ, не
прогавсь съ лавекъ, спрѣляютъ непре-
рывно изъ самопаловъ, а другіе заряжа-
ютъ ихъ и подають поварницамъ; и та-
кимъ образомъ мѣлкіе выстрѣлы ихъ
не допускаютъ Турокъ до ручной схват-
ки. —

== Но развѣ Козаки боялись ручной
схватки съ Турками? Кажется, для нихъ
были страшнѣе ихъ пушки. Козаки бы-
ли лихіе борцы, и мѣлко спрѣляли изъ
пищалей, и ловко рубились на саблахъ. ==

— Впрочемъ урокъ соспороны Козаковъ бываетъ всегда великъ: рѣдко уцѣлѣешь изъ ихъ дружины и половина. —

— Сказаніе чрезвычайно важное. Если такъ великъ былъ ихъ урокъ всегда, т. е. по нѣскольку разъ ежегодно, то чѣмъ пополнялась убыль дружины? Вся Украина совсѣмъ народонаселеніемъ своимъ могла-бы скоро превратиться въ пущыню; если-же Украина не только не пущыля, но заселялась все болѣе, то, вѣроятно, были побѣги изъ спранъ чуждыхъ въ Кошъ Запорожскій, и побѣги огромными толпами. Но было-ли это? Вліяніе чужеземцевъ иновѣрцевъ на нравы и обычаи Козаковъ было-бы въ такомъ случаѣ такъ сильно, что въ продолженіе шрехъ вѣковъ Козаки совершенно потеряли-бы свою народность; и между тѣмъ Козаки XVIII вѣка не разнились почти ничѣмъ отъ своихъ предковъ вѣка XVI. Даже самый языкъ — не говоря уже о вѣрѣ — измѣнился очень мало. — Спало бышь: —

— Наконецъ насъшаетъ время возвра-
та на родину. Турки между швъгъ уси-
ливаютъ спражу на устьѣ Днѣпров-
скомъ; но Козаки смѣются надъ эшимъ
даже и тогда когда бившы съ непрямше-
лемъ уменьшили число ихъ, или волны
морскія поглотили нѣкоторыя изъ уп-
лыхъ ихъ ладій. Они причаливаютъ въ
зачвъгъ въ 3 или 4 миляхъ отъ Очакова
на воспокъ. Отъ сего залива къ Днѣв-
ру идетъ низкая лощина длиною около
3 миль, которую море иногда заливаетъ
на $\frac{1}{2}$ мили, покрывая ее водою не болѣе
какъ на $\frac{1}{2}$ фуза (луга). Черезъ сію ло-
щину Козаки перешаскиваютъ свои су-
да: надъ каждымъ челномъ прудится
200 — 300 человекъ (! ?), и чрезъ 2 — 3
дня весь флотъ, обремененный добычею,
является на Днѣпръ. Такимъ образомъ
Козаки набѣгаютъ сраженія съ Турец-
кими галерами, сполцими на устьѣ
Днѣпровскомъ близъ Очакова, возвраща-
ющаюся въ Войсковую Скарбицу, и дѣ-
лають шамъ добычу. — Есть и другая до-

рога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, раздѣляющій Тамань отъ Керчи, по Дожскому Лиману и рѣкѣ Мису. Проплывши по сей рѣкѣ вверхъ противу теченія покуда можно, Козаки переходящъ волокомъ на Товча-воду, и плывушъ по ней въ рѣку Самарь, и пономъ Самарью, вливающеюся въ Днѣпръ, выше Кайдака; впрочемъ Козаки рѣдко избираюшъ путь сей по отдаленности его отъ Запорожья. Иногда они избираюшъ его и для провоза въ Черное море на успь Днѣпровскомъ. —

== Сухимъ путемъ Козаки ходили по такъ называемому спарому Крымскому шляху, Серпяжскому шляху, Сагайдаку, шляху Верниводу и пр. Спарый Крымскій шляхъ или Моравская дорога по различнымъ мѣстамъ имѣла различныя названія; часть его отъ рѣки Самари къ Осокоровкѣ называлась Серпяжскимъ шляхомъ; другая часть проходившая въ Молдавію называлась Сагайдакомъ; доро-

га по берегу Днѣпра около пороговъ называлась шлахомъ Вершиводомъ: эпо-же имя носить и водный путь по Днѣпру отъ Монастырника (острова) до Кичкаса. Сими дорогами они доходили до Крымскихъ и Буджацкихъ Ташаръ. Въ Турцію они проходили иногда чрезъ Буджацкія земли, иногда и чрезъ горы Кавказскія если вѣрять Конисскому. — Въ подобныхъ походахъ они всегда располагались шаборами. — (*Изъясненіе изъ Укр. Восп.*)

14.

Пѣснь о Сава Чаломъ съ переводъ.

Сава Чалый — одинъ изъ любимцевъ памяти народной: бандуристы поютъ о немъ много пѣсень — очень любопытныхъ; въ нихъ описана вся жизнь его довольно подробно. Важнѣйшая изъ сихъ пѣсень есть та которая помѣщена въ

(122)

Но I. Зап. Спар. 60 — 83. Въ другой, изъ коей у меня находится только ошривокъ, упоминается, что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. Надѣюсь получить сію пѣсню въ полномъ спискѣ, и тогда напечапаю въ Дополненіяхъ къ I части Запор. Спар.

По всемъ вѣроятностямъ судя, Сава Чалый былъ предводителемъ нѣкоторой части Козаковъ, передавшихся на спороу Польши, и имѣвшихъ своихъ собственныхъ Гепмановъ, каковы были: Головченко, Голубъ, Кушка и Вородавка. О сихъ послѣднихъ говоритъ Конисскій, и, судя по сравненію его сказаній съ другими лѣтописцами, довольно вѣрно. Вопль его слова: — Поляки въ опроверженіе Гепманства Сагайдачнаго, а больше что бы сѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками Гепманомъ изъ Сопникозъ Демьяна Кушку, а онъ вздумать прославившся военными подвигами, и заслужить общее

пѣмъ уваженіе отправился съ войсками въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ Христіанъ, шамошними Татарами на границахъ Подоліи забранныхъ, но приближась къ городу Акерману былъ ашакванъ Турками и Татарами и взятъ въ плѣкъ и испребленъ. На мѣсто Кушки Поляки выбрали Гешманомъ Спаршину Козацкаго Бородавку; но Сагайдачный поймавъ его разтѣзжающаго по Малороссіи для возмущеній, предаль его суду, который осудивъ его яко самозванца и возмушителя народнаго на смерть, велѣлъ распрѣлять предъ войскомъ; шакъ и сдѣлали. — Вѣрошно сему Бородавкѣ наследоваль Сава Чалый, ибо въ С. З. XII. сказано, что въ шое время возспаль еще нѣкій Сава Голованъ съ войскомъ Малороссійскимъ и Польскимъ супрошивъ Сагайдачнаго. Чалый могъ называться по какому нибудь случаю и Голованомъ. Припомъ легко можеть быть, что Сава Чалый есть тоже самое лице, которое Спобельскій

называется Головченкомъ. Между шѣмъ
вошь чшо говоришь пѣсья о Савѣ Ча-
ломъ:

Жилъ былъ въ Сѣчи старикъ Ко-
закъ и назывался Чалымъ. Онъ воспи-
пашъ сына Саву на славу Козакамъ. Но
Пашъ Сава не захопѣлъ служить Коза-
камъ, а пошелъ къ Полякамъ межъ ними
добывать себѣ славы. Пошелъ онъ слу-
жить въ службѣ Польской и разорялъ
вмѣстѣ съ ними церковь Православную.
И былъ себѣ Сава и вѣлъ шолько
сало да палинцы (булки); и не любить
онъ юныхъ дѣвиць, любилъ однихъ мо-
лодиць; не любилъ онъ и Пашовъ Ко-
закъ, любилъ однихъ Капюликовъ. Са-
ва погубилъ, Сава продать на всегда
свою пѣру. — Тогда собирались Запорож-
цы, сходились на Раду, разсуждали о по-
ходахъ. Они всѣ пришли, всѣ пришли;
одного шолько нѣтъ. — За чѣмъ-же не
пришелъ ты на Раду отецъ Чалый? —

Зачѣмъ-же идши мнѣ, Паны Козаки, на Раду; если вы хопише погубишь на вѣки моего сына Сава! Хопь онъ и приспалъ къ Капюлькамъ, — но для чего ты возгордился предъ нами? — Возгордился-ли Сава или нѣтъ — говорятъ Козаки; но слава его стала недобрая, горькая слава: Панъ Сава не только разорелъ церковь Православную, онъ сдружился съ черпями и спалъ колдуномъ. — Тогда обозвался Голый, и говоритъ: — я хорошо знаю Пана Сава; я захвачу его. — И разошлись Козаки съ Рады, и сѣдали коней, и выступали въ походъ. А между тѣмъ Сава пѣетъ на пиру у Поляковъ въ городѣ Немпровѣ, и не думаетъ и не знаетъ о горькой бѣдѣ своей. И пѣетъ Сава, и веселился, и корчитъ себя Полякомъ; а къ нему къ Савѣ прѣзжаетъ гонецъ. — За чѣмъ ты, Ома?... Все ли благополучно у насъ? — Пропоппали, Панъ, дорожку, ко двору своему; но все хорошо, все благополучно: только Гайдомаки часто выглядываютъ изъ-за го-

ры. — Вопгь бѣда! Выглядывають! Не
мигъ ихъ боишься! Развѣ итъгь у меня
войска. Я не опоздаю. Подведи-же мнѣ,
молодецъ Оома, своего вороного коня; а
самъ осѣдай, самъ пригоповь для себя
гнѣдаго спарика. — И поѣхать Сава изъ
Немирова на ворономъ конѣ; а прѣхавъ
ши, начать думать о судьбѣ своей. —
Доля пш моя, доля — говоритъ Сава —
щербашая доля! — И спрашиваетъ ошъ
слугу своего: — Все ли благополучно у
насъ? — Все хорошо, все хорошо, Панъ
Сава; еще лучше съ шобою, когда уви-
димъ тебѣ на ворономъ конѣ. Все хо-
рошо, все хорошо, Панъ Сава; только
часшо Козаки выглядывають изъ за го-
ры. — И съѣзъ Сава въ концѣ шпола, и
пишетъ письма; а его молодая жена ка-
чаетъ дитя. Сава пишетъ письма; Сава
думаетъ думу, — и вопгь ошъ Сава, Панъ
Сава замышляетъ дѣло. — Сходи пш, мо-
лодецъ, въ подвалъ, и принеси вина: вы-
пьемъ чару за здравье жены. Сходи пш,
молодецъ, въ подвалъ, и принеси пива:

выпьмъ чару за здравье сына. Сходи
шы, молодець, въ подвалъ, и принеси ме-
ду. . . Мнѣ у грустно и тошно, . . голо-
вы не сдержу. — Сидишь Сава въ концѣ
спола, и чищаешь письма, а молодая
жена его думаетъ и задумывается. Си-
дишь Сава въ концѣ спола и зовешь къ
себѣ молодца; а молодая жена его пла-
чешь и рыдаешь. Не успѣлъ молодець
снять ключей со стѣны; Игнашь Голый
спалъ съ дружиной вороши ломать.
Панъ Сава выглянулъ въ окно, а Гайдо-
маки бродяшь уже по сѣнямъ. — Здрав-
ствуй, здравствуй Панъ Сава! Какъ по-
живаешь; издалека къ тебѣ гости при-
шли, чѣмъ-шо угостишь ихъ: ме-
домъ-ли пивомъ-ли или виномъ. И про-
щайся ты съ сыномъ, съ женой! — Чѣмъ
же угостишь мнѣ васъ? . . Даровалъ мнѣ
Господь Богъ сына, — окрестилъ его. —
Не за гѣмъ мы пришли къ тебѣ чпо-
бы крестить у тебя; мы пришли раз-
щипаться съ тобой. Веди-же насъ, Панъ
Сава, въ новый амбаръ; и отдай намъ,

Паць Сава Козацкую сбрую; ошдай намъ сукна и шелковыя шкани, кошорыя шы нажишь, вражій сынъ, по милости Козаковъ. Не за пгѣмъ мы пришли къ тебѣ чпобъ крестинишь у тебѣ; мы пришли слышь голову съ тебѣ. Если шы хопгѣль выбирашь себѣ кумовьевъ изъ Запорожцевъ, шо не долженъ былъ-бы разорити церквей. — И кивулся Паць Сава къ ясной обручъ своей; но Гайдомаки подили его вверхъ на прехъ копльхъ. И Сава вершился, увершывается, и прощається съ женою своей. — Позвольте мнѣ, Гайдомаки, съ женою простишься, позволите мнѣ съ силою собраться. И не успѣлъ Паць Сава вспрыгнути на коня, его заковали въ оковы и спали класть на шелегу. — Паны Запорожцы, ужели вамъ слава, чпо у васъ лежишь Сава залпный въ оковы? Если-бъ вы освободили меня изъ оковъ, шо приобрѣли бы себѣ болѣе славы. Вы приобрѣли-бы себѣ болѣе славы, если-бъ по-волѣ приняли меня въ дружину свою. И Сава вершищ-

ся, увертывается, и прощается съ женою своею; и кланяется Панамъ Козакамъ на всѣ чешыре спороны. И дали Савѣ свободу, и высшунили въ походъ, — и благодарили богатыря Саву. Не успѣлъ Панъ Сава вспрахнуть коня своего, и начать Поляковъ, и начать Поляковъ класпъ какъ снопы. Не успѣлъ Панъ Сава съспы на коня, — было Поляковъ сорокъ тысячъ — оспалоси двѣспи. И какъ глянешь Панъ Сава на правую руку: — Выноси-жь меня, конь мой, изъ подъ Польскихъ пруповъ. — И какъ глянешь Панъ Сава на правое плечо: — Передъ нимъ и за нимъ шекушь рѣки крови. —

15.

Сказаніа о смерти Сагайдачнаго.

Большая часть лѣтописцевъ говорятъ, что Сагайдачный раненъ въ бичъ.

(130)

въ Хошинской, и умеръ отъ раны. Одинъ только Рогачевскій заспавляеиъ его умерши на поляхъ Хошинскихъ. Нѣкопорые, въ числѣ конхъ и Конисскій, не говорятъ и о ранахъ. Конисскій прибавляетъ, что Сагайдачшй при концѣ жизни своей, перучилъ дѣла военныя Наказному Гешману своему Пешру Жицкому, — и, проживши въ полной славѣ великаго и важнаго Гешмана Малороссійскаго болѣе 23 лѣтъ, скончался въ 1622 году. . . Иные утверждаютъ, что онъ предъ смертію поспригся въ иноки.

О свдѣой бородѣ Сагайдачнаго есть преданіе народное; но оно здѣсь не къ дѣлу.

16.

Сказаніа о Кунцевичѣ.

Иосафатъ Кунцевичъ, Архіепископъ Полоцкій, гербу Рога (К. Р. 1. 92.) при-

(151)

крывалъ свой смирѣный нравъ видимымъ смиреніемъ и свѣтосшью, носилъ грубую власяницу а во время литургій иглищый желѣзанный поясъ, и каждый день бичевался (С. У. 123.). Онъ родился во Владиміръ и былъ сынъ сапожника, а потомъ добылъ себѣ званіе Шляхшича; какъ сказано въ рѣчи Лавреншя Древинскаго Депутата и Чашика земли Волынской, на Сеймѣ 1620 года, въ присутствіи Сигизмунда III (И. У. 72.). Характеръ и поступки Кунцевича превосходно представлены въ письмѣ къ нему Канцлера Липовскаго Льва Сагѣги. Переводъ сего письма см. въ Рос. Магаз. III. 474 и пр. а сокращенно въ И. У. 75 и слѣд. — Архіепископъ Меленій Смошрицкій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Православія, будучи избранъ Патриархомъ Теофаномъ на Епархію Полоцкую, пріѣхалъ въ Вишнебскъ, и, сжался надъ жителями его, коихъ угнѣтала Иосафанъ, подаль имъ совѣтъ умерщвить его. Совѣтъ принять, и Иоса-

Фалтъ въ 1628 году. Былъ умерщвленъ ; а Уніаши, починяя его за мученика, причислили къ лику Святыхъ Римской церкви, вмѣстѣ мощей спали показывающъ его восковую спашую, и еще сильнѣе начали угнѣщашъ Православныхъ (И. У. 84. 85). Зачинщики заговора прошивъ Кунцевича были преданы казни.

Сравни D. Z. VIII. 312.

17.

Дума о Безродномъ въ переводѣ.

— Съ Печасемъ погибли и многіе сподвижники его: Горленко, Спосура, Оома Безродный. . . . С. 3.

Сей Безродный, коего переписчики по ошибкѣ переименовали Оомою, есшь, конечно, Оедоръ Безродный, о коемъ говоришь Дума, помещенная въ Зап. Спар. Но I. спр. 91—94; покрайней мѣрѣ ни одного Апамана шакого прозванія, кромѣ сего

Федора или Фомы, — сколько мѣ извѣ-
стно, — не было у Запорожцевъ до сама-
го разоренія Сѣчи.

— По надѣ Сагой Днѣпровской моло-
дой Козакъ объдаешъ, и недумаешъ онъ,
и не гадаешъ, что на него молодѣго, и
на его юнаго Чуру, наспигаешъ бѣда.

То не луговья вербы загумѣли, по
надепѣли безбожныя Ташары Ушкалы,
и саблями и выспрѣлами ранили Федора
Безроднаго, Апамана Куреннаго; не пой-
мали только юнаго Чуры. Тогда Чура
идешъ къ Козаку, промываешъ глубокія
раны его; и Козакъ говоритъ ему: —
Чура мой Чура, мой вѣрный слуга! Иди
ты спешью по надѣ Днѣпромъ; и при-
слушайся: гуси-ль по кричашъ, иль по
лебеди ячашъ, иль по Ушкалы гудяшъ,
иль по Козаки Днѣпромъ идущъ? Если
по гуси кричашъ или лебеди ячашъ, раз-
гони ихъ; если-жъ Ушкалы гудяшъ, укрой
меня; если-жъ по Козаки идущъ, скажи

имъ: пусть они причальтъ челны свои къ берегу, и [навѣспяптъ меня Козака Ѳедора Безроднаго. — Тогда Чура пошелъ бродитъ по берегу, и увидалъ Козаковъ, и манитъ ихъ шапкой своей, и молвитъ имъ: — Паны молодцы, будьте добры, причальте къ берегу челны свои, поспѣшитъ къ Куренному Апаману. — И услышали Козаки рѣчи сн, и причалили къ берегу, и пришли къ Апаману. Тогда Козакъ хвалитъ Чуру, говоритъ такія слова:—Чура мой, Чура, вѣрный мой слуга! Будь вѣренъ чеспи, и будишь тебя Козаки уважатъ. — Такъ говорилъ онъ, и просилъ у всѣхъ прощенье, и опдалъ душу милосердному Богу. Тогда Козаки копали саблями могилу, шапками и приполами выбрасывали землю, хоронили Ѳедора Безроднаго, и спряляли изъ семипяденныхъ пицалей, и жалобно играли въ трубы. И швердо вѣрила душа Козацкая, что не умретъ безъ Войска Козацкаго. —

Чура — молодой слуга, какихъ имѣть при себѣ всякій Козакъ имогда по два и болѣе. О нѣкопорохъ изъ Чуръ упоминается и въ Лѣтописяхъ. Пясецкій (р. 477) упоминаетъ о Цюрахъ, коихъ количество при войскѣ часшо въ пять превышало разъ самое войско.

Называли **Ушкалами** Запорожцы опрасль Буджаковъ, славившихся храброшью. — Буджацкіе Ушкалы или Гушкалы. — Венгерскіе Гушкалы. —

— Не сходны-ль они съ *ушкуйниками* нашими, получившими названіе опъ легкаго судна, на коемъ плавали? И. Сп.

18.

Привилегіи, данныя Сигизмундомъ III Грекороссіанамъ.

Въ 1589 на Сеймѣ Варшавскомъ Сигизмундъ III далъ привилегію духовен-

(136)

сству Грекороссійскому сохраняя въ ихъ чины въ силѣ, власни, чести и достоинствѣ на равнѣ съ духовенствомъ Капшолическимъ.

Въ 1637 года Конспишуція: — успокоевалъ вѣру Греческую, предостерегаемъ, что чини и маешносней духовныхъ иначе раздавать не будемъ, какъ только сообразуясь учрежденію оныхъ и древнему обычаю предковъ нашихъ, отъ коихъ онѣ имъ даны ш. е. людямъ Шляхецкимъ народа Русскаго и прямо вѣры Греческой, и не дѣлаемъ предосужденія въ совѣсти ихъ по законамъ, и свободнаго ошправленія службы ихъ, по древнимъ ихъ обрядамъ. —

Въ 1609 году издана Конспишуція, грозившая судомъ и пѣней наказывать обидящихъ, и обещававшая ошквашелье успокоить всѣ ссоры между Уніашии и Неуниашии на будущемъ вскорѣ Сеймѣ.

Въ 1618 году подтверждена свобода Богослуженія Грекороссіанамъ, а совер-

шею успокоеніе вѣры Греческой оспавлено опять до слѣдующаго Сейма.

На Сеймѣ 1620 подтверждена Конспициуціа 1607 года опносношельно Духовенства Грекороссійскаго.

Въ 1623 году выдана Конспициуціа въ удосповѣреніе спокойствія Уніашовъ и Неунишовъ; а рѣшеніе дѣла опносношельно Уніашовъ и Неунишовъ слова опложено до будущаго Сейма.

Въ 1627 году выпла Конспициуціа съ подобнымъ обѣномъ.

Также сдѣлано и на Сеймѣ 1631 года (И. У. 65 — 88).

19.

Сказаніе Боплана о Койдакѣ.

— На Койдакѣ въ Іюль 1635 года — говоритъ Бопланъ — былъ заложенъ мною замокъ; но послѣ моего оптѣзда въ Ав-

(138)

гуситъ мѣсяцъ кѣло Сулима (Soliman), предводишель мяшежныхъ Козаковъ, возвращался съ моря и видя, что замокъ преграждаетъ ему путь, капаль на оный врасплохъ, и изрубилъ 200-пный гарнизонъ, сосполвший подъ начальствомъ Полковника Маріона, родомъ Француза. —

— Въ С. Г. З. сказано, будто Койдакомъ въ шо время начальствовать какойшо Тмискій. —

— Взявъ и разграбивъ сію крѣпость, Сулима возвратился въ Вапорожье; но Козаки не долго владѣли тогда Койдакомъ: по распоряженію великаго Конецпольскаго, они были осаждены вѣрными Козаками и взяты въ плѣнь. Сулима со всѣми единомышленниками пойманъ былъ уже въ послѣдствіи и четвергованъ въ Варшавѣ. —

— Ковискій говоритъ, что всѣмъ старшинамъ опублены головы, и опосланы въ города Малороссійскіе. —

— Впрочемъ Поляки оставили безъ вниманія Койдацкую крѣпость, и тѣмъ развязали руки дерзкимъ Козакамъ, кои забунтовались въ 1637 году. 16 Декабря около полудня, мы встрѣпили 18,000 войско ихъ, сползшее въ таборъ при Кумейкахъ. Хотя опрѣдѣ нашъ имѣлъ не болѣе 4000, однако-жъ мы не замедлили напасть на Козаковъ и разбили ихъ. Сраженіе продолжалось до полуночи: около 6000 Козаковъ легло на мѣстѣ, а прочіе, оставивъ намъ 5 пушекъ и поле битвы, спаслись подъ защитою мрачной ночи. Мы потеряли 100 ч. убитыхъ и 1000 раненныхъ, въ числѣ убитыхъ находились: Подполковникъ Морвицъ, его Прапорщикъ, Капитанъ Юскескій, Поручикъ Лакропадъ и многіе другіе иностранцы. Война продолжалась до Октября слѣдующаго года. По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4000 воиновъ отправился на Койдакъ, и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приве-

дена въ оборонительное положеніе, ш. е.
около мѣсяца.

20.

*Повѣсть Конисскаго объ убіеніи
Острианицы и его товарищѣ.*

— Полки сѣдавши чрезъ шпионовъ своихъ Жидовъ о повѣдѣ Гешмана Острианицы съ шпатою своимъ безъ марочной сиражи въ Каневъ, шупъ въ монастырь его окружили многолюдною полною войскъ своихъ, придшедшихъ по почамъ и байраками до самаго монастыря, копорый сполъ внѣ города. Гешманъ узналъ о семъ предательствѣ, когда городъ и монастырь войскомъ Польскимъ были уже окружены, и пошому сдался имъ безъ сопротивленія, и они перевязавъ весь шпатеъ Гешманскій и его самаго, а всего 37 человекъ положили ихъ на просныя шелѣги, а монастырь

(141)

и церкви тамошня разграбивъ до по-
сѣда, зажгли ихъ со всѣхъ споровъ и са-
ми съ узниками скоростно убра-
лись, и пришли въ Польшу скрытыми
дорогами, боясь погони и нападенія отъ
городовъ. Приближался къ Варшавѣ по-
спроили узниковъ своихъ въ два ряда гѣ-
шихъ связанныхъ по два и каждому изъ
нихъ накинули веревку на шею съ пещ-
лею, за которую ведены были они кон-
ницей по городу съ шумомъ и бара-
баннымъ боемъ, проповѣдая, что сіи
схизматики пойманы на сраженіи надъ
ними одержанномъ; а попомъ окованы и
заперты въ подземныя тюрьмы. Жены
многихъ захваченныхъ въ неволю чинов-
никовъ забравши съ собою малолѣтнихъ
дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву,
надѣясь умоливши и подвигнуть на
жалость записку тамошнюю прога-
шальнымъ предсѣдательствомъ дѣтей за
ихъ опцевъ. Но они симъ пицу крово-
жадныхъ пирановъ умножили, и опшюдь
ничего не помогли. — Чиновники сіи по

нѣсколькихъ днѣхъ своего започенія по-
влечены на казнь. Зрѣлище сіе ошарыва-
ла процессія Римская со множествомъ
Ксеззовъ ихъ, кой уговаривали Малорос-
сіи, чшобы они приняли законъ ихъ;
но сіи ничего не отвѣчая, молились до
своей вѣрѣ. Гешманъ Осипряница, Обоз-
ный Сурмило и Полковники: Недригай-
ло, Бюокъ (Павлюкъ) и Рыцдычъ были
колесованы. Полковники: Гойдаровскій,
Супримъ, Заналій, и Полковые Обозные:
Кианъ и Сучевскій пробины железны-
ми насквозь и подняны живые на сваи.
Асаулы Полковые: Поспыличъ, Гаруць,
Сушыга, Подобай, Харкевичъ, Чудагъ и
Чурай, — и Солшники: Чуурина, Окуло-
вичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворож-
банъ прибины гвоздями споячїе къ до-
скамъ облипы смолою и сожжены
медленнымъ огнемъ. Хоружкіе: Могилы-
скій, Загреба, Скребило, Ахшырка, По-
пурай, Бурлій, и Загнибида расперзаны
железными когпями похожими на мед-
вѣжью лапу. Спаршны: Мещелій и Ту-

гай четвертованы. Жены и дѣти спрдащцевъ вопили. Желамъ обрѣзавши груди перерубили ихъ до одной, а сосцами ихъ били мужей ихъ, бывшихъ еще живыми, по лицамъ ихъ; оспавшихся по маперяхъ дѣтей пережгли всѣхъ въ виду опцевъ на желозныхъ рѣшечкахъ, подъ конь подкладываемы были уголья и раздуваемы шапками. Главные члены человѣческіе, опрубленные у чиновниковъ развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ. Развѣзавшія припомъ Польскія войска дѣлали все что хотѣли, безчества, насилія, грабежи и ипранства, нѣсколько разъ новпоряди Варшавскій пиръ. Наконецъ ограбивъ всѣ церкви отдавали на аренду Жидамъ, а ушварь церковную распродали, и пропили Жидамъ, кон подѣлали себѣ изъ серебра Св. ушварей посуду и убранства, а ризы и спихари перешли на платье своимъ женамъ и дочерямъ. —

— ! ? ! ? —

Подобныя описанія занимають большую часть сказаній И. Р. споль любезной многимъ изъ нашихъ Крипиковъ. И какъ не вѣрнѣе имъ? ... Онъ шакъ задирашечельны! —

21.

Надѣробная пѣсь Чураю съ переводъ.

Асауль Чурай по словамъ Коноскога прибишь гвоздями къ доскѣ облитой смолою, и сожжеть медленнымъ огнемъ, или, что всего справедливѣе, казнеть. Подлинную пѣсь на смерть Чурая см. Зап. Спар. No I. 74 — 76. Вотъ переводъ оной.

— Орель, сизый орель, молодой Чурай! Тебя умершвили Поляки въ своей

Часть I. (145) 13

земля. Тебя умертвили Поляки съ шво-
нъ Гешманомъ, съ швономъ Гешманомъ
Паномъ Стефаномъ (Осшрлянцѣй). Орелъ,
сизый орелъ! У тебѣ есть еще братья
орлы! И старые и молодые, — ты знаешь
ихъ — и старые и молодые всѣ они въ те-
бѣ, и всѣ поклялись опомститься за те-
бѣ! И старые и молодые, всѣ удалые;
ихъ воронье кони быстры, проворны;
они быстры, проворны, и летаютъ какъ
орлы, и какъ шучи нападаютъ на города
Польскіе. Ихъ булашныя копья съ дол-
гими законечниками, и всѣ оспры какъ
иглы, и во всѣхъ долги клюги. У
нихъ и сабли булашныя о двухъ лезве-
яхъ; и пѣ сабли вѣчно осыпаютъ Ля-
ховъ злою судьбиной.

Клюги. Я не понимаю значенія оваго
го слова и оставляю безъ перевода.

Дума о Полтора-Кожухъ съ переходъ.

— Козаки вышли на чешыре поля, на чешыре поля а на пятое на Подолье. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а за Паномъ Хоруужимъ мало-мало не шри тысячы, все храбрые Козаки Запорожцы. Они гарцюють на коняхъ, блестятъ саблями, бьютъ въ бубны, моляцца и крестяцца Богу. Не гарцюють на конѣ своемъ одинъ Самко Мушкетъ; онъ придерживаетъ коня своего, — и думаетъ и гадаетъ; и что-бы спо чершею разбили бѣдой его думу, его гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, и говоритъ шакіа рѣчи: — Что будетъ, когда Поляки какъ въ аду сожгутъ наше Козачество, и сварятъ себѣ на похмѣлье ясыны изъ нашихъ Козацкихъ молодецкихъ коспей! Что будетъ, когда наши

молодецкія Козацкія головы лягушъ на
полъ шепномъ, и обаграшя кровью
родной, и покроюшся щепами сабель
своихъ. Какъ порохъ изъ дула пропадешъ
погда слава Козацкая; а не наша-ль слава,
по всему свѣту дыбомъ спала, по всему
свѣту степью лягла, по всему свѣту
луговымъ шумомъ зашумѣла, и Туркамъ
и Татарамъ дала себя знашь и добромъ
и зломъ, а врагамъ Лхамъ ошдалась на
копье.

Лешя постепи, заграешъ воронъ;
скача по степи заплачешъ кукушка; за-
каркаешъ сизый кречешъ; головою поник-
нешъ быспрый орелъ; — всѣ о брашляхъ
своихъ, о буйныхъ шоварищахъ своихъ
Козакахъ.

Или замела ихъ мяпель; или попо-
нули они въ Пектъ, что невидно хохловъ
ни въ степяхъ, ни въ лугахъ, ни въ Та-
шарскихъ земляхъ, ни въ Турецкихъ го-
рахъ, ни на Черныхъ моряхъ, ни на Ал-
шскихъ поляхъ. Загруешъ воронъ, за-
груешъ, зашумишъ, — и полетишъ въ чу-

жую землю. И чпожь? Лежащъ косни, шпорчашъ сабли: хруснящъ косни, звонящъ щены сабельныя; а черно-сѣрая со-рока кричищъ и прыгашъ. Головы Козакія, — шо будшо сапожникъ Семень кожу пошерящъ (!); а ихъ хохлы — слово черщъ изъ нихъ жгупы наплель: шакъ запеклася кровь на нихъ. — Вошъ какой славы они добыли себѣ! —

Пошли Козаки на чешыре пуши, на чешыре пуши а пашымъ Подольемъ. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкенъ, а другимъ полемъ полель Стефанъ Кукуруза: онъ повикнулъ своей буйной головой словно голубка. За нимъ идушъ не много не при пыслчи храбрыхъ шоварищей Запорожцевъ. Они гарцююшъ на коняхъ, блестящъ саблями, играюшъ въ бубны, и молящся и креспящся Господу Богу, и шакъ молящъ Стефану Кукурузѣ:

— Живъ-ли, здоровъ-ли, Панъ Стефанъ? Или ты умеръ, чшо твоя голова къ долу понкля, словно дубомъ прищ-

бло ее? Не въ память дума швол. При-
дентъ-же время, что и по васъ будущъ
пворитъ лана-иды: за нами будущъ
спарыя бабы въ полѣ свиспѣшь; а за
любою спануть слезы лишь юные дѣ-
вицы. Но то все едино, что хлѣбъ, что
мякина. Волъ какъ преспанешъ къ пышо-
му яру, то загудитъ, загумитъ хощь и
середь лѣша не-дай-Богъ-бура. Бѣда бу-
дешъ и намъ, какъ вѣщала кукушка, ска-
ча по степи, лешя лутогъ. Что ковала
она, то говорила правду. И налепятъ
быстрые орлы, и спануть посковатъ;
и налепятъ вороны, спануть ждашь себя
добычи. И какъ налепятъ кукушки — то
насъ не забудуть. Иное Жидъ, иное
чертъ, иное Запорожскій Козакъ. — И по-
шли Козаки чепырьмя пушами, чепырьмя
пушами, а пашымъ Подольемъ. Однимъ по-
лемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ
полемъ пошелъ Стефанъ Кукуруза, а
третьимъ полемъ пошелъ Карпъ Пол-
шора-Кожухъ. Онъ гарцюешъ на конѣ
своемъ, онъ пѣсно поешъ. И за нимъ

вдуть не много не шри тысячи, все крабрые шоварици Запорожцы, и гарцюють на коняхъ, и блестятъ саблями и бьютъ въ бубны, и молются Богу. Гешманъ Карпъ Полшора-Кожухъ гарцюетъ на конѣ и дѣсно поетъ:

— Проклятая шоска; она засушила меня; она съ ногъ свалила меня, молодого Козака; но я не поддамся шоскѣ: пойду къ шинкаркѣ, и напыюсь вина. Кто хочеть пишь вина? Поїдемъ къ Жидовкѣ; а у Жидовки черныя брови и юбка цвѣпная, и сама молода; и ужъ какъ хороша, какъ мила! Шинкарочка, налей-же мнѣ меду и вина, авось будетъ легче головѣ моей. — Если ты женапть воропися до мой! Если-жъ не женапть, переночуй со мной. — Охъ, есть у меня и жена и двое дѣшей, да что-же, — не льдушь коня, сердце мое!

О подвигахъ Гешмана Карпа Полшора-Кожуха Лытописцы говорятъ очень

кратко, не упоминала ни слова о его сподвижниках. Вотъ почему я долженъ осмѣливъ эту думу безъ дальнихъ объясненій, сколько ни замѣчательна она по обрисовкѣ характеровъ оригинальной и необыкновенно выразительной: это — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ Спириты Запорожской.

23.

Сказаніа Конисскаго о Гетманѣ Гулакѣ.

— На мѣсто Гетмана Полпора-Кожуха въ 1642 году избранъ Козаками въ Гетманы Обозный Полковой Максимъ Гулакъ, но и сей одинакую съ Полпора-Кожухомъ имѣли участь, и покушенія его на умноженіе войскъ и освобожденіе Малороссіи оныя были тщетны, и когда вышелъ было онъ съ войскомъ къ

рѣку Тясминъ для поиска надъ Поляками, по множествомъ подъ командою Чингисскаго Спаросши Чернецкаго былъ разбитъ и разсѣянъ, и обозъ съ запасомъ и артилерію поперялъ, и шакъ пребывая оны въ шѣхъ-же пограничныхъ мѣстахъ гдѣ и Полшора-Кожухъ держался, имѣлъ при себѣ реэспированаго войска только 7000 и съ шѣми ходилъ къ соседнимъ народамъ на толалу ш. е. помогая между ними слабѣйшимъ, и когда Крымцы его вызывали, по воевалъ оны на ихъ коннѣ на Черкасовъ, на Волжаскихъ Хановъ и на Калмыковъ, и много шѣми одоужать Крымцевъ ко взаимности; а когда званъ оны царей Московскихъ, по воевалъ оны съ ними на Заволжцевъ и Донцевъ; и наконецъ запрошенъ былъ оны Сулпаномъ Турецкимъ прошивъ Персовъ, тогда съ Турками войну имѣвшихъ; и ходилъ на коннѣ Турецкомъ съ войскомъ своимъ за Кубань въ Анаполию, гдѣ соединясь съ Пашею Турецкимъ Джераромъ проходилъ

съ нимъ до Эривана, побѣждалъ всегда удачно встрѣчавшіеся съ нимъ Персидскіе корпуса. А при Эривани полученъ Султанскій фирманъ съ объявленіемъ мира, и Гулакъ возвратился очаспливо, и одаренъ Султаномъ весьма, и дано ему Клейноды: бунчукъ и перначъ, осыпанные каменными и жемчугомъ. А чрезъ 5 лѣтъ Гетманъ скончался, въ мирѣ и въ достоинствѣ. —

Энгель и нѣкоторые Литописцы почитаютъ преемникомъ Полпора-Кузуха — Булюка или Павлюка (С. У. 133).

24.

Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова съ переводъ.

См. Зап. Стар. No I. 94 — 102. Начала сей думы я доспашъ не могъ; но слышалъ, и увѣренъ, что она описана

(154)

ся ко времени Саватшовича. Доказаше, и-
сшея на это будущъ помѣщенъ въ одной
изъ книжекъ Дополненій къ Зап. Спар-
дмѣстѣ съ началомъ думы, кошорое на-
дѣюсь получишь въ скоромъ времени.

— Тогда не голубые шуманы поднима-
лись, то уходили изъ города Азова изъ
пляжкой деволы при брата родные,
Спаршіе два уходили на коняхъ, а мей-
дѣй пѣшкомъ; и гонимся онъ за конными
братьями своими, колешъ Козацкія ноги
свои о сырые кореня, о бѣлые камни,
и заливаешъ слѣды свои кровью, и дого-
ляешъ спаршихъ братьевъ, и хватаешъ
за спремена, обливаешъ ихъ дробными
слезами, и молвишъ такія слова:

— Спаршіе родимые братья мои!
хоще не много подождите меня, попаси-
те своихъ Козацкихъ коней, и примите
меня къ себѣ на коня, и хоще не много
подвезите къ городу Христіанскому,
что-бы я зналъ, какъ идиши мѣ въ го-

рода Христіанскіе къ отцу, къ матери.
Прощу васъ, или примите меня къ себѣ
на коня, или опрубите мнѣ голову, по-
хорошите мое плѣло Козацкое въ чис-
шомъ полѣ, лишь не опдайте меня на
поправу хищной птици и звѣрю. — И
услышатъ это старшій братъ, и такъ
опвѣчатъ младшему брату:

— Братъ нашъ младшій, родной. Не
поднимется рука наша, не осмѣлится
сердце, не пронесетъ сабля пропитъ
тебя. Лучше мы будемъ идти шернов-
никами и байраками, искашь тебѣ при-
спатица, оспавашъ тебѣ признаки по
пуши.

И бѣжали братья по донь, по два
не три, не чепыре, и оспавили меньша-
го брата на Азовской степи; и когда
начали вывѣзашъ изъ шерновниковъ и
байраковъ, спали бросашъ знаменье по
пуши своему. Тогда средній братъ го-
ворилъ старшему брату шакія рѣчи:

— Старшій, родимый братъ! Прощу
я тебя — здѣсь и права свѣжа, и вода

числа, и очередь пригоденъ. Оподохнемъ; попасемъ своихъ коней, хопъ не много подождемъ нашего пѣшаго брата, приемъ его къ себѣ на коня, подвеземъ хопъ не много къ городамъ Христіанскимъ, что-бы знать онъ, нашъ младній родной братъ, куда пушь его къ опцу, къ машери. —

Спаршій братъ опъчалъ среднему шакими словами:

— Родимый братъ мой средній! Если будемъ поджидать своего пѣшаго брата, шо за нами Азовская погость поидеть, и достигнешъ насъ, и на шри куска разрубить; или опведеть насъ еще въ худшую неволю, а младнаго брата микуопъ во время его опдыха въ шерновникахъ или байракахъ; не поможемъ мы брату, не избавимся и опъ рабства Турецкаго. —

Тогда средній братъ придумать доброе дѣло. На немъ одинъ кашанъ, онъ не жалветъ и его, опрываетъ опъ него желшыя и черныя снурки, и броса-

еще ихъ на пуши въ знаменце младшему
брату своему. И бѣжалъ младшій братъ
не день, не два, не три, не четыре, —
и выбѣгалъ изъ перновниковъ и байра-
ковъ, и находилъ желтые и черные шур-
ки изъ кашана. Онъ беретъ ихъ въ
руки, и обливаетъ слезами, и говоритъ: —

— Не даромъ шурки моихъ братьевъ
валяются по дорогѣ. Вѣрно, ихъ ищутъ
уже на свѣтѣ. Вѣрно, за ними гналась
погоня изъ города Азова, и постигла ихъ,
моихъ конныхъ братьевъ, и рубила на
три куска; или еще въ худшую нево-
лю живыхъ опводила а меня младшаго
брата миновала въ перновникахъ и бай-
ракахъ. О, еслибъ мнѣ Богъ помогъ най-
ти ихъ трупы въ степи, — я бы по-
гребъ ихъ; я не опдалъ-бы ихъ на по-
шраву звѣрямъ и птицамъ. Пора уже
мнѣ переспать гнашься за конными
братьями; пора мнѣ дать опдыхъ мо-
имъ Козацкимъ ногамъ.

И жажда, и голодь, и вѣсперъ на
него нападаетъ, подсѣкаетъ ноги бѣд-

ному Козаку. И началъ тогда младшій
братъ склонять свою голову. Тогда
спали, налепая сизокрылыя орлы, и
садились на черныя кудри его, и выкле-
вывали его свѣтлыя очи. И Козакъ го-
ворилъ орламъ сизокрылымъ такія слова:

— Сизокрылыя орлы, не милые, не
любые госпни мои! Подождите хоть не
много, пока будетъ душа разлучаться
съ тѣломъ. Тогда налепайте на прутья,
и выклевайте очи мои. —

Слепались тогда и молкія ппички,
и принялись опрывать тѣло опъ же-
стныхъ костей. Слепались и кукушки, и
садились въ головахъ у бѣднаго Козака,
и ковали — горевали будто родныя се-
спры. Сбѣгались и сѣрые волки, и раз-
носили желпыя кости по оврагамъ и
перновникамъ, и жалобно были, завыва-
ли. То они всѣ опправляли похороны
Козаку молодцу.

Межь тѣмъ старшіе братья при-
ближали къ городамъ Христіанскимъ, —

И налегала на нихъ тяжелая грусть.

И средній братъ говорилъ старшему :

— Братецъ мой старшій родимый !

Не даромъ тяжелая грусть налегаетъ на сердца наши: вѣрно, уже вѣсть на слухъ нашего младшаго брата. И когда мы дойдемъ до отца и матери, и когда они будутъ насъ спрашивать, что мы скажемъ имъ отвѣчая, родимый братъ? Старшій братъ отвѣчалъ ему :

— Мы скажемъ, что мы не у одного Господина были въ неволѣ, и бѣжали изъ неволи ночью порой, когда онъ спалъ, и недобудившись его оставили въ неволѣ.

Средній братъ выслушалъ и сказалъ :

— Если мы не скажемъ правды отцу и матери, то насъ накажутъ молнииво опщовская и материнская.

И захвали старшіе братья въ лѣса Самарскіе, и опдыхали на берегу Самари, и пустили коней своихъ пасшися. Тогда захвали невѣрные, и схватили двухъ братьевъ, заковали въ оковы, во-

очкам ихъ по спине; и попомъ четвер-
шовали шрупы ихъ, и бросили въ чистомъ
полѣ, а головы вѣшали на сабли, и ру-
гались надъ ними.

И вопль — хопъ и легли головы
прехъ брашьевъ; но ихъ слава не у-
мреть межъ Царей, и межъ вельможъ,
и всѣхъ православныхъ Христіанъ.

Дай, Господи, міру Царскому, міру
Христіанскому, всѣмъ здравіе на многія
лѣта! Аминь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе 7

Лѣтопись :

СКАЗАНІЯ о возстаніяхъ Украин-
цевъ и Козаковъ противъ Польши 11

ЗАМѢЧАНІЯ:

1. Первые мятежи Козаковъ про-
тивъ Польши 66

2. Свѣденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіянамъ Королями Польски-
ми 67

3. Подвиги Косинскаго 70

4. Мятежи въ Кіевѣ, Переяславѣ
и Лубнахъ. 1594 73

5. Дума о бившѣ Чигринской въ
переводѣ 74

6. Пѣснь о сожженіи Могилева въ
переводѣ 81

7. Пѣснь объ убіеніи Наливайки въ
переводѣ 84

(163)

8. Пѣснь о подвигахъ Дободы въ переводѣ	91
9. Тешеранко	95
10. Повѣсть Кописскаго о слѣдствіяхъ смерти Наливайка	102
11. Повѣсть Кописскаго о слѣдствіяхъ Бреснскаго собора	103
12. Пѣснь о Сагайдачномъ въ переводѣ	105
13. Походы Козаковъ противъ Ташаръ и Турокъ	111
14. Пѣснь о Савѣ Чаломъ въ переводѣ	122
15. Сказанія о смерти Сагайдачнаго	130
16. Сказанія о Кунцѣвичѣ	131
17. Дума о Безродномъ въ переводѣ	133
18. Привиллегіи данныя Сигизмундомъ III Грекороссіянамъ	136
19. Сказаніе Боплана о Койдакѣ	138
20. Повѣсть Кописскаго объ убіеніи Оспраицы и его шоварницей	141

21. Надгробная пѣснь Чураю въ переводѣ	145
22. Дума о Полшора-Кожухѣ въ переводѣ	147
23. Сказаніе Комисскаго о Гешманѣ Гулакѣ	152
24. Дума о побѣдѣ шрохъ брашъ-евъ изъ Азова въ переводѣ	154

(111)

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЗАПОРОВСКОЙ СТАРИНЫ

Кн: I.

**ПѢСНИ И ДУМЫ О ЛЮДЯХЪ И СОБЫТІЯХЪ ДО
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.**

— Предисловіе: — 5 — 26. ПѢСНИ И ДУМЫ:
— 27 — 109. — Замѣтки: — 110 — 129.

Кн: II.

**СКАЗАНІЯ ЛѢТОПИСЦЕВЪ И ПРЕДАНІЯ О ЛЮ-
ДЯХЪ И СОБЫТІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ И ЗАПО-
РОВѢ ДО СМЕРТИ БАТОРИА.**

— Предисловіе: — 5 — 13. — ЛѢТОПИСЬ: —
15 — 33. — Замѣчанія къ ЛѢТОПИСИ,
ПѢСНЯМЪ, помѣщеннымъ въ Кн: I, подъ
Но 1, 2, 3 и 4, и ДУМАМЪ, подъ Но 1
и 2, съ переводомъ оныхъ: — 35 — 130. —

(167)